

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ НИЖЕГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

На правах рукописи

Емелин Данил Романович

**Влияние энергетического фактора на систему региональной безопасности
современного Ближнего Востока**

5.5.4. «Международные отношения,
глобальные и региональные исследования»

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата политических наук

**Научный
руководитель:**

Науменко Т.В.
доктор философских
наук, профессор

Нижегород – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
Глава 1 Теоретико-методологические основы исследования энергетического фактора в системе региональной безопасности.....	31
1.1 Специфика системы региональной безопасности на Ближнем Востоке..	31
1.2 Энергетическая безопасность как элемент региональной безопасности..	46
1.3 Методология анализа влияния энергетики на региональную безопасность Ближнего Востока	56
Глава 2 Энергетический фактор и его влияние на структуру региональной безопасности.....	92
2.1 Роль региональных акторов Ближнего Востока в энергетической структуре региона.....	92
2.2 Внешние акторы (США, Китай, Россия, ЕС) в структуре региональной безопасности Ближнего Востока	113
2.3 Влияние энергетического фактора на баланс сил на Ближнем Востоке .	125
Глава 3 Тенденции энергетической безопасности Ближнего Востока и их влияние на региональную безопасность.....	133
3.1 Энергетические ресурсы как фактор геополитической конкуренции на Ближнем Востоке.....	133
3.2 Переход к «зеленой» энергетике и его последствия для Ближнего Востока	147
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	157
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:	161

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в условиях глобального энергетического перехода происходит структурная трансформация мировой энергетической системы, оказывающая непосредственное влияние на политико-экономические модели государств Ближнего Востока и на характер региональной безопасности. Традиционно регион выступал одним из ключевых центров мировой углеводородной экономики, а контроль над добычей и экспортом энергоресурсов являлся базовым фактором формирования его международной роли, баланса сил и архитектуры безопасности. Однако изменение глобальной энергетической конъюнктуры, развитие альтернативных источников и постепенная диверсификация мирового спроса на углеводороды ставят под вопрос устойчивость сложившейся модели регионального развития.

Исторически сложившаяся зависимость мировой экономики от ближневосточной нефти и газа заложила фундамент для становления энергетики как инструмента влияния и фактора перманентной нестабильности. Система региональной безопасности формируется здесь непосредственно вокруг контроля над месторождениями и критически важными транспортными артериями, такими как Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы. Кроме того, центральная ось регионального противостояния – суннитско-шиитское соперничество между Саудовской Аравией и Ираном – включает, в том числе, энергетическую составляющую. Нефтяные и газовые доходы финансируют масштабные программы вооружений и прямо или косвенно поддерживают прокси-силы в Сирии, Йемене, Ираке и Ливане. Сами конфликты зачастую имеют четкую ресурсную подоплеку: борьба за контроль над нефтяными месторождениями, а также энергетическую инфраструктуру, в том числе нефтеперерабатывающие заводы, трубопроводы и порты.

Ресурсное богатство региона неизбежно привлекает внимание и вмешательство внешних акторов, чьи интересы вступают в сложное взаимодействие с амбициями локальных игроков, усиливая общую фрагментацию региона. Стратегии США, Китая и Российской Федерации продиктованы

диаметрально противоположными целями. Соединенные Штаты продолжают активно влиять на региональные процессы при помощи военного присутствия, поддерживая своих ключевых союзников в регионе. В то же время Китай, выступая крупнейшим импортером углеводородов, избегает прямой конфронтации, но последовательно, через масштабные инфраструктурные проекты в рамках инициативы «Один пояс – один путь», создает альтернативные логистические цепочки, формируя новые зоны влияния. Россия, используя наработанный военно-политический капитал в Сирии и координируя работу в рамках ОПЕК+, активно продвигает свои интересы как незаменимого игрока на региональном уровне. В этой связи регион превращается в арену столкновения глобальных стратегий, где энергоресурсы служат одновременно и целью, и средством достижения интересов, преследуемых региональными и внерегиональными акторами.

Вместе с тем климатические и демографические вызовы усиливают структурную зависимость региона от углеводородов. Для борьбы с последствиями изменения климата требуется внедрение энергоемких решений, что увеличивает внутреннее потребление нефти и газа, сокращая экспортные доходы. Это создает порочный круг – диверсификация экономики требует больших нефтяных доходов, которые, в свою очередь, укореняют уязвимую ресурсную модель и обостряют внутреннюю конкуренцию.

При этом в рамках научно-политического дискурса необходимо разграничивать, но в то же время рассматривать во взаимосвязи категории региональной безопасности и региональной стабильности. Если региональная стабильность отражает общее состояние устойчивости региональной системы, характеризующееся относительной предсказуемостью политических процессов, отсутствием масштабной дестабилизации и сохранением существующего баланса сил, то региональная безопасность представляет собой совокупность механизмов, институтов и практик, направленных на защиту интересов государств и предотвращение, сдерживание и урегулирование угроз. В данном контексте региональная безопасность выступает функциональной основой обеспечения региональной стабильности, в то время как состояние стабильности отражает

результат эффективности или, напротив, несостоятельности сложившейся системы безопасности.

Еще большую актуальность усиливают геополитические процессы, разворачивающиеся на Ближнем Востоке в текущий момент. Эскалация конфликта между Ираном и коалиции США и Израиля знаменует собой качественный перелом в развитии системы региональной безопасности на Ближнем Востоке, демонстрируя переход энергетического фактора из категории структурного экономического ресурса в инструмент прямого военного и геополитического воздействия. После массированных ударов США и Израиля по объектам военной, ядерной и энергетической инфраструктуры, сопровождавшихся ликвидацией высшего военно-политического руководства Ирана, Тегеран реализовал комплекс ответных мер, имеющих комплексный характер: нанесены массированные ракетно-дроновые удары по военной инфраструктуре США на территории государств Персидского залива, охватившие фактически всю региональную сеть американского военного присутствия в регионе, а также по объектам добычи и переработки нефти. Параллельно Ираном осуществлено фактическое перекрытие Ормузского пролива, что привело к почти полной остановке судоходства и резкому росту цен на энергоносители на мировых рынках.

В результате усиливается фрагментация регионального пространства, расширяя географию конфликта, вовлекая не только региональных, но и глобальных акторов, зависимых от поставок углеводородов. В данном контексте энергетический фактор выступает одновременно источником уязвимости, объектом борьбы и инструментом стратегического давления, определяющим архитектуру безопасности Ближнего Востока.

В этой связи представляется актуальным исследование характер влияния энергетического фактора на структуру угроз, конфигурацию акторов механизмы конкуренции и баланс сил в регионе в условиях глобальной трансформации энергетического сектора.

Степень разработанности темы исследования.

Проблематика влияния энергетического фактора на региональную безопасность Ближнего Востока является предметом междисциплинарных исследований, охватывающих энергетику, экономику, политологию, экологию и международные отношения, которые можно разделить на несколько **групп**:

Первая группа исследований включает общие и теоретические работы по региональной безопасности и геополитике Ближнего Востока. Существенный вклад в осмысление структурных характеристик региональной системы безопасности, роли внешних и внутренних акторов, а также логики формирования регионального порядка внесли зарубежные исследователи Э. Кордесман¹ и В. Пертес² и др., рассматривающие Ближний Восток как фрагментированное пространство конкурирующих подсистем безопасности. Среди отечественных ученых данная проблематика получила развитие в трудах И. Д. Звягельской, анализирующей причины устойчивой конфликтогенности региона³, а также В. В. Наумкина, посвященных трансформации регионального порядка и кризису традиционных механизмов регулирования⁴. Значимый вклад также

¹ Cordesman A.H., Obaid N.E. National Security in Saudi Arabia: Threats, Responses, and Challenges / A.H. Cordesman, N.E. Obaid. - Greenwood, 2005. - 320 p.;

Cordesman A. H. The Middle East in a Multipolar Era: Strategic Risks and Transitions // Middle East Policy. – 2024. – Vol. 31, № 4. – P. 23-41.

² Perthes V. America's «Greater Middle East» and Europe: Key Issues for Dialogue / V. Perthes // Middle East Policy. - 2004. - № 3. - 324 p.;

Perthes V. The Middle East Order after 2023: Fragmentation and Realignment // International Politics. – 2024. – Vol. 61, № 6. – P. 1021-1038.

³ Звягельская И.Д., Морозов В.М. Сурков Н.Ю. Тюкаева Т.И. Ближний Восток: Политика и идентичность. Коллективная монография / Под ред. И.Д.Звягельской. ИМЭМО РАН. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 336 с.

Звягельская И. Д. Новый регионализм и старые проблемы Ближнего Востока // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 6. – С. 55–66.

⁴ Наумкин В. В. Кризис государств-наций на Ближнем Востоке / В. В. Наумкин // Международные процессы. – 2017. – Т. 15, № 2. – С. 27–43.

Наумкин В. В., Барановский В. Г. Ближний Восток в поисках политического будущего / под ред. В. В. Наумкина. – М.: Институт востоковедения РАН, 2019. – 484 с.

внесли В. А. Аватков⁵, В. А. Дергачев⁶, Б. В. Долгов⁷, Симонов К.В.⁸, Федорченко А.В.⁹, Сатановский Е.Я.¹⁰ и др., уделяющие внимание системным изменениям в международных отношениях на Ближнем Востоке.

Вторая группа исследований объединяет работы, сфокусированные на внешней политике ключевых государств региона и их взаимодействии с глобальными центрами силы. Внешнеполитические стратегии Турции, Ирана, Саудовской Аравии и стран Персидского залива подробно анализируются в трудах Г. Г. Косача¹¹, Е. С. Мелкумян¹², В. И. Белова (Юртаева)¹³, В. М. Ахмедова¹⁴, В. И. Сажина¹⁵. Среди зарубежных исследователей, посвятивших свои работы трансформации нефтегазовых рынков, политике стран Персидского залива,

⁵ Аватков В. А., Сбитнева А. И. Между Западом и Незападом: Турция перед лицом геостратегического выбора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 1. – С. 131–142.

⁶ Дергачев В. А. Геоэкономика и региональные конфликты Ближнего Востока // Век глобализации. – 2025. – № 1. – С. 92–106.

⁷ Долгов Б. В. Сирийский конфликт в контексте обострения военно-политической ситуации на Ближнем Востоке (2023–2024) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. No 5. С. 187–198.

⁸ Симонов К.В. Энергетическая безопасность Ближнего Востока: геополитический анализ / К. В. Симонов. – М.: ИМЭМО РАН, 2023. – 210 с.

⁹ А.В. Крылов, А.В. Федорченко. Многовариантный прогноз развития ситуации в регионе БВСА / Аналитические доклады ИМИ Выпуск 1(40) – М.: МГИМО-Университет, 2014. – с. 57

¹⁰ Котёл с неприятностями. Россия и новая Большая Игра на Ближнем Востоке / Евгений Сатановский. – Москва: Эксмо, 2022. – 512 с.

¹¹ Косач Г. Г. Саудовская Аравия и Израиль: палестинский контекст // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 1. – С. 61–69.

Косач Г.Г. Саудовская Аравия между США и Китаем в XXI в.: успешное балансирование // Мировая экономика и международные отношения. - 2024. - Т. 68. - №5. - С. 61-71.

¹² Мелкумян Е.С. Эволюция гражданского общества в Кувейте (1961–2020) // Новая и новейшая история. - 2023. - №1. - С. 141-150.

Мелкумян Е.С. Ближневосточная политика арабских государств Залива в свете обострения региональной ситуации // ВОСТОК (ORIENS). Афро-азиатские общества: история и современность. – 2024. – № 5. – С. 95–107.

Мелкумян Е.С. Корректировка образа королевства: официальный саудовский нарратив // Восточная аналитика. – 2025. – Т.16, №2. – С. 96–106.

¹³ Белов В. И. (Юртаев В. И.) Энергетическая дипломатия и формирование «экономики сопротивления» в Иране // Вестник РУДН. – 2025. – № 3. – С. 522–537.

¹⁴ Ахмедов В.М. Сирийско-иранский альянс в контексте политики Ирана на Ближнем Востоке // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 7–34.

Ахмедов В. М. Невоенные методы в политике Ирана на Ближнем Востоке: предпосылки, практика, последствия / В. М. Ахмедов // Восточная аналитика. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 81–90.

¹⁵ Сажин В.И. Теория, политика и практика иранского антисиионизма // Восточная аналитика. №3 (Том 14), 2023. С. 147–157.

институциональным механизмам энергетической дипломатии и изменению стратегической роли региона в мировой энергетике, являются Камрава М.¹⁶, Ергин Д.¹⁷ Существенный вклад внесли зарубежные исследователи М. Линч¹⁸ и Ф. Г. Гоуз¹⁹, изучающие трансформацию региональных альянсов и ослабление традиционной системы патронажа США. Особое внимание роли США, России и Китая в формировании баланса сил уделяется в работах В. В. Наумкина²⁰ и М. Каца²¹, рассматривающих регион в контексте глобальной многополярности.

Третья группа исследований посвящена анализу конкретных конфликтов и кризисов в регионе Ближнего Востока, а также механизмам их международного регулирования. Современные исследования ближневосточной динамики с акцентом на архитектуру региональной безопасности представлены работой И. В. Рыжова, М. Ю. Бородиной и Е. М. Савичевой, где рассматриваются системные вызовы и пути построения новой системы безопасности в изменяющемся мире²². Историко-дипломатические аспекты взаимодействия великих держав в контексте ближневосточной дипломатии анализируются коллективными исследованиями

¹⁶ Kamrava M. Reckoning the Impact of Cognitive Biases on Decisions Made About Development of Iran's Oil and Gas Resources," *International Studies Journal*, Vol. 18, No. 3, (Winter 2022), pp. 175-198

¹⁷ Новая карта мира. Энергетические ресурсыменяющийся климат и столкновение наций / Дэниел Ергин; перевод с английского: А. Соловьев [и др.]. – Москва: Альпина Паблишер, 2021. – 444 с.

¹⁸ Lynch M. (ed.) *The Political Science of the Middle East: Theory and Research Since the Arab Uprisings*. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – 392 p.

Lynch M. *What Is the Middle East? The Theory and Practice of Regions*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2025. – 78 p.

¹⁹ Gause F. Gregory III *The International Relations of the Persian Gulf*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 258 p.

²⁰ Наумкин В. В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития / В. В. Наумкин // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2018. – Т. 62, № 3. – С. 5–17.

Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство / В. В. Наумкин // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. – 2015. – Т. 7, № 1. – С. 66–96

²¹ Katz M. N. *Putin's Grand Strategy Toward the Middle East // Grand Strategy in the Contemporary Middle East: The Concepts and Debates* / eds. T. T. Petersen, C. Jones. – Berlin: Gerlach Press, 2025. – Pp. 55–68.

²² Рыжов И. В., Бородин М. Ю., Савичева Е. М. Ближний Восток: поиск новой архитектуры безопасности в меняющемся мире // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. 2023. Т. 15. Вып. 2. С. 418–435.

О. О. Хохлышевой, О. А. Колобова, М. Ю. Бородиной, которые выделяют ключевые механизмы формирования палестинского вопроса и его влияние на региональные конфликты²³. С. В. Старкин исследует энергетическую безопасность как структурный элемент системы международных отношений и инструмент обеспечения национальной и международной стабильности, раскрывая механизмы влияния энергетического фактора на внешнюю политику государств и формирование глобальной архитектуры безопасности²⁴. Корнилов А. А. исследовал проблемы формирования и реализации внешней политики государств Ближнего Востока, прежде всего Израиль и Иран, уделяя особое внимание механизмам принятия внешнеполитических решений, особенностям стратегического мышления и концепциям национальной безопасности. В его работах анализируются институциональные и политические факторы формирования внешней политики, динамика региональных конфликтов, включая асимметричные конфликты с участием негосударственных акторов, а также влияние внутренней политической структуры и экспертного сообщества на выработку стратегических решений в сфере безопасности²⁵.

Четвертая группа охватывает исследования проблематика «ресурсного проклятия», «ресурсного благословения» и трансформации социальных контрактов в монархиях Залива получила развитие в трудах М. Росса, Р. М. Аути и С. Хертога²⁶.

²³ Хохлышева О. О., Колобов О. А., Бородин М. Ю., Комаха А. А. Формирование палестинского вопроса в ближневосточной дипломатии «великих держав» периода 1911–1919 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2022. – № 6. – С. 24–33.

²⁴ Приписнова Е.С., Старкин С.В., Кривов С.В. Энергетический фактор современной геополитики: попытка когнитивного подхода // Мировая политика. № 3. 2022. С. 54-63.

²⁵ Корнилов А.А. Стратегическая азбука Израиля. Концепции, институты и эксперты в процессе формирования политики национальной безопасности // Н. Новгород: 2024. 368 с.

Корнилов А.А., Кашенина Г.В. Основные направления торгово-экономического сотрудничества Сирийской Арабской Республики и Исламской Республики Иран (2011-2023 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 3. 2024. С. 25-34.

²⁶ Ross M.L. The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations. – Princeton: Princeton University Press, 2012. – 312 p.

Auty R.M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. – London: Routledge, 1993. – 272 p.

Hertog S. Princes, Brokers, and Bureaucrats: Oil and the State in Saudi Arabia / S. Hertog. – Ithaca: Cornell University Press, 2010. – 312 p.

Пятая группа объединяет работы, посвящённые проблематике энергетического перехода и развитию возобновляемых источников энергии в странах Ближнего Востока. В зарубежной научной литературе данное направление получило развитие прежде всего в исследованиях, анализирующих трансформацию энергетических моделей стран Персидского залива в условиях глобальной климатической повестки и постепенного снижения роли углеводородов Исаев В.А., Филоник А.О., Морозов В.М.²⁷, Кузнецов А.А.²⁸.

Шестая группа исследований включает диссертационные работы отечественных соискателей, в которых энергетический фактор рассматривается как важнейший компонент региональной безопасности Ближнего Востока в международных отношениях. В исследовании Бребдани А.²⁹ анализируется внешнеполитическая стратегия Китайской Народной Республики в отношении арабских стран Ближнего Востока. Работа Дирани Ф.³⁰ посвящена влиянию нефтегазового сектора на устойчивость экономики и внутреннюю безопасность Ливана, подчеркивая связь между развитием энергетической инфраструктуры и национальной устойчивостью в условиях региональных вызовов и конфликтов. В работе Ханалиев Н.У. проведен анализ стратегий внешней политики региональных акторов, где энергетическая политика государств Персидского залива выступает значимым элементом конкурентных взаимоотношений, оказывающим прямое влияние на систему региональной безопасности³¹.

²⁷ Филоник А.О., Исаев В.А., Морозов В.М. Возобновляемые источники энергии в развитии арабского востока (на примере становления гелиоэнергетики). Вестник МГИМО-Университета. 2017;(6(57)):143-160.

²⁸ Кузнецов А.А. Добыча природного газа на ливанском шельфе (политические и международно-правовые аспекты) // «Геоэкономика энергетики» 2018, №1, сс.142-154

²⁹ Бребдани А. Политика КНР в отношении арабских стран Ближнего Востока (2004–2022 гг.): автореф. дис. канд. наук / Российский университет дружбы народов. – М., 2023. – 209 с.

³⁰ Дирани Ф. Промышленная политика при формировании нефтегазового комплекса Ливана в условиях устойчивого развития: автореф. дис.... канд. наук – Санкт-Петербургский горный университет им. Екатерины II, 2025. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/promyshlennaya-politika-pri-formirovanii-neftegazovogo-kompleksa-livana-v-usloviyakh-ustoich>

³¹ Ханалиев Н. У. «Расширенный Ближний Восток» в системе современного миропорядка: основные акторы, стратегии, политические приоритеты России: автореф. дис.... – МГУ им. М. В. Ломоносова, 2022. – [Электронный ресурс]

Исследование Д. А. Баранова рассматривает влияние структурных сдвигов и внутривосточных изменений на устои безопасности, включая факторы, связанные с энергетической уязвимостью государств³².

Седьмая группа исследований включает работы, опубликованные на арабском языке и посвященные проблемам энергетической безопасности, региональной политики и военно-политической динамики Ближнего Востока. Данные работы представляют особый интерес, поскольку отражают взгляды исследователей региона на взаимосвязь энергетического фактора и региональной безопасности, а также позволяют выявить особенности интерпретации современных политических процессов в странах Ближнего Востока.

Вопросы энергетической безопасности и трансформации энергетической политики государств региона рассматриваются в исследовании А. Милиджи и Н. Камаль «سياسات تحقيق أمن الطاقة في مصر في ضوء الحرب الروسية – الأوكرانية»³³ («Политика обеспечения энергетической безопасности Египта в условиях российско-украинского конфликта»), в котором анализируются изменения структуры энергетического баланса Египта и влияние международной политической конъюнктуры на энергетическую стратегию страны.

Значительный вклад в изучение региональной безопасности и политических процессов Ближнего Востока вносят публикации Центра политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам». В частности, в коллективном аналитическом докладе Центра «مستقبل الأمن الإقليمي في الشرق الأوسط»³⁴ («Будущее

URL: <https://www.dissercat.com/content/rasshirenniyi-blizhnii-vostok-v-sisteme-sovremennogo-miroponyadka-osnovnye-aktory-strategii>

³² Баранов Д. А. Современные кризисы политических режимов государств Ближнего Востока и Северной Африки: автореф. дис.... канд. наук: 23.00.02 / Финансовый университет при Правительстве РФ. – 2021. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/sovremennye-krizisy-politicheskikh-rezhimov-gosudarstv-blizhnego-vostoka-i-severnoi-afriki>

³³ Милиджи А., Камаль Н. كمال نيفين. مليجي أسماء، [Политика обеспечения энергетической безопасности Египта в условиях российско-украинского конфликта] // المجلة المصرية للتنمية والتخطيط – 2024. [Электронный ресурс] – URL: https://journals.ekb.eg/article_399941.html (дата обращения: 24.02.2026).

³⁴ [Будущее региональной безопасности на Ближнем Востоке]. – القاهرة، 2025. [Электронный ресурс] – URL:

региональной безопасности на Ближнем Востоке») рассматриваются основные тенденции развития системы региональной безопасности Ближнего Востока и влияние на нее политических и военно-стратегических факторов. В работе А. Кандиля «مصر وسوريا ومستقبل التعاون في قطاع الطاقة»³⁵ («Египет и Сирия: перспективы сотрудничества в энергетическом секторе») анализируются перспективы энергетического сотрудничества государств региона и его влияние на политическую стабильность.

Проблемы трансформации региональной политической системы исследуются в работе А. Ю. Ахмеда «خريطة التفاعلات الإقليمية ومستقبل النظام العربي»³⁶ («Карта региональных взаимодействий и будущее арабской системы»), в которой анализируется динамика взаимодействия государств Ближнего Востока и изменения регионального баланса сил. Вопросы энергетической геополитики рассматриваются также в исследовании Центра политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам» «حقوق الغاز في شرق المتوسط: فرصة أم تحدي للشراكة الأورومتوسطية؟»³⁷ («Газовые месторождения Восточного Средиземноморья: возможность или вызов евро-средиземноморскому сотрудничеству?»), посвященном развитию газодобычи в Восточном Средиземноморье и ее влиянию на международное сотрудничество.

Отдельное направление составляют исследования военно-политических аспектов региональной безопасности. В работе Центра политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам» «متغير الأمن البحري في السياسة العسكرية»

<https://acpss.ahram.org.eg/media/News/2025/12/31/2025-639027794292245126-224.pdf> (дата обращения: 24.02.2026).

³⁵ Кандиль А. قنديل أحمد.

مصر وسوريا ومستقبل التعاون في قطاع الطاقة [Египет и Сирия: перспективы сотрудничества в энергетическом секторе]. – 2025. مركز الأهرام للدراسات السياسية والاستراتيجية، 2025. [Электронный ресурс] URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/21342.aspx> (дата обращения: 24.02.2026).

³⁶ Ахмед А.Ю. أحمد يوسف أحمد.

خريطة التفاعلات الإقليمية ومستقبل النظام العربي [Карта региональных взаимодействий и будущее арабской системы]. – 2023. مركز الأهرام للدراسات السياسية والاستراتيجية، 2023. [Электронный ресурс] – URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/20996.aspx> (дата обращения: 24.02.2026).

³⁷ مركز الأهرام للدراسات السياسية والاستراتيجية. حقوق الغاز في شرق المتوسط: فرصة أم تحدي للشراكة الأورومتوسطية؟ [Газовые месторождения Восточного Средиземноморья: возможность или вызов евро-средиземноморскому сотрудничеству?] – 2021. [Электронный ресурс]– URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/17075.aspx> (дата обращения: 24.02.2026).

«الإسرائيلية تجاه حوض البحر الأحمر وشرق المتوسط»³⁸ («Фактор морской безопасности в военной политике Израиля в бассейне Красного моря и Восточного Средиземноморья») анализируется роль морской безопасности в стратегическом планировании Израиля, включая вопросы защиты энергетической инфраструктуры и транспортных маршрутов. В исследовании того же центра «التصعيد الحوثي في البحر»³⁹ («Эскалация хуситов в Красном море и сценарии противостояния с США») рассматриваются угрозы безопасности судоходства и энергетических коммуникаций в Красном море.

Вопросы региональной политики и изменения баланса сил рассматриваются также в работе Ш. Сабер «هل يدفع تراجع النفوذ الإقليمي إيران إلى تعزيز حضورها في آسيا الوسطى؟»⁴⁰ («Приведет ли снижение регионального влияния Ирана к усилению его присутствия в Центральной Азии?»), посвященной трансформации внешнеполитической стратегии Ирана и ее влиянию на региональную систему международных отношений.

Объект исследования – региональная безопасность Ближнего Востока.

Предмет исследования – влияние энергетического фактора на региональную безопасность ближневосточного региона.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2001 по 2025 год. Нижняя граница обусловлена началом нового этапа трансформации системы международных отношений в регионе, связанного с событиями 11 сентября 2001 и последовавшим военным вмешательством США и их союзников в 2003 году, что привело к существенной перестройке

38 مركز الأهرام للدراسات السياسية والاستراتيجية. متغير الأمن البحري في السياسة العسكرية الإسرائيلية تجاه حوض البحر الأحمر وشرق المتوسط [Фактор морской безопасности в военной политике Израиля в Красном море и Восточном Средиземноморье]. – 2023. – [Электронный ресурс] URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/20930.aspx> (дата обращения: 24.02.2026).

39 والتصعيد الحوثي في البحر» [Эскалация хуситов в Красном море и сценарии конфликта с США]. – 2024. [Электронный ресурс] – URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/21150.aspx> (дата обращения: 24.02.2026).

40 شروق صابر. هل يدفع تراجع النفوذ الإقليمي إيران إلى تعزيز حضورها في آسيا الوسطى؟ [Приведёт ли снижение регионального влияния Ирана к усилению его присутствия в Центральной Азии?] – مركز الأهرام للدراسات السياسية – 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/21372.aspx> (дата обращения: 24.02.2026).

регионального баланса сил, ослаблению прежних центров влияния и активизации борьбы между региональными и внерегиональными акторами за политическое и экономическое влияние.

Выбор верхней границы обусловлен тем, что в большинстве государств Ближнего Востока сформированы основные концептуальные подходы к использованию энергетического потенциала в изменившихся международных условиях, а также определены практические механизмы их интеграции во внешнеполитические и военно-политические стратегии, что позволяет рассматривать энергетический фактор с институциональной точки зрения.

Географические рамки данного исследования охватывают регион Ближнего Востока, который, несмотря на свою широкую распространенность в политико-географической и международно-политической науке, остается дискуссионным с точки зрения точного территориального определения. В западной академической традиции часто используется расширительная трактовка «Большого Ближнего Востока», включающая не только арабские страны, но также Турцию, Иран, Афганистан, Пакистан и иногда государства Северной Африки.

В рамках российской научной школы и дипломатической практики под Ближним Востоком традиционно понимается регион, охватывающий страны Юго-Западной Азии и Северной Африки, связанные общностью исторических, культурных и политических процессов. Согласно этому подходу, в географические рамки исследования входят следующие государства: Саудовская Аравия, Йемен, Оман, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Бахрейн, Кувейт, Сирия, Ливан, Иордания, Израиль, Палестина, Египет, Ливия, Ирак, Турция, Иран, Афганистан.

Вместе с тем, в работе учитывается динамичность и условность границ региона, обусловленная транснациональным характером энергетических потоков, логистическими коридорами и конфликтами. Поэтому в анализ включаются смежные акватории и ключевые точки транзита энергоресурсов, которые играют важнейшую роль в формировании системы региональной безопасности.

В случаях, когда речь идет о стратегических документах или официальной позиции внерегиональных акторов, может использоваться соответствующая

терминология, принятая в их дискурсе, однако в качестве основного рабочего определения сохраняется классическое понимание Ближнего Востока как целостного, хотя и внутренне конфликтного, геополитического пространства.

Цель исследования – выявить степень влияния энергетического фактора на региональную систему безопасности на Ближнем Востоке на основе анализа политико-институциональных, экономических, военно-стратегических, а также регионально-системных индикаторов.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи, каждая из которых раскрывается в соответствующем параграфе:

- выявить характерные особенности ближневосточной системы региональной безопасности, включая её структуру акторов, конфигурацию угроз, уровень конфликтности и специфику баланса сил;
- рассмотреть ключевые компоненты энергетической безопасности в контексте региональной безопасности (ресурсная обеспеченность, экспортная специализация, инфраструктурная устойчивость, зависимость государственных бюджетов от энергетических доходов);
- определить ключевые индикаторы, позволяющие оценить степень зависимости стабильности региона от энергетики (в том числе показатели доли углеводородного сектора, уровня диверсификации экономики, и т.д.);
- показать роль региональных акторов Ближнего Востока в структуре энергетического баланса региона с учетом их ресурсного потенциала, транзитных возможностей;
- определить степень влияния глобальных игроков на систему региональной безопасности;
- рассмотреть влияние энергетического фактора на баланс сил на Ближнем Востоке, включая перераспределение экономических возможностей, трансформацию союзнических связей и изменение региональной конфигурации;
- выявить риски для региона в условиях усиления конкуренции за энергетические рынки с учетом роста геоэкономической напряженности,

уязвимости инфраструктуры и усиления конфликтного потенциала в стратегически значимых зонах;

- определить уровень влияния «зеленого» энергоперехода и его последствий на энергетическую безопасность, оценивая динамику диверсификации, инвестиционные потоки в альтернативную энергетику.

Эмпирическая база исследования представлена совокупностью разнородных источников, обеспечивающих комплексный анализ энергетического фактора в системе региональной безопасности Ближнего Востока, и включает материалы как на русском, так и на иностранном – преимущественно английском – языке.

Первую группу источников составляют государственные документы и программные материалы стран Ближнего Востока, включая стратегии социально-экономического и энергетического развития, концепции национальной энергетической безопасности, планы диверсификации экономики и документы долгосрочного стратегического планирования. В данную группу вошли национальные программы развития и энергетические стратегии Саудовской Аравии, Египта, Турции, Иордании, Объединённых Арабских Эмиратов и других государств региона, отражающие официальные приоритеты государственной политики и институциональные механизмы трансформации энергетического сектора⁴¹.

⁴¹ Bahrain Economic Vision 2030 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.mofne.gov.bh/en/project-initiatives/bahrain-economic-vision-2030/>. (дата обращения: 10.05.2025).

Egypt Vision 2030 [Электронный ресурс]. – Cairo: Ministry of Planning and Economic Development, 2016. – URL: <https://mped.gov.eg/EgyptVision> (дата обращения: 10.05.2025).

Jordan Energy Strategy Action Plan Second Edition 2020–2030 [Электронный ресурс]. – Amman: Ministry of Energy and Mineral Resources of Jordan, 2020. – URL: https://www.memr.gov.jo/EBV4.0/Root_Storage/EN/EB_Info_Page/Second_edition_-_JES_action_plan.pdf (дата обращения: 12.05.2025).

Kuwait Vision 2035 «New Kuwait» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mofa.gov.kw/en/pages/kuwait-vision-2035> (дата обращения: 10.05.2025).

Oman Vision 2040 [Электронный ресурс]. – Muscat: Oman Vision 2040 Implementation Follow-up Unit, 2021. – URL: <https://www.oman2040.om> (дата обращения: 10.05.2025).

Qatar National Vision 2030 [Электронный ресурс]. – Doha: General Secretariat for Development Planning, 2008. – URL: <https://www.gco.gov.qa/en/about-qatar/national-vision2030/> (дата обращения: 10.05.2025).

Ко **второй группе** источников относятся межгосударственные договоры, меморандумы о сотрудничестве, совместные декларации и соглашения в энергетической сфере, заключённые как между государствами Ближнего Востока, так и с внешними акторами⁴². Анализ данных документов позволил выявить правовые и институциональные основы энергетического взаимодействия, а также проследить формирование региональных и межрегиональных альянсов в условиях трансформации глобальной энергетической системы.

Третью группу источников образуют материалы и документы региональных и международных организаций, включая аналитические доклады, отчёты и обзорные публикации, посвящённые вопросам энергетической безопасности, устойчивого развития и региональной стабильности⁴³.

Saudi Vision 2030 [Электронный ресурс]. – Riyadh: Government of Saudi Arabia, 2016. – URL: <https://www.vision2030.gov.sa> (дата обращения: 10.05.2025).

Sustainable Energy Strategy 2035 [Электронный ресурс]. – Cairo: Ministry of Electricity and Renewable Energy of Egypt, 2016. – URL: <https://egyptoil-gas.com/news/egypts-sustainable-energy-strategy-2035-supported-by-eu/> (дата обращения: 12.05.2025).

Turkey National Energy Strategy [Электронный ресурс]. – Ankara: Ministry of Energy and Natural Resources of Turkey, 2019. – URL: https://enerji.gov.tr/Media/Dizin/EIGM/tr/Raporlar/TUEP/T%C3%BCrkiye_National_Energy_Plan.pdf (дата обращения: 12.05.2025).

⁴² Abraham Accords Peace Agreement [Электронный ресурс]. – Washington, D.C.: U.S. Department of State, 2020. – URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/09/UAE_Israel-treaty-signed-FINAL-15-Sept-2020-508.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

Agreement between the Government of Turkey and the Government of National Accord of Libya on the Delimitation of Maritime Jurisdiction Areas [Электронный ресурс]. – Ankara, 2019. – URL: www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES (дата обращения: 13.05.2025).

Declaration of Cooperation between OPEC and Non-OPEC Countries [Электронный ресурс]. – Vienna: OPEC Secretariat. – URL: <https://www.opec.org/declaration-of-cooperation.html> (дата обращения: 11.05.2025).

Euro-Mediterranean Agreement establishing an Association between the European Community and its Member States, of the one part, and the People's Democratic Republic of Algeria, of the other part - Annexes - Protocols - Final Act - Declarations [Электронный ресурс]. – Access to European Union law. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/agree_internation/2005/690/oj/eng (дата обращения: 13.05.2025).

Gulf Cooperation Council. Qatar Blockade: Official Documents [Электронный ресурс]. – Riyadh: GCC Secretariat, 2017. – URL: <https://www.gcc-sg.org> (дата обращения: 13.05.2025).

Memorandum of understanding on a strategic partnership on renewable hydrogen between the European union and the Arab republic of Egypt [Электронный ресурс]. – Brussels, 2022. – URL: https://energy.ec.europa.eu/document/download/b0912f67-b789-4ccf-955c-f789da81fe09_en?filename=MoU_EU-Egypt_on_renewable_hydrogen_FINAL_SIGNED_by_EU.pdf (дата обращения: 11.05.2025).

⁴³ Ansari A. Iran's Asymmetric Diplomacy. – London: Chatham House, 2020. – 45 p.

Четвертую группу источников образует статистическая информация, представленная в отчётных материалах международных организаций, государственных ведомств и специализированных аналитических структур⁴⁴.

Henderson S., Tsafos N. *EastMed Pipeline: Geopolitics of Gas*. – Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, 2021. – 89 p.

Katz M. *Saudi–Israeli Rapprochement: Implications for the Arab World*. – Washington, D.C.: Wilson Center, 2023. – 45 p.

Mills R., Alhashemi F. *Resource Regionalism in the Middle East*. – Washington, D.C.: Brookings Doha Center, 2018. – 180 p.

Rolland N. *China’s Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative*. – Seattle: National Bureau of Asian Research, 2017. – 320 p.

Stulberg A. N. *Geopolitics of Energy Transition in the Middle East* // Stanford University Working Papers. – Stanford, 2022. – 42 p.

Woertz E. *Food Security in the Arabian Peninsula*. – Washington, D.C.: Carnegie Middle East Center, 2013. – 58 p.

⁴⁴ Brookings Institution. *Energy, Security and the Abraham Accords*. – Washington, D.C., 2022. – 74 p.

CSIS. *US Strategy in the Middle East after the Abraham Accords*. – Washington, D.C., 2021. – 58 p.
Eurostat. *Energy production and imports*. – 2025. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Energy_production_and_imports (дата обращения: 13.05.2025).

IEA. *Middle East Energy Outlook 2022*. – Paris: IEA, 2022. – 188 p.

IMF. *Egypt’s Economic Challenges*. – Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2023. – URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/10/27/pr-23340-imf-staff-reaches-staff-level-agreement-with-egypt-on-first-second-reviews-eff> (дата обращения: 10.05.2023).

IMF. *Fiscal Monitor: Middle East and North Africa*. – Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2023. – 84 p.

IMF. *Fiscal Sustainability in GCC Countries*. – Washington, D.C., 2022. – 72 p.

IMF. *Fiscal Sustainability in GCC Countries*. – Washington, D.C., 2022. – 72 p.

IMF. *Iran: Article IV Consultation 2023*. – Washington, D.C., 2023. – 50 p.

IMF. *Jordan and Lebanon: Energy Dependence Risks*. – Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2022. – URL: <https://www.imf.org> (дата обращения: 10.05.2025).

International Energy Agency. *Energy Security Framework*. – Paris: IEA, 2021. – URL: <https://www.iea.org/reports/energy-security> (дата обращения: 10.05.2025).

International Energy Agency. *Middle East Energy Outlook 2022*. – Paris: IEA, 2022. – 188 p.

International Energy Agency. *The Role of Gas in Clean Energy Transitions*. – Paris: IEA, 2021. – 89 p.

International Energy Agency. *World Energy Investment 2023*. – Paris: IEA, 2023. – URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2023> (дата обращения 07.05.2025).

IRENA. *Renewable Energy Market Analysis: MENA*. – Abu Dhabi: IRENA, 2023. – 128 p.

IRENA. *Renewable Energy Prospects: Middle East*. – Abu Dhabi, 2023. – 120 p.

IRENA. *Renewable Energy Statistics 2023*. – Abu Dhabi: International Renewable Energy Agency, 2023. – 154 p.

Kearney. *Statistical Review of World Energy 2023*. – URL: <https://www.energy-transition-institute.com/article/statistical-review-of-world-energy-2023> (дата обращения: 13.05.2025).

OPEC. *Annual Report 2023*. – Vienna: OPEC, 2023. – URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.opec.org/assets/assetdb/annual-report-2023.pdf> (дата обращения 11.05.2025).

OPEC. *Annual Statistical Bulletin 2023*. – URL: <https://www.opec.org/assets/assetdb/asb-2023.pdf> (дата обращения: 12.05.2025).

Использование статистических данных позволило обеспечить эмпирическую обоснованность выводов, сопоставимость показателей и количественную верификацию выявленных тенденций в сфере энергетики и региональной безопасности Ближнего Востока.

Использование указанных групп источников в совокупности обеспечило репрезентативность эмпирической базы исследования и позволило провести комплексный анализ взаимосвязи энергетического фактора и региональной стабильности на Ближнем Востоке.

Теоретико-методологическим основанием настоящего исследования выступает совокупность теоретических подходов, разработанных в рамках исследований международной и региональной безопасности, политической экономики и исследований в области энергетики. Центральное место занимает теория комплексов региональной безопасности, разработанная такими

-
- Public Investment Fund. Annual Report 2022. – Riyadh: PIF, 2023. – 89 p.
- Saudi Aramco. Energy Security Strategy 2023. – Dhahran: Saudi Aramco, 2023. – 54 p.
- Saudi Aramco. LNG and Renewable Energy Investments. – Dhahran: Saudi Aramco, 2023. – 67 p.
- SIPRI. Trends in International Arm Transfers, 2024. – Stockholm, 2023. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2025-03/fs_2503_at_2024_0.pdf#:~:text=of%20Russian%20arms%20exports%20remained%20at%20around%20the%20same%20level%20as%20in%202023&text=Arms%20imports%20by%20Saudi%20Arabia%20decreased%20by%2041%20per%20cent%20between%202015%E2%80%9319 (дата обращения 08.05.2025).
- Statistics Norway. Lower revenues and higher costs on the Norwegian Continental Shelf in 2023. – 2023. – URL: <https://www.ssb.no/en/energi-og-industri/olje-og-gass/statistikk/olje-og-gassutvinning-og-utvinningstjenester/articles/lower-revenues-and-higher-costs-on-the-norwegian-continental-shelf-in-2023> (дата обращения: 10.05.2025).
- Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023. – URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2023> (дата обращения: 10.05.2025).
- U.S. Department of State. Morocco–Israel Normalization Agreement. – 2020. – URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/01/Joint-Declaration-US-Morocco-Israel.pdf> (дата обращения: 13.05.2025).
- U.S. Energy Information Administration. Middle East Energy Overview. – Washington, D.C.: EIA, 2023.
- UN Iraq Report. Water Scarcity and Social Unrest in Basra. – Geneva: United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs, 2020. – 30 p.
- World Bank. Iraq Economic Monitor: Navigating the Perfect Storm. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/446201588465646751/pdf/Iraq-Economic-Monitor-Navigating-the-Perfect-Storm-Redux.pdf> (дата обращения: 09.05.2025).
- World Bank. The Economic Cost of Lebanon’s Energy Crisis. – 2023. – URL: <https://documents.worldbank.org> (дата обращения: 08.05.2025).
- World Bank. The Economic Cost of Lebanon’s Energy Crisis. – Washington, D.C., 2023. – 34 p.

представителями Копенгагенской школы исследований безопасности, как Б. Бузан, О. Уэвер и Я. де Вильде⁴⁵. Значимый вклад в осмысление регионального измерения безопасности также внесли отечественные исследователи Института востоковедения РАН и ИМЭМО РАН, прежде всего В.В. Наумкин⁴⁶ и А.М. Васильев⁴⁷, в трудах которых Ближний Восток рассматривается как целостный региональный комплекс с высокой степенью взаимозависимости угроз и конфликтов.

Использование теории комплексов региональной безопасности позволяет рассматривать Ближний Восток как относительно автономную подсистему международных отношений, в рамках которой основные угрозы безопасности формируются и воспроизводятся преимущественно на региональном уровне. В соответствии с логикой Б. Бузана безопасность в таких комплексах носит взаимозависимый характер, а процессы секьюритизации одних акторов неизбежно отражаются на восприятии угроз другими участниками регионального взаимодействия. Сходные выводы содержатся в фундаментальных работах В.В. Наумкина и А.М. Васильева, где подчёркивается, что региональная нестабильность на Ближнем Востоке носит системный характер и обусловлена сочетанием внутренних конфликтов, трансграничных угроз и конкуренции внешних держав, в том числе за контроль над энергетическими ресурсами.

Существенное значение для реализации целей исследования имеет институциональный подход, представленный в работах Д. Норта, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона⁴⁸. В рамках данного подхода энергетический фактор

⁴⁵ Buzan B., Wæver O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. – Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 239 p.

Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 564 p.

⁴⁶ Наумкин В. В. *Ближний Восток в мировой политике и культуре: (избранные статьи, лекции, доклады 2009–2011 гг.)*. – М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – 375 с.

⁴⁷ Васильев А.М. *Арабский мир в конце XX – начале XXI века*. – М.: Институт востоковедения РАН, 2012. – 480 с.

⁴⁸ North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 152 p.

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. *The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // American Economic Review*. – 2001. – Vol. 91, No. 5. – P. 1369–1401.

рассматривается как элемент институциональной среды, формирующей устойчивые правила и ограничения, определяющие поведение политических и экономических акторов. В отечественной политико-экономической традиции данные идеи получили развитие в работах А.А. Аузана⁴⁹ и С.Г. Кирдиной⁵⁰, анализирующих институциональные матрицы и особенности воспроизводства рентных моделей в ресурсозависимых экономиках. Применение институционального подхода позволяет выявить устойчивые «институциональные ловушки», в рамках которых ресурсный фокус препятствует диверсификации экономик и развитию инклюзивных институтов.

Дополняющим теоретическим основанием исследования выступает конструктивистский подход, представленный в работах А. Вендта и Л. Хансен⁵¹. В рамках данного подхода энергетика рассматривается как социально и дискурсивно сконструированная категория, через которую формируются представления о суверенитете, национальных интересах и угрозах безопасности.

Кроме того, в исследовании используются положения концепций «ресурсного проклятия»⁵² и «ресурсного благословения»⁵³, разработанных в трудах Р. Аути, Т. Гельба и М. Росса.

В совокупности это формирует целостную теоретико-методологическую рамку исследования, которая позволяет комплексно проанализировать влияние энергетического фактора на систему региональной безопасности Ближнего Востока с учётом как универсальных теоретических моделей, так и специфики институционального и политического развития региона.

Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. – New York: Crown Business, 2012. – 529 p.

⁴⁹ Аузан А.А. *Институциональная экономика для «чайников»*. – М.: Экономика, 2011. – 320 с.

⁵⁰ Кирдина С.Г. *Институциональные матрицы и развитие России*. – М.: Нестор-История, 2014. – 469 с.

⁵¹ Wendt A. *Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization*. – 1992. – Vol. 46, No. 2. – P. 391–425.

Hansen L. *Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War*. – London: Routledge, 2006. – 256 p.

⁵² Auty R.M. *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis*. – London: Routledge, 1993. – 272 p.

⁵³ Ross M.L. *The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations*. – Princeton: Princeton University Press, 2012. – 312 p.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его аналитических выводов и обобщений экспертной и прикладной деятельности, связанной с оценкой рисков региональной безопасности Ближнего Востока и прогнозированием конфликтной динамики с учетом энергетического фактора. Результаты работы могут применяться в деятельности аналитических центров, профильных органов государственной власти и международных организаций при подготовке информационно-аналитических материалов, сценарных и прогностических оценок, а также в учебном процессе при преподавании дисциплин, посвященных международной безопасности, мировой энергетической политике и региональным исследованиям.

Теоретическая значимость исследования. Диссертационное исследование обогащает теоретическую базу изучения энергетической безопасности, предлагая синтез концепций «ресурсного проклятия», «ресурсного благословения», региональных комплексов безопасности и энергоперехода. Это может стать основой для новых междисциплинарных работ на стыке политологии, экономики и экологии.

Методы исследования. Данная работа основана на методологических принципах, которые выработаны российской и зарубежной исторической, политологической и экономической науками.

Для того, чтобы более подробно рассмотреть данную тему, использованы следующие методы:

- системный подход, который позволяет рассматривать региональную безопасность Ближнего Востока как целостную, сложноорганизованную систему, где энергетический фактор выступает одним из ключевых структурообразующих элементов. Данный подход дает возможность анализировать не только прямое воздействие энергетики через экономические показатели, но и ее влияние на политические процессы, социальную стабильность, выявляя внутренние и внешние взаимосвязи;
- принцип историзма является фундаментальным для понимания генезиса и трансформации роли энергетического фактора. Он применяется

для анализа энергетических отношений в регионе с середины XX века до настоящего времени, что позволяет выявить устойчивые тенденции, цикличность и переломные моменты, в которые энергетика выступала как катализатор или инструмент изменения баланса региональной безопасности;

- сравнительный анализ используется на нескольких уровнях: для сопоставления моделей энергетической зависимости и уязвимости различных государств региона, в частности экспортеров, импортеров и транзитеров углеводородов, а также анализа различий в энергетических стратегиях региональных и внерегиональных акторов;

- кейс-стади применялся для углубленного, комплексного изучения конкретных проявлений влияния энергетического фактора на безопасность в рамках отдельных национальных государств и ситуаций, в частности: Саудовская Аравия как страна-экспортер с монозависимостью от нефти, где рентная экономика формирует модель внутренней безопасности и определяет уязвимость политического режима к глобальным ценовым шокам. Иордания как страна-импортер с дефицитом ресурсов, где энергетическая уязвимость стала источником внутренней социально-экономической нестабильности. Турция как страна-транзитер использует свое геополитическое положение как стратегический инструмент внешней политики и обеспечения национальных интересов;

- анализ и синтез используются для декомпозиции таких сложных понятий как «энергетическая безопасность», «ресурсное проклятие» на составные элементы и последующего их синтеза применительно к условиям ближневосточного региона.

- метод дедукции применяется как основной логический инструмент перехода от общетеоретических положений к анализу конкретных процессов и ситуаций в регионе Ближнего Востока. Общие положения о роли ресурсов в формировании политической устойчивости и конфликтности используются для интерпретации поведения как региональных, так и внешних акторов, анализа межгосударственного соперничества и динамики прокси-конфликтов. В частности,

теоретическое понимание энергетики как структурообразующего элемента безопасности позволяет объяснить зависимость правительств от углеводородной ренты, трансформацию энергетической инфраструктуры в объект гибридных угроз и роль энергетических маршрутов в формировании баланса сил.

- метод индукции используется для обобщения эмпирических наблюдений и частных случаев с целью выявления системных закономерностей влияния энергетического фактора на региональную безопасность Ближнего Востока. Анализ государств-экспортеров, импортеров и транзитеров позволяет зафиксировать повторяющиеся механизмы воздействия энергетики на политическую стабильность, социально-экономическую динамику внешнеполитическое поведение. Данные о ценовых шоках, инфраструктурных уязвимостях, социальных протестах и стратегиях диверсификации формирует эмпирическую основу для вывода о двойственной роли энергетического фактора, который в краткосрочной перспективе способствует стабилизации правительств, а в долгосрочной – воспроизводит структурную нестабильность.

- институциональный подход применяется для анализа устойчивых норм, правил и ограничений, определяющих функционирование энергетического сектора и системы региональной безопасности Ближнего Востока. Следуя логике Д. Норта, энергетический фактор рассматривается не только как материальный ресурс, но как элемент институциональной среды, формирующей траекторию развития государств региона. В данном контексте формальные институты и неформальные практики патронажа и рентного соглашения закрепляют зависимость политических режимов от углеводородной модели. Такая институциональная конфигурация порождает «институциональные ловушки», ограничивающие долгосрочное планирование и усиливающие уязвимость государств к внешним шокам, что непосредственно отражается на состоянии региональной безопасности.

- конструктивистский подход используется для анализа символических, дискурсивных и идентификационных измерений энергетического фактора в системе региональной безопасности. Энергетика рассматривается как социально

сконструированная категория, через которую формируются представления о легитимности власти, суверенитете и национальной безопасности. В данном контексте углеводородная рента выступает не только экономическим ресурсом, но и основой социального договора.

Гипотеза исследования состоит в том, что энергетический фактор, будучи интегрированным в систему региональной безопасности Ближнего Востока, выполняет двойственную функцию краткосрочной стабилизации и долгосрочного воспроизводства нестабильности, что обуславливает устойчиво конфликтогенный характер регионального порядка.

Область исследования соответствует следующим пунктам паспорта научной специальности, утвержденного ВАК РФ 5.5.4. «Международные отношения, глобальные и региональные исследования»: 2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин. 3. Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики. 7. Международная безопасность. Системы глобальной и региональной безопасности. Военная сила в международных отношениях. Международный терроризм и борьба с ним. Разоружение и контроль над вооружениями. Вызовы, риски, опасности и угрозы. 8. Международные кризисы и конфликты. Этнический и религиозный факторы в международных отношениях. Миротворческая деятельность. 9. Геополитические факторы и процессы. 12. Внешняя политика и дипломатия. 14. Гуманитарные, социальные и экологические проблемы мировой политики и международных отношений.

Новизна диссертационного исследования:

1. Установлено, что энергетический фактор представляет собой инструмент легитимации власти, которая в условиях энергоперехода через трансформацию социального контракта раскрывает переосмысление взаимных

обязательств между государством и обществом в связи с парадигмальным кризисом, требующим необходимой смены парадигмы ресурсного доминирования, пришедшей в аномальное состояние.

2. Установлено, что энергетическая организация Ближнего Востока функционирует как адаптивная региональная система с переменной конфигурацией ролей, в которой статус государств как экспортеров, импортеров и транзитеров не является структурно заданным, а формируется в результате взаимодействия глобальных энергетических сдвигов, внутренних трансформаций и факторов небезопасности субнационального уровня.

3. В результате анализа энергетических подходов региональных акторов выявлено, что энергетическая зависимость, формируемая многолетней ориентацией на доминирующий ресурсный профиль, трансформируется в системный источник стратегических рисков, порождая институциональную ловушку – устойчивое воспроизводство рентной модели государства подрывает стимулы к институциональному развитию, которое блокирует адаптацию политико-экономических моделей к глобальным энергопереходным трансформациям.

4. Доказано, что глобальный энергетический переход инициирует качественную трансформацию самой природы региональной безопасности Ближнего Востока, переводя её из ресурсно-ориентированной модели, основанной на контроле над добычей углеводородов, в инфраструктурно-логистическую модель, где ключевым объектом геополитической конкуренции становится контроль над энергетическими маршрутами, технологическими цепочками и транзитными пространствами, что приводит к формированию принципиально новой конфигурации угроз, акторов и механизмов обеспечения региональной безопасности.

5. Установлен механизм инверсии энергетической взаимозависимости в системе региональной безопасности Ближнего Востока, заключающийся в том, что традиционная зависимость внешних акторов от энергоресурсов региона трансформируется в структурную зависимость самих ближневосточных государств

от внешних военно-политических, инвестиционных и технологических ресурсов, необходимых для поддержания устойчивости их ресурсных экономик, что объективно ограничивает их стратегическую автономию и превращает энергетический фактор в инструмент внешнего структурного влияния на региональную безопасность.

6. Выявлена закономерность формирования переходной конфликтогенности как системного эффекта энергетической трансформации региона, заключающаяся в том, что процессы диверсификации энергетических моделей и адаптации к глобальному энергопереходу, направленные на снижение ресурсной зависимости и повышение устойчивости государств, в кратко- и среднесрочной перспективе усиливают конкуренцию за новые источники экономической устойчивости, инвестиционные потоки и технологическое лидерство, что приводит к временному, но системному росту нестабильности и перестройке всей архитектуры региональной безопасности.

Положения, выносимые на защиту:

1. В условиях глобального энергоперехода энергетический фактор в странах Ближнего Востока продолжает выполнять функцию основания политической легитимности, однако данная функция реализуется в рамках структурного кризиса рентной модели развития. Ослабление устойчивости углеводородной ренты приводит к трансформации социального контракта, при которой прежняя система взаимных обязательств между государством и обществом утрачивает институциональную сбалансированность, сохраняясь при этом как доминирующая парадигма политического управления. Возникающее аномальное состояние ресурсного доминирования выражается в одновременном сохранении энергетики как ключевого инструмента легитимации власти и утрате ее способности обеспечивать долгосрочную социально-политическую устойчивость, что объективно требует смены парадигмы взаимодействия государства и общества

2. Региональная система энергетических взаимодействий на Ближнем Востоке характеризуется высокой степенью изменчивости и асимметрии,

при которой положение государств в энергетической иерархии определяется не только наличием ресурсов, но и характером внутренних трансформаций, уровнем управляемости территорий и воздействием транснациональных и субнациональных угроз. В этой связи энергетическая безопасность региона формируется как производная от способности государств гибко реагировать на структурные изменения, а не как результат фиксированного распределения энергетических функций.

3. Преобладание углеводородного сектора в экономической структуре стран Ближнего Востока представляет собой институциональную ловушку⁵⁴ как неэффективную норму, модель или структуру, задающую такую траекторию развития, в рамках которой приоритет краткосрочной стабильности ограничивает пространство для институциональных преобразований, необходимых для оптимизации как энергетических, так и общеэкономических процессов региона. Такая траектория снижает восприимчивость политико-экономических систем к внешним технологическим и энергетическим изменениям, усиливая разрыв между глобальной динамикой энергоперехода и внутренними возможностями социально-экономической адаптации.

4. Глобальный энергетический переход привел к структурной трансформации региональной безопасности Ближнего Востока, выражающейся в снижении определяющей роли контроля над добычей углеводородов и формировании инфраструктурно-пространственной модели, в которой ключевым фактором стратегического влияния становится способность государств контролировать энергетическую инфраструктуру, транспортно-логистические маршруты и транзитные коридоры, в результате чего их положение в системе региональной безопасности все в большей степени определяется уровнем инфраструктурного контроля и интеграции в международные энергетические коммуникации, что ведет к формированию новой иерархии акторов, появлению

⁵⁴ Понятие институциональной ловушки разработано современной институциональной экономикой и обладает большим объяснительным потенциалом.

дополнительных центров силы и усилению конкуренции за контроль над критически важными элементами энергетической инфраструктуры.

5. В условиях трансформации глобальной энергетической системы формируется механизм структурной инверсии энергетической взаимозависимости, при котором сохранение устойчивости ресурсно-ориентированных государств Ближнего Востока становится непосредственно зависимым от доступа к внешними инвестиционным, технологическим, военно-политическим и инфраструктурным ресурсам, вследствие чего энергетический фактор приобретает двойственный характер, одновременно выступая источником внешнеполитического влияния государств региона и каналом их зависимости от внешних акторов, что приводит к ограничению стратегической автономии региональных государств, повышению их уязвимости к внешнему воздействию и трансформации энергетического фактора в инструмент внешнего структурного регулирования региональной системы безопасности, усиливающий асимметричный характер международного взаимодействия в регионе.

6. Адаптация государств Ближнего Востока к условиям глобального энергетического перехода сопровождается формированием объективной закономерности переходной конфликтности, обусловленной необходимостью структурной перестройки ресурсно-ориентированных политико-экономических моделей, при которой процессы диверсификации энергетических стратегий, перераспределения источников доходов и интеграции в новые сегменты глобального энергетического рынка усиливают конкуренцию между государствами региона, что приводит к временному, но системному росту конфликтности, усилению уязвимости государств и дестабилизации сложившегося баланса сил.

Апробация исследования проводилась посредством публичных выступлений с докладами и публикации научных трудов. В рамках работы над диссертацией автор участвовал в следующих конференциях и форумах:

1. VII Международный научный конгресс «Глобалистика-2023: проблемы искусственного интеллекта и смены научно-технологических укладов», 24 октября

2023 года, Москва. Доклад: «Ближний Восток и региональная безопасность: влияние энергетического аспекта».

2. VIII Международный научный конгресс «ГЛОБАЛИСТИКА», 15 октября 2025 года, Moscow. Доклад: «Энергетический фактор Ближнего Востока».

Публикации автора по теме исследования:

ВАК

1. Емелин Д. Р., Кашуро И.А. Роль Турции в обеспечении региональной безопасности Ближнего Востока: энергетический аспект / Д. Р. Емелин, И. А. Кашуро // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. – 2023. – № 1. – С. 18–29.

2. Емелин Д. Р. Региональная безопасность на Ближнем Востоке: основные проблемы // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13, № 8 (101). – С. 3523–3528.

3. Емелин Д. Р. Обеспечение энергетической безопасности Арабской Республики Египет в современных условиях // Информационные войны. – 2023. – № 4 (68). – С. 33–36.

4. Емелин Д. Р. Основные проблемы кибербезопасности на Ближнем Востоке // Информационное общество. – 2024. – № 5. – С. 123–132.

РИНЦ:

1. Емелин Д. Р. Ближний Восток как предмет исследования в контексте энергетической политики // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, № 6-2 (94-2). – С. 3057–3067.

Структура работы состоит из введения, трех глав, разделенных на восемь параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

Глава 1 Теоретико-методологические основы исследования энергетического фактора в системе региональной безопасности

1.1 Специфика системы региональной безопасности на Ближнем Востоке

Система региональной безопасности на Ближнем Востоке представляет собой сложный, многомерный и динамично развивающийся комплекс взаимодействий, в котором переплетаются интересы государств, негосударственных акторов, транснациональных группировок и внешних держав. Ее уникальность обусловлена сочетанием глубоких исторических противоречий, этноконфессиональной мозаичности, борьбы за ресурсы и стратегическое доминирование.

В отличие от других регионов мира, где безопасность часто институционализована через многосторонние договоры, к примеру, НАТО в Европе или АСЕАН в Азии, на Ближнем Востоке доминирует «анархическая модель», где стабильность – результат временного баланса сил, а не правовых норм. Государственные акторы, такие как Саудовская Аравия, Иран, Турция и Израиль, конкурируют за влияние, делая опору на союзы с локальными группировками от ливанской «Хезболлы» до йеменских хуситов.

Историческая эволюция понятия «Ближний Восток» отражает трансформацию региона из периферии империй в эпицентр глобальной политики. Изначально термин, введенный британской Индийской администрацией в XIX веке, обозначал зону между Европой и «Дальним Востоком» – территории Османской империи, включая Месопотамию, Левант и Аравию. Однако после Первой мировой войны и краха Османской империи регион стал ареной «искусственного государственного строительства»: соглашения Сайкса-Пико 1916 года и мандатная система Лиги Наций закрепили границы, игнорирующие этнические, религиозные и племенные реалии⁵⁵. Например, создание Ирака объединило суннитский центр, шиитский юг и курдский север, заложив основу для

⁵⁵ Are the Middle East and the Near East the Same Thing? // www.britannica.com URL: <https://www.britannica.com/story/are-the-middeleest-and-the-near-east-the-same-thing>

вековых конфликтов. В период холодной войны Ближний Восток превратился в поле битвы идеологий: арабский национализм Гамалы Насера, поддерживаемый СССР, противостоял прозападным монархиям Залива, а создание Израиля в 1948 году стало катализатором арабо-израильского противостояния, определившего региональную повестку на десятилетия.

Современные границы региона остаются предметом дискуссий. Существует несколько подходов к географическому определению такого региона, как Ближний Восток:

1. Арабоцентричный подход:

Данный подход, доминирующий в арабской академической и политической традиции, основывается на идее культурно-языковой гомогенности как ключевого маркера региональной принадлежности. В его рамках Ближний Восток трактуется как пространство, объединенное арабским языком, наследием исламской цивилизации и коллективной памятью о колониальном угнетении. Географически он делится на три субрегиона:

- Машрик, охватывающий Левант (Сирия, Ливан, Иордания, Палестина, Израиль) и Месопотамию (Ирак). Эта территория исторически служила перекрестком торговых путей, религиозных течений и имперских амбиций, что определило ее роль как культурного и политического ядра арабского мира. Здесь сконцентрированы ключевые памятники исламской и доисламской эпох, а также очаги конфликтов, связанных с постколониальным переустройством, включая палестино-израильский вопрос.

- Аравийский полуостров, включающий Саудовскую Аравию, Йемен, ОАЭ, Катар, Бахрейн, Кувейт и Оман, характеризуется доминированием племенных структур, тесно переплетенных с монархическими режимами, и ресурсной экономикой, основанной на нефтегазовом секторе. Данная зона, сохраняя культурную связь с общеарабским наследием, демонстрирует уникальный симбиоз традиционализма и модернизации, подчеркиваемый урбанистическими проектами вроде Эр-Рияда или Дубая.

- Магриб – североафриканские государства (Египет, Ливия, Тунис, Алжир, Марокко, Мавритания), чья интеграция в арабский мир осложнена берберским субстратом, средиземноморским влиянием и наследием французской колонизации. Магрибские общества балансируют между арабизацией, исламизацией и сохранением доисламских культурных кодов, что создает внутренние противоречия в формировании единой региональной идентичности.

Исключение Турции и Ирана из арабцентричной модели обусловлено их принадлежностью к иным языковым и историко-культурным ареалам. Турция, наследница Османской империи, позиционируется как часть тюркского мира, а ее историческая роль как доминирующей силы в регионе вступает в противоречие с арабским национализмом, особенно после распада Османской империи и эпохи младотурок⁵⁶. Иран, опирающийся на персидскую идентичность и шиитскую традицию, сохраняет статус цивилизационного конкурента, чьи имперские амбиции простираются от Месопотамии до Леванта, подпитывая многовековое соперничество с арабскими государствами. Что касается Израиля, его позиционирование в рамках арабцентричной модели остается наиболее проблематичным: иудаизм как системообразующий элемент государственности, европейские корни сионизма, а также незавершенность территориально-политического урегулирования с Палестиной превращают его в «инородное тело» с точки зрения арабской идентичности⁵⁷. Это исключение подчеркивает структурную особенность арабцентричного подхода, где акцент на единстве языка, религии и исторической памяти минимизирует включение неарабских акторов, даже если они играют ключевую роль в региональной безопасности, экономике или дипломатии.

Арабцентричная модель, будучи инструментом консолидации арабского мира, одновременно отражает его внутренние границы

⁵⁶ Osman N. Ö. Where is the Middle East? The Definition and Classification Problem of the Middle East as a Regional Subsystem in International Relations/ N. Ö. Osman // Turkish Journal of Politics. – Turkey, 2011. - №2. - С. 15.

⁵⁷ Payind A., McClimans M. Keys to Understanding the Middle East / A. Payind, M. McClimans // The Ohio State University - USA, 2017.

и противоречия. Она игнорирует сложную мозаику этноконфессиональных групп (курды, берберы, копты), а также транслирует нарратив, в котором колониальное прошлое и борьба с внешним вмешательством служат основой для критики современных геополитических реалий. Однако эта ограниченность не отменяет ее значения как попытки концептуализировать регион через призму коллективной идентичности, противопоставленной внешним вызовам – будь то турецкий неосманизм, иранский экспансионизм или израильская военно-технологическая мощь. В этом контексте Ближний Восток предстает не столько географической данностью, сколько проектом, чьи границы продолжают оспариваться в борьбе за историческую легитимность и право на региональное лидерство.

2. В западной политологической традиции концептуализация Ближнего Востока формируется сквозь призму стратегического прагматизма⁵⁸, что контрастирует с культурно-историческим подходом, доминирующим в арабской академической среде. Регион здесь предстает не столько географической или цивилизационной целостностью, сколько динамичным пространством, где пересекаются интересы глобальных держав, формируются энергетические коридоры и разворачиваются конфликты за контроль над критическими ресурсами. Такой анализ, нередко обвиняемый в евроцентризме, отражает реалии современной системы международных отношений, где категория «Ближний Восток» становится инструментом для идентификации угроз стабильности, оценки рычагов влияния и проектирования политических решений⁵⁹.

Здесь прослеживается следующая структура:

- Ядро региона, согласно этой парадигме, концентрируется вокруг трех ключевых узлов. Первый – нефтедобывающие монархии Персидского залива, чьи

⁵⁸ Khalidi, R. *Sowing Crisis: The Cold War and American Dominance in the Middle East*. Boston: Beacon Press
https://www.academia.edu/36276736/Sowing_Crisis_The_Cold_War_and_American_Dominance_in_the_Middle_East

⁵⁹ И.Д. Звягельская *Ближний Восток: Политика и идентичность* // ИМЭМО РАН. 2024. – 316 с.

углеводородные запасы и финансовые потоки делают их центрами глобальной энергобезопасности и объектами конкуренции между США, Китаем и Европой⁶⁰.

Второй – Левант, включающий Сирию, Ливан, Иорданию, Палестинские территории и Израиль, где переплетение этноконфессиональных противоречий, палестино-израильского конфликта и прокси-войн превращает субрегион в «полигон» для испытания моделей внешнего вмешательства.

Третий полюс – Египет, чья демографическая структура, контроль над Суэцким каналом и историческая роль идеологического центра арабского мира компенсируют экономическую уязвимость. Каир остается ключевым партнером Вашингтона в обеспечении стабильности Красного моря, одновременно балансируя между зависимостью от МВФ и попытками сохранить остатки регионального лидерства через посредничество в палестинском урегулировании.

- Периферийная зона включает государства, чье влияние на региональную динамику опосредовано их пограничным положением между Ближним Востоком и сопредельными геополитическими пространствами. Турция, обладающая вторым по численности армией в НАТО, использует свою роль «моста» между Европой и Азией для продвижения неоосманской повестки – от военных операций в Северной Сирии до энергетического партнерства с Россией через «Турецкий поток» и соперничества с Египтом за влияние в Ливии⁶¹. Иран, с его шиитской идеологической моделью и ядерной программой, трансформируется из локального игрока в крупного геополитического игрока, о чем свидетельствуют санкционная война с США, альянс с Москвой в Сирии и создание «оси сопротивления» от Йемена до Ливана⁶².

- Спорные территории – от Западной Сахары до курдских анклавов в Сирии и Ираке (курдский автономный район) – демонстрируют хрупкость Вестфальской системы государств в регионе. Самопровозглашенный Сомалиленд,

⁶⁰ Lynch, M. The New Arab Order: Power and Violence in Today's Middle East. Foreign Affairs, 2020, vol. 99, no. 5.

⁶¹ Дугин, А.Г. Основы геополитики / А. Г. Дугин. – М.: Академический проект, 2015. – 576 с.

⁶² Шумилин А.И. Иран в системе международных отношений: между Востоком и Западом / А. И. Шумилин. – М.: ИВ РАН, 2019. – 256 с.

несмотря на де-факто независимость, остается непризнанным, подчеркивая, как международное сообщество предпочитает поддерживать фикцию единого Сомали ради борьбы с пиратством и исламистской группировкой «Аш-Шабааб» (организация запрещена на территории Российской Федерации). Эти квазигосударственные образования становятся плацдармами для негосударственных акторов – от турецких строительных компаний в Катаре до российских ЧВК в Ливии, перекраивающих карту влияний в обход официальных дипломатических каналов⁶³.

Критика такого подхода справедливо указывает на его зависимость от западных стратегических нарративов: например, включение Ливии в «ядро» лишь после начала гражданской войны в 2011 году или трактовка Йемена исключительно через призму саудовско-иранского противостояния. Однако именно этот прагматизм позволяет выявить логику, по которой Вашингтон выстраивает альянсы с авторитарными режимами Персидского залива ради сдерживания Китая, а ЕС мигрирует от «арабской весны» к сотрудничеству с египетскими властями в блокировании нелегальной миграции⁶⁴. Таким образом, западная политология не столько описывает Ближний Восток, сколько конструирует его как операционное пространство, где географические границы подчинены задачам управления рисками – от терроризма до сбоев в энергопоставках.

С началом процесса глобализации и углубления международных взаимосвязей процесс переосмысления географических и концептуальных границ Ближнего Востока превратился в многомерный феномен, где исторические идентичности, сформированные веками культурного, религиозного и социального развития, вступили в сложное взаимодействие с вызовами глобализованного мира. Этот регион, традиционно определявшийся через призму арабского национализма, общности исламской уммы и племенных

⁶³ Lynch M. The New Arab Order: Power and Violence in Today's Middle East / M. Lynch // Foreign Affairs. – 2020. – Vol. 99, № 5. – P. 116–126

⁶⁴ Fukuyama, F. Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment / F. Fukuyama. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 2018. – 240 p.

структур, столкнулся с радикальной трансформацией своих основ под воздействием экзогенных сил – цифровых технологий, климатических изменений и переформатирования энергетических рынков. Диалектика этого процесса заключается в одновременном сохранении архаичных социальных паттернов и их адаптации к новым реалиям, что порождает гибридные формы политической и экономической организации, размывающие классические представления о государственном суверенитете и территориальной целостности.

В контексте данного диссертационного исследования под Ближним Востоком понимается динамично структурируемое пространство, чьи контуры определяются синтезом физико-географических, историко-цивилизационных и актуальных политико-экономических факторов, а также динамики глобально-регионального взаимодействия, включающее в себя следующие государства: Саудовскую Аравию, Йемен, Оман, ОАЭ, Катар, Бахрейн, Кувейт, Сирию, Ливию, Иорданию, Израиль, Палестину, Египет, Ирак, Турцию, Иран, Афганистан.

Современный Ближний Восток характеризуется наличием следующих специфических особенностей, влияющих на его динамику и определяющих его развитие.

Трендом последнего десятилетия стало формирование альтернативных энергетических центров, способных переконфигурировать традиционные схемы ресурсопотоков⁶⁵. Открытие шельфовых месторождений в Восточном Средиземноморье, включая израильский «Левиафан», запасы которого оцениваются в 622 млрд м³ газа, и египетский «Зохран» – 850 млрд м³, создало конкурирующий газовый хаб, привлекая стратегические инвестиции ЕС, стремящегося диверсифицировать поставки в рамках политики снижения зависимости от российских ресурсов после украинского кризиса 2014 года и начала специальной военной операции 2022 года. Данный процесс не только расширил географию «энергетического Ближнего Востока», интегрировав

⁶⁵ Симонов, К. В. Энергетическая геополитика Восточного Средиземноморья / К. В. Симонов. – Москва: ИМЭМО РАН, 2021. – 184 с.

в нее Кипр и Грецию через проекты EastMed Pipeline и LNG – терминалы⁶⁶, но и обострил латентные конфликты, такие как турецко-греческое противостояние из-за делимитации исключительных экономических зон, где Анкара, отстаивая концепцию «Голубой Родины», проводит сейсморазведку в районах, оспариваемых Никосией при поддержке ЕС.

Параллельно энергетическая реконфигурация накладывается на глубокий кризис региональной системы безопасности, характеризующейся фазой дезинтеграции традиционных структур и хаотичного переформатирования альянсов⁶⁷. Перманентные вооруженные конфликты, включая сирийскую гражданскую войну, йеменский кризис и израильско-палестинское противостояние, выступают индикаторами системного коллапса, при котором внутренние противоречия трансформируются в прокси-войны с участием внешних сил. В Сирии противостояние между режимом Асада и оппозицией эволюционировало в полигон столкновения интересов России, Ирана, Турции и США: российская военная операция в 2015 году, направленная на сохранение легитимного правительства, контрастирует с американской поддержкой Курдских сил самообороны, что привело к де-факто разделению страны на зоны влияния и подрыву ее территориальной целостности. Аналогично, йеменский конфликт, изначально обусловленный кризисом легитимности после свержения Али Абдаллы Салеха, превратился в театр саудовско-иранского соперничества: операция «Решительная буря» в 2015 году под руководством Эр-Рияда, направленная на противодействие хуситам, воспринимаемым как проиранская группа, сопровождается блокадой йеменских портов, усугубляющей гуманитарную катастрофу.

В то же время слабость государственных институтов некоторых региональных игроков, унаследованная от колониального раздела границ

⁶⁶ Henderson, S. EastMed Pipeline: Geopolitics of Gas / S. Henderson, N. Tsafos. – Washington, D.C.: CSIS, 2021. – 89 p.

⁶⁷ Gause, F. G. The International Relations of the Middle East / F. G. Gause. – 5th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – 480 p.

и усугубленная ресурсной зависимостью⁶⁸, создает питательную среду для нестабильности. В Ливане конфессиональная система управления, закрепляющая квоты за 18 религиозными группами, парализована экономическим коллапсом, в результате которого ВВП сократился на 58% за 2019–2021 годы, коррупцией и доминированием «Хезболлы», чья военная мощь превышает потенциал национальной армии⁶⁹. В Ираке, несмотря на формальное восстановление суверенитета после вывода американских войск в 2011 году, сохраняется вакуум власти, заполняемый проиранскими шиитскими милициями «Хашд аш-Шааби» и остатками ИГИЛ (признана террористической организацией и запрещена на территории Российской Федерации), что превращает страну в арену соперничества между США, Ираном и Турцией, особенно в нефтеносном Киркуке.

Регион остается зоной стратегического интереса для глобальных сил, однако их подходы к обеспечению стабильности радикально различаются. США, сохраняя сеть военных баз (Аль-Удейд в Катаре, Армиджан в Кувейте), фокусируются на одностороннем сдерживании Ирана через санкции и поддержке авторитарных монархий Залива⁷⁰, что контрастирует с риторикой о демократизации и порождает обвинения в двойных стандартах. Россия, напротив, позиционирует себя как гарант статус-кво, сочетая военное присутствие в Сирии (авиабаза Хмеймим, порт Тартус) с энергетической дипломатией: соглашение с Турцией по «Турецкому потоку» с пропускной способностью в 31,5 млрд м³ газа в год и переговоры о создании газового хаба в Турции демонстрируют стратегию экономической взаимозависимости как инструмента стабилизации. Китай, избегая прямого вмешательства, реализует проекты в рамках инициативы «Один пояс – один путь»:

⁶⁸ Ross, M. L. *The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes Nations* / M. L. Ross. – Princeton : Princeton University Press, 2019. – 280 p.

⁶⁹ Мельянцев, В. А. *Экономический кризис в Ливане: причины и последствия* / В. А. Мельянцев. – Москва: МГИМО-Университет, 2022. – 132 с.

⁷⁰ Наумкин, В. В. *США и Ближний Восток: от санкций к союзам* / В. В. Наумкин. – Москва: Наука, 2023. – 298 с.

инвестиции в порт Хальк-аль-Матбах формируют альтернативу западной модели, акцентируя взаимовыгодное партнерство⁷¹.

Конфессионально-этнические противоречия, исторически усугубляемые внешним вмешательством, остаются структурным вызовом. Суннитско-шиитское соперничество, институционализированное через геополитическое противостояние Саудовской Аравии и Ирана⁷², переплетается с этническими конфликтами, затрудняя поиск устойчивых решений. Тегеран, выстраивая «шиитский полумесяц» через поддержку «Хезболлы», сирийского режима и йеменских хуситов⁷³, сталкивается с саудовской стратегией салафитского доминирования, реализуемой через финансирование религиозных институтов. Однако попытки внешних акторов навязать однополярные модели игнорируют принцип суверенного равенства, закрепленный в Уставе ООН, что подчеркивает необходимость перехода к инклюзивным многосторонним форматам, способным уравновесить интересы при сохранении территориальной целостности государств.

Дестабилизация режима нераспространения ядерного оружия на Ближнем Востоке представляет собой сложный многофакторный процесс, коренящийся в системных дисбалансах глобального управления и исторически обусловленных противоречиях. Ключевым катализатором кризиса стал односторонний выход США из Совместного всеобъемлющего плана действий в 2018 году, который не только подорвал доверие к международным договоренностям, но и создал прецедент для отказа от многосторонней дипломатии в пользу силового давления. Данный шаг Вашингтона, оправдываемый риторикой о «максимальном сдерживании» Ирана, фактически девальвировал переговорные достижения «ядерной пятерки» и спровоцировал цепную реакцию.

Тегеран, столкнувшись с беспрецедентным ужесточением санкционного режима, включая ограничения на экспорт нефти и доступ к финансовым системам,

⁷¹ Лукин, А. В. Китайская стратегия "Пояс и путь" / А. В. Лукин. – Москва: Международные отношения, 2020. – 254 с.

⁷² Наумкин, В. В. Саудовская Аравия и Иран: векторы конфронтации / В. В. Наумкин. – Москва: Наука, 2021. – 245 с.

⁷³ Фролова, О. А. Йемен: война без победителей / О. А. Фролова. – Москва: ИВ РАН, 2021. – 175 с.

был вынужден пересмотреть свои обязательства в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия, наращивая обогащение урана до 60% при сохранении формального отказа от военной программы. Эта ситуация иллюстрирует парадокс современной системы нераспространения: суверенное право государств на развитие мирного атома, закрепленное в статье IV Договора о нераспространении ядерного оружия, сталкивается с политикой внедоговорных ограничений, навязываемых через экстерриториальные санкции. При этом иранское руководство последовательно акцентирует готовность к восстановлению СВПД при условии снятия ограничений и гарантий невмешательства⁷⁴, что, однако, блокируется отсутствием консенсуса среди западных стран относительно роли Вашингтона как гаранта соглашений.

Параллельно трансформируется архитектура региональных альянсов, где Саудовская Аравия демонстрирует стратегический прагматизм, диверсифицируя партнерства за счет сближения с Россией и Китаем в сферах энергетической безопасности, высоких технологий и военно-технического сотрудничества⁷⁵. Эр-Рияд, осознавая уязвимость однополярной привязки к американской системе безопасности после инцидентов с атаками на нефтяную инфраструктуру в 2019 году, инвестирует в создание альтернативных цепочек поставок и совместные проекты – от строительства АЭС с участием Росатома до подключения к инициативе «Один пояс – один путь». Этот тренд отражает общую динамику региона: снижение доверия к способности США обеспечивать стабильность на фоне их приоритезации конкуренции с Китаем⁷⁶, что стимулирует ближневосточные государства к формированию многовекторной дипломатии.

Водно-ресурсные конфликты, усугубляемые климатическими изменениями и демографическим давлением, выступают еще одним измерением кризиса, где

⁷⁴ Rouhani, H. *Iran's Position on the JCPOA: Statements and Interviews (2015–2023)*. – Tehran: Ministry of Foreign Affairs of Iran, 2023. – URL: <https://en.mfa.ir/jcпоа> (дата обращения: 13.05.2025).

⁷⁵ Наумкин, В. В. *Стратегический прагматизм Саудовской Аравии: Россия и Китай* / В. В. Наумкин. – М.: Наука, 2023. – 198 с.

⁷⁶ Gause, F. G. *U.S.-China Rivalry and Middle Eastern Realignments* / F. G. Gause // *Foreign Affairs*. – 2023. – Vol. 102, № 2. – P. 34–45.

наследие колониального раздела границ переплетается с современными геэкономическими интересами. Проект Юго-Восточная Анатолии, предполагающий возведение 22 плотин на Тигре и Евфрате⁷⁷, не только изменяет гидрологический режим Сирии и Ирака, но и обнажает недостатки международного права в регулировании трансграничных водных ресурсов. Отсутствие ратифицированной Конвенции ООН по международным водотокам позволяет Анкаре игнорировать требования Багдада и Дамаска о квотах, ссылаясь на принцип «абсолютного суверенитета». Однако корень проблемы лежит глубже: дестабилизация Сирии в результате западных интервенций и санкций⁷⁸ лишила регион механизмов для выработки совместных решений, что эксплуатируется Турцией для укрепления своих позиций в курдском вопросе. Аналогично, йеменский кризис, где саудовско-эмиратская коалиция при поддержке США и ЕС осуществляла морскую блокаду, привел к коллапсу систем водоснабжения, превратив 80% населения в зависимых от гуманитарной помощи. Подобные сценарии подтверждают, что внешнее вмешательство не только усугубляет гуманитарные катастрофы, но и блокирует формирование устойчивых моделей управления природными ресурсами.

Кризис традиционных многосторонних институтов, таких как Лига арабских государств и Организация исламского сотрудничества, усугубляется политикой двойных стандартов, навязываемой Западом. Раскол в ЛАГ по вопросу нормализации отношений с Израилем, инициированный «Соглашениями Авраама» в 2020 году, демонстрирует, как внешнее давление разрушает консенсусные основы панарабизма. Если ОАЭ, Бахрейн и Марокко, следуя логике «экономического мира в обмен на суверенитет», открыли посольства в Тель-Авиве⁷⁹, то Алжир, Ливан и Палестинская администрация настаивают на приоритетности решения палестинского вопроса, что соответствует резолюции СБ

⁷⁷ Kibaroglu, A. The GAP Project: Hydropolitics in Southeastern Anatolia / A. Kibaroglu. – Ankara: Bilkent University Press, 2021. – 210 p.

⁷⁸ Кузнецов, А. С. Сирия: последствия интервенций / А. С. Кузнецов. – М.: РСМД, 2023. – 145 с.

⁷⁹ I Jazeera. UAE-Israel Normalization: Economic Gains vs. Political Costs. – Doha: Al Jazeera, 2021. – URL: <https://www.aljazeera.com/uae-israel> (дата обращения: 10.05.2025).

ООН 242. Подобная разнонаправленность интеграционных стратегий, искусственно стимулируемая угрозами заморозки американской помощи, подрывает легитимность ЛАГ как инструмента продвижения коллективных интересов, подталкивая страны к созданию коалиций. Россия и Китай, выступая в роли посредников, предлагают альтернативные платформы от Астанинского процесса по Сирии до диалога в рамках ШОС, подчеркивая необходимость уважения международного права без силового диктата.

Переосмысление моделей безопасности проявляется в переходе от жесткой привязки к НАТО к гибридным форматам, сочетающим элементы традиционных союзов и ситуативного партнерства. Долгосрочные оборонные контракты Саудовской Аравии с США, включая поставки ТНААД-систем⁸⁰, сосуществуют с участием Эр-Рияда в Исламской военной контртеррористической коалиции, где ключевую роль играет Пакистан. Это отражает запрос на «модульную безопасность», позволяющую гибко реагировать на вызовы – от киберугроз до энергетических кризисов. Однако конкуренция региональных держав, таких как Катар и ОАЭ, за влияние в Ливии и Судане, воспроизводит схему «разделяй и властвуй», унаследованную от колониальной эпохи. Поддержка противоположных фракций в ливийском конфликте между Триполи и Бенгази не только замедляет восстановление государства, но и создает плацдармы для вмешательства внешних сил. Таким образом, регионализация безопасности становится одновременно ответом на однополярность и источником новых рисков, требующих переформатирования глобального управления с учетом полицентричности современного мира⁸¹.

Контроль над углеводородными ресурсами Ближнего Востока остается ключевым фактором региональной безопасности, формируя стратегические приоритеты государств и обостряя конкуренцию за доминирование в энергетической сфере. Этот процесс не только определяет экономические

⁸⁰ SIPRI. Saudi Arms Imports 2015–2023. – Stockholm: SIPRI, 2023. – URL: <https://www.sipri.org/saudi-arms> (дата обращения: 10.05.2023).

⁸¹ Симонов, К. В. Энергетика и геополитика Ближнего Востока / К. В. Симонов. – М.: ИМЭМО, 2022. – 245 с.

траектории стран региона, но и становится катализатором геополитических противостояний, в которых энергоресурсы используются как инструмент давления, а инфраструктура – как объект гибридных атак⁸². В данном контексте особую значимость приобретает позиция Ирана, который, сталкиваясь с жесткими санкционными ограничениями, направленными на сдерживание развития его нефтегазового сектора, рассматривает эти меры как системную попытку Запада подорвать его экономический суверенитет и ослабить региональное влияние. В ответ Тегеран активизирует энергетическое и экономическое сотрудничество с союзниками, включая Россию и Китай, а также усиливает поддержку прокси-групп⁸³, что позволяет ему компенсировать последствия изоляции, но одновременно воспринимается соседями, прежде всего Саудовской Аравией и Израилем, как дестабилизирующий фактор, подрывающий статус-кво.

Саудовская Аравия, обладая крупнейшими доказанными запасами нефти, рассматривает защиту своей энергетической инфраструктуры как вопрос стратегической стабильности и национальной безопасности⁸⁴. Атаки на ключевые объекты, подобные ударам по НПЗ Абкаик в 2019 году, которые Эр-Рияд связывает с Ираном и поддерживаемыми им хуситами, интерпретируются саудовским руководством как элемент гибридной войны, нацеленной на подрыв ее роли глобального энергетического гаранта. Это не только усугубляет противостояние с Тегераном, но и стимулирует масштабные инвестиции в системы противоракетной обороны, кибербезопасность и диверсификацию экономики, что отражает стремление королевства снизить уязвимость от односторонней зависимости от нефтяного экспорта.

В Восточном Средиземноморье конкуренция за доступ к газовым месторождениям, таким как «Левиафан» и «Зохран», обнажает глубинные региональные противоречия, в которых переплетаются вопросы суверенитета,

⁸² tulberg, A. Hybrid Energy Wars / A. Stulberg. – Stanford : Stanford UP, 2023. – 198 p.

⁸³ Filkins, D. Iran's Proxy Networks / D. Filkins // The New Yorker. – 2023. – № 15. – P. 34–47.

⁸⁴ Saudi Aramco. Energy Security Strategy 2023. – Dhahran: Aramco, 2023. – 54 p.

безопасности и экономических интересов⁸⁵. Турция, оспаривая исключительные экономические зоны Греции и Кипра, настаивает на своем праве вести разведку и добычу в рамках континентального шельфа, что сопровождается проведением сейсмических исследований и военных учений в спорных водах. Анкара позиционирует эти действия как защиту национальных интересов в условиях, когда Афины и Никосия, при поддержке Израиля, Египта и даже отчасти Франции, стремятся монополизировать доступ к ресурсам, создавая региональные энергетические альянсы, исключая турецкое участие⁸⁶. В свою очередь, Израиль, развивая проекты по экспорту газа, включая строительство подводного трубопровода EastMed, стремится не только укрепить собственную экономическую устойчивость, но и трансформироваться в одного из ключевых энергетических игроков, способного влиять на баланс сил в регионе. Однако это вызывает резкое сопротивление со стороны Ливана, который оспаривает израильские права на шельфовые месторождения в спорных водах, а также со стороны палестинских структур, усматривающих в энергетической экспансии Тель-Авива инструмент консолидации оккупационной политики.

Энергетический фактор на Ближнем Востоке давно перерос рамки чисто экономической конкуренции, став неотъемлемой частью силовой политики, гибридных конфликтов и передела сфер влияния⁸⁷. Взаимные претензии, борьба за контроль над ресурсами, использование энергетической инфраструктуры в качестве мишени для атак или рычага давления – все это усугубляет фрагментацию региона, подпитывает конфликты низкой интенсивности и делает формирование устойчивой системы коллективной безопасности крайне маловероятным в обозримой перспективе.

В условиях, когда углеводороды остаются основой экономик и одновременно инструментом геополитического противостояния, любая эскалация

⁸⁵ Симонов, К. В. Газовые месторождения Восточного Средиземноморья: геополитика и экономика / К. В. Симонов. – Москва: ИМЭМО РАН, 2021. – 184 с.

⁸⁶ Henderson, S. EastMed Pipeline: Geopolitics of Gas / S. Henderson, N. Tsafos. – Washington, D.C.: CSIS, 2021. – 89 p.

⁸⁷ Gause, F. G. The International Relations of the Middle East / F. G. Gause. – 5th ed. – Oxford : Oxford University Press, 2022. – 480 p.

– будь то кибератака на нефтяные объекты, перекрытие морских коммуникаций или поддержка прокси-групп – способна спровоцировать цепную реакцию, угрожающую стабильности не только региона, но и глобальных энергорынков.

Таким образом, характерной чертой системы региональной безопасности Ближнего Востока является ее конфликтность, где взаимосвязанные религиозные, этнические, энергетические и геополитические противоречия создают перманентную зону нестабильности. Баланс сил в регионе поддерживается не через формальные институты, а посредством гибких временных альянсов и силового доминирования, что создает динамическую, но хрупкую систему взаимодействий, а ее устойчивость зависит от способности акторов адаптироваться к внешним воздействиям от энергетического перехода до переформатирования глобального миропорядка.

1.2 Энергетическая безопасность как элемент региональной безопасности

Энергетическая безопасность на Ближнем Востоке представляет собой сложный, многоуровневый феномен, интегрирующий технико-экономические, экологические и геополитические параметры в уникальную систему координат, где доступ к углеводородам исторически формирует не только экономические модели, но и политическую идентичность государств⁸⁸.

В рамках методологии Международного энергетического агентства данный концепт традиционно структурируется вокруг четырех аспектов – физической и экономической доступности ресурсов, экологической устойчивости и геополитической управляемости⁸⁹, однако в регионе, где нефть и газ служат одновременно основой бюджетов, инструментом внешней политики и элементом социального контракта, эти категории трансформируются, приобретая качественно иное измерение.

Физическая доступность, подразумевающая достаточность запасов и развитость инфраструктуры, здесь сталкивается с парадоксом изобилия: при том,

⁸⁸ Симонов, К. В. Энергетическая безопасность Ближнего Востока: геополитический анализ / К. В. Симонов. – М. : ИМЭМО РАН, 2023. – 210 с.

⁸⁹ International Energy Agency (IEA). Energy Security Framework. – Paris: IEA, 2021. – URL: <https://www.iea.org/reports/energy-security> (дата обращения: 10.05.2025).

что на Ближний Восток приходится около 48% мировых доказанных запасов нефти и 38% газа⁹⁰, неравномерность их распределения между государствами (от гипертрофированных ресурсов Катара и Саудовской Аравии до дефицита в Йемене или Иордании) создает асимметрию, усугубляемую устаревшей инфраструктурой в странах, подверженных конфликтам (в Ираке и Ливии), и растущими инвестиционными рисками на фоне глобального энергоперехода.

Экономическая доступность, связанная с ценовой стабильностью и финансовой устойчивостью, в регионе жестко привязана к волатильности нефтяных рынков, что превращает бюджеты монархий Персидского залива и Ирана в заложников циклов спроса и предложения, а зависимость от ренты препятствует диверсификации, несмотря на декларативные проекты вроде Saudi Vision 2030.

Экологическая устойчивость, становящаяся ключевым элементом глобальной энергетической повестки, на Ближнем Востоке сталкивается с двойственным подходом: с одной стороны, страны-экспортеры, осознавая неизбежность декарбонизации, инвестируют в «зеленый водород» и ВИЭ⁹¹, с другой, сохраняют зависимость от нефтегазовых доходов⁹², что замедляет энергопереход и усиливает климатические риски для самого региона, где рост температур опережает глобальные тренды.

Однако наиболее специфическим для Ближнего Востока остается аспект геополитической управляемости, поскольку энергетическая безопасность здесь неотделима от способности государств и негосударственных акторов использовать углеводороды как инструмент давления, легитимации или дестабилизации. Контроль над месторождениями и маршрутами транспортировки через Ормузский пролив, Баб-эль-Мандебский пролив, трубопроводы Восточного Средиземноморья

⁹⁰ BP. Statistical Review of World Energy 2023. – London: BP, 2023. – URL: <https://www.bp.com/statistical-review> (дата обращения: 10.05.2025).

⁹¹ IRENA. Renewable Energy Prospects: Middle East. – Abu Dhabi: IRENA, 2023. – 120 p.

⁹² Hertog, S. Princes, Brokers, and Bureaucrats: Oil and the State in Saudi Arabia. – Ithaca: Cornell UP, 2021. – 280 p.

превращается в элемент «гибридных войн»⁹³, будь то атаки дронов на саудовские нефтеперерабатывающие заводы в 2019 году, блокада Катара в 2017-2021 годах⁹⁴ или противостояние вокруг газовых месторождений Леванта, где интересы Израиля, Турции, Египта и Ливана сталкиваются в контексте неопределенных морских границ⁹⁵.

При этом энергетическая безопасность для ближневосточных режимов – это не только внешняя, но и внутренняя категория: доступ населения к субсидируемым энергоносителям в Саудовской Аравии, Иране, Алжире исторически являлся частью «социального контракта»⁹⁶, обеспечивающего стабильность авторитарных систем. Либерализация цен на топливо, вызванная бюджетными кризисами, нередко провоцирует социальные взрывы, как это произошло в Судане в 2013 году или Иране в 2019 году, демонстрируя, что энергетика служит не просто сектором экономики, а элементом политической легитимности. Наконец, глобальные тренды – от санкций против Ирана и России до климатического лоббирования ЕС – заставляют регион адаптироваться, балансируя между попытками сохранить роль «энергетической сверхдержавы» через консолидацию ОПЕК+ и поиском ниш в новой энергетической реальности⁹⁷, где спрос на нефть может сократиться быстрее, чем предполагают консервативные сценарии. В этой связи энергетическая безопасность на Ближнем Востоке эволюционирует в многомерный конструкт, в котором технические параметры переплетаются с вопросами выживания режимов, геоэкономическим соперничеством и трансформацией глобальных энергосистем, делая регион эпицентром как рисков, так и возможностей в условиях реформирования мировой энергетической архитектуры.

⁹³ Henderson, S. Hybrid Threats in the Energy Sector / S. Henderson. – Washington, D.C.: CSIS, 2023. – 67 p.

⁹⁴ Ulrichsen, K. C. Qatar and the Gulf Crisis / K. C. Ulrichsen. – London: Hurst, 2020. – 190 p.

⁹⁵ Mitchell, J. Eastern Mediterranean Gas: Geopolitical Challenges / J. Mitchell. – Oxford: OIES, 2023. – 89 p.

⁹⁶ Hertog, S. The Political Economy of Energy Subsidies / S. Hertog // Middle East Policy. – 2022. – Vol. 29, № 4. – С. 23–40.

⁹⁷ Глазьев, С. Ю. Глобальный энергопереход и интересы России / С. Ю. Глазьев. – М.: Наука, 2023. – 176 с.

Современное состояние энергетической безопасности Ближнего Востока представляет собой сложную диалектику, в которой роль региона как глобального энергетического хаба сталкивается с системной уязвимостью, порождаемой внутренней фрагментацией, конфликтогенностью и зависимостью от внешних акторов. Обладая 33% мировой добычи нефти и 20% газа⁹⁸, регион остается ключевым поставщиком углеводородов, однако его экономико-политическая архитектура демонстрирует признаки структурной хрупкости. Доминирование углеводородной модели, обеспечивающей от 60% до 90% бюджетных поступлений в Саудовской Аравии, Ираке, ОАЭ и Кувейте⁹⁹, формирует гипертрофированную зависимость от конъюнктуры мировых рынков, консервируя сырьевую специализацию и подавляя попытки диверсификации.

Зависимость от сырьевой ренты не только усугубляет социально-экономические дисбалансы, но и создает условия для трансформации экономических шоков в политические кризисы. Ярким примером служит Ирак, где падение нефтяных цен в 2014-2016 и 2020 годах спровоцировало сокращение бюджетных доходов на 50%, что привело к сокращению социальных субсидий, массовым протестам в 2019-2020 годах и делегитимации власти¹⁰⁰. Однако в случае Ливана, не обладающего значимыми нефтяными ресурсами, коллапс 2019-2020 годов стал результатом долгосрочных структурных дисфункций: накопления суверенного долга (170% ВВП), краха банковской системы, кланово-коррупционного управления элит¹⁰¹. Эти кризисы, хотя и различающиеся по генезису, демонстрируют общую закономерность: волатильность энергорынков для экспортеров и хронические макроэкономические дисбалансы для импортеров

⁹⁸ U.S. Energy Information Administration (EIA). Middle East Energy Overview. – Washington, D.C.: EIA, 2023. – URL: <https://www.eia.gov/middle-east> (дата обращения: 25.11.2023).

⁹⁹ IMF. Fiscal Monitor: Middle East and North Africa. – Washington, D.C.: IMF, 2023. – 84 p.

¹⁰⁰ The World Bank. Iraq Economic Monitor: Navigating the Crisis. – 2020. – URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/223211596212795238/iraq-economic-monitor-navigating-the-crisis> (дата обращения: 08.05.2025).

¹⁰¹ Lebanon's Crisis Explained: How Did It Happen and What Is the Impact? // The Guardian. – 2020. – 10 August. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/aug/10/lebanons-crisis-explained-how-did-it-happen-and-what-is-the-impact> (дата обращения: 08.05.2025).

выступают катализаторами политической дестабилизации, но ее глубинной причиной остается системная слабость институтов. Так, протестные движения в обоих государствах были направлены не столько против экономических трудностей, сколько против всей системы власти, что указывает на взаимосвязь между внешними шоками и латентным кризисом легитимности режимов.

Парадоксальным образом, стратегическая значимость региона как транзитного коридора усугубляет его уязвимость. Ормузский пролив, через который проходит 30% морских поставок нефти, Баб-эль-Мандебский пролив и Суэцкий канал, будучи артериями глобальной энергетики, одновременно превратились в зоны перманентного риска. Гиперконцентрация критической инфраструктуры в узких географических точках создает условия для реализации гибридных угроз от атак йеменских хуситов на танкеры до кибератак на саудовские нефтеперерабатывающие заводы¹⁰². Эти инциденты подчеркивают, как технологические уязвимости – отсутствие дублирующих маршрутов, слабая киберзащита – пересекаются с политическими конфликтами, позволяя негосударственным акторам и враждебным государствам использовать энергетику как инструмент асимметричного давления.

Геополитическая конкуренция за контроль над ресурсами и инфраструктурой формирует многоуровневую систему угроз, трансформируя энергетику в поле силового противостояния¹⁰³. В Восточном Средиземноморье открытие шельфовых месторождений «Левиафан» и «Зохран» активизировало конфликты между Турцией, Грецией, Кипром и Израилем¹⁰⁴, связанные с делимитацией исключительных экономических зон: Анкара, оспаривая права Никосии и Тель-Авива на разработку месторождений, не только проводит сейсмические исследования в спорных акваториях, но и использует военные корабли для защиты буровых платформ, что прямо нарушает принципы Конвенции ООН по морскому праву. Эта эскалация не

¹⁰² CSIS. Cyberattacks on Critical Infrastructure. – Washington, D.C.: CSIS, 2023. – URL: <https://www.csis.org/cyber-energy> (дата обращения: 10.05.2025).

¹⁰³ Звягельская, И. Д. Конфликты на Ближнем Востоке / И. Д. Звягельская. – М.: Аспект Пресс, 2023. – 245 с.

¹⁰⁴ Tagliapietra, S. Eastern Mediterranean Gas: Conflict and Cooperation / S. Tagliapietra. – Brussels: Bruegel, 2023. – 89 p.

только дестабилизирует регион, но и создает напряженность внутри НАТО, обнажая противоречия между турецкими амбициями и интересами союзников. Аналогичная динамика наблюдается в зоне Персидского залива, где санкции против Ирана спровоцировали контрмеры Тегерана¹⁰⁵, включая захваты танкеров, поддержку прокси-групп в Йемене и Ираке, а также атаки дронов на саудовские объекты в Абхаике в 2019 году. Угрозы блокировки Ормузского пролива, сочетающиеся с развитием БПЛА и ракетных технологий, иллюстрируют трансформацию энергетической инфраструктуры в инструмент гибридной войны, где традиционная уязвимость трубопроводов и терминалов компенсируется неконвенциональными методами воздействия.

Таким образом, энергетическая безопасность Ближнего Востока существует в условиях перманентного противоречия: будучи системообразующим элементом глобальной экономики, регион остается заложником собственной ресурсной зависимости, внутренних расколов и внешних вмешательств. Попытки диверсификации, например, саудовская программа Vision 2030 или эмиратские инвестиции в ВИЭ, сталкиваются с инерцией углеводородной модели, тогда как геополитические амбиции региональных держав превращают энергетику в продолжение политики иными средствами¹⁰⁶. В этом контексте устойчивость энергетических систем определяется не только технологическими факторами, но и способностью акторов выстраивать многосторонние механизмы сдерживания конфликтов, что в условиях текущей фрагментации представляется крайне сложной задачей.

Энергетическая безопасность на Ближнем Востоке выступает одним из ключевых элементов региональной стабильности, формируя сложный симбиоз политических, экономических и социальных динамик. Ее особенности определяются тремя взаимозависимыми факторами, которые не только структурируют внутренние процессы государств, но и задают векторы

¹⁰⁵ Ansari, A. Iran's Counter-Sanctions Strategy / A. Ansari. – London: IISS, 2023. – 67 p.

¹⁰⁶ Stulberg, A. N. Geopolitics of Energy in the Middle East / A. N. Stulberg. – Stanford: Stanford UP, 2023. – 176 с.

межгосударственного взаимодействия, балансируя между конфликтом и кооперацией.

Во-первых, энергоресурсы служат фундаментом легитимности правительств, трансформируя нефтяную ренту в инструмент социального контроля. Государства Персидского залива, такие как Саудовская Аравия, ОАЭ или Катар, а также Иран, десятилетиями выстраивали «общественный договор», основанный на перераспределении доходов от экспорта углеводородов¹⁰⁷. Субсидии на жилищно-коммунальные услуги, бесплатное образование и здравоохранение, гарантированная занятость в госсекторе – эти меры позволяли купировать недовольство населения, компенсируя отсутствие политических свобод. Однако хрупкость данной модели была обнажена как «арабской весной» 2011 года¹⁰⁸, так и последующими кризисами. Резкое падение цен на нефть в 2020 году (до \$20 за баррель) вынудило Эр-Рияд пойти на непопулярные меры: утроение НДС, сокращение зарплат госслужащих и сворачивание части социальных программ, что спровоцировало рост напряженности в обществе¹⁰⁹. В Иране, где санкции США с 2018 года ограничили экспорт нефти до исторических минимумов, девальвация валюты и инфляция, превысившая 50%, привели к массовым протестам в 2022-2023 годах¹¹⁰. Также резкое падение цен на нефть в 2020 году привело к бюджетному кризису в Ираке, где дефицит финансирования силовых структур ослабил контроль над периферийными провинциями, создав условия для активизации террористических групп, включая ИГИЛ (признана террористической организацией и запрещена на территории Российской Федерации). Аналогично, снижение доходов от экспорта нефти в Алжире в 2014-2019 годах подорвало возможности правительства субсидировать социальные программы, что стало

¹⁰⁷ Hertog, S. *Princes, Brokers, and Bureaucrats: Oil and the State in Saudi Arabia* / S. Hertog. – Ithaca: Cornell UP, 2021. – 245 с.

¹⁰⁸ Lynch, M. *The Arab Uprisings: The Unfinished Revolutions* / M. Lynch. – New York: PublicAffairs, 2023. – 210 p

¹⁰⁹ Al-Rasheed, M. *A History of Saudi Arabia* / M. Al-Rasheed. – Cambridge: Cambridge UP, 2023. – 320 p.

¹¹⁰ HRW. *Iran Protests 2022–2023: A Human Rights Crisis*. – New York: HRW, 2023. – URL: <https://www.hrw.org/iran-protests> (дата обращения: 10.05.2025).

одной из причин массовых протестов, завершившихся отставкой президента Бутефлики. Все вышеперечисленное демонстрирует, что зависимость режимов от энергоносителей превращает их в заложников глобальной конъюнктуры, а любое снижение доходов угрожает разрывом социального контракта.

Во-вторых, энергетика функционирует как инструмент борьбы за региональную гегемонию, где контроль над месторождениями и транспортными коридорами становится стратегическим приоритетом. Турция, стремящаяся утвердиться в роли энергетического моста между Востоком и Западом, развивает газовый хаб в Тузле и укрепляет военное присутствие в Ливии, подписав в 2019 году с Правительством национального согласия договор о морских границах. Эти шаги направлены на перехват инициативы у Российской Федерации и Израиля, что усиливает антагонизм в Восточном Средиземноморье. Саудовская Аравия, осознавая исчерпаемость нефтяной модели, инвестирует в СПГ-терминалы и мегапроекты в сфере возобновляемой энергетики¹¹¹, стремясь сохранить статус энергетической сверхдержавы в условиях энергоперехода.

Иран, обладающий вторыми в мире запасами газа, использует ресурсы для укрепления «оси сопротивления»: поставки в Ирак и Сирию на льготных условиях не только обеспечивают лояльность этих государств, но и создают альтернативу саудовскому влиянию. Таким образом, энергетическая инфраструктура становится полем «гибридного соперничества», где экономические проекты тесно переплетены с военно-политическими амбициями.

В Ливии контроль над нефтяными месторождениями стал ключевым элементом противостояния между Правительством национального согласия и Ливийской национальной армией Халифы Хафтара. Блокировка экспорта нефти ЛНА в 2020 году не только лишила ПНС доходов, но и создала прецедент шантажа международного сообщества, вынужденного идти на уступки для возобновления поставок. В Йемене захват саудовско-эмиратской коалицией нефтяных терминалов в провинции Шабва усугубил гуманитарную катастрофу, лишив хуситов доходов,

¹¹¹ Saudi Aramco. LNG and Renewable Energy Investments. – Dhahran: Aramco, 2023. – 67 p.

но одновременно радикализовав население¹¹². Подобные действия превращают энергоресурсы в оружие, дестабилизирующее и без того хрупкие политические системы.

В-третьих, энергетическая взаимозависимость формирует парадоксальную динамику, вынуждая даже непримиримых соперников к выборочной кооперации ради обеспечения бесперебойности энергопотоков. Ярким примером служит ситуация вокруг Катара: несмотря на блокаду со стороны Саудовской Аравии и ОАЭ в 2017-2021 годах¹¹³, Доха продолжила поставки газа в эмираты через трубопровод Dolphin, так как ОАЭ критически зависели от этих поставок для покрытия внутреннего спроса. Аналогично, Израиль и Иордания, не имеющие дипломатических отношений, в 2020 году реализовали соглашение о поставках газа с месторождения «Левиафан», что позволило Амману стабилизировать энергосистему, десятилетиями страдавшую от дефицита. Однако подобные компромиссы остаются ситуативными и хрупкими. В 2021 году Ливан, столкнувшись с катастрофическим энергокризисом, отверг предложение США о закупке израильского газа через посредничество третьих стран, опасаясь, что такая сделка будет воспринята как признание «оккупационного режима». В данном контексте даже экономическая целесообразность не всегда способна преодолеть идеологические барьеры в регионе, где энергетика глубоко политизирована.

Синтез этих трех факторов формирует уникальный ландшафт ближневосточной энергобезопасности. С одной стороны, зависимость режимов от ренты делает их уязвимыми к внешним шокам, подпитывая внутреннюю нестабильность. С другой, борьба за контроль над ресурсами и маршрутами обостряет региональное соперничество, превращая энергетику в «оружие» гибридных конфликтов. Однако именно взаимозависимость, порожденная интеграцией в глобальные энергоструктуры, создает узкие коридоры для диалога, где прагматизм временно берет верх над идеологией. Этот баланс между

¹¹² UN Panel of Experts. Yemen: Energy and Humanitarian Crisis. – Geneva: UN, 2023. – URL: <https://www.un.org/yemen-energy> (дата обращения: 10.05.2025).

¹¹³ Gulf News. Qatar Blockade: Economic and Political Fallout. – Dubai: Gulf News, 2021. – URL: <https://www.gulfnews.com/qatar-blockade> (дата обращения: 10.05.2025).

конфронтацией и сотрудничеством остается неустойчивым, а его сохранение требует постоянного пересмотра стратегий как самими региональными игроками, так и внешними акторами, чьи интересы неразрывно связаны с углеводородным богатством Ближнего Востока.

При этом энергетическая безопасность выступает ключевым элементом стабильности на Ближнем Востоке, что обусловлено тремя взаимосвязанными факторами: высокой зависимостью экономик региона от углеводородного экспорта, использованием энергоресурсов как инструмента политического влияния и растущей социальной уязвимостью перед колебаниями энергорынка. Эти факторы формируют сложную систему, где энергетика становится не только основой благосостояния, но и источником рисков, способных дестабилизировать целые государства.

Геополитическая динамика также тесно связана с энергетическими процессами. Например, турецко-российское сотрудничество в газовой сфере смягчило противоречия между Анкарой и Москвой по Сирии и Нагорному Карабаху, несмотря на изначально противоположные позиции сторон. В то же время сближение Саудовской Аравии и Израиля, мотивированное общими опасениями перед иранским влиянием и желанием диверсифицировать экономики, подрывает традиционную арабскую солидарность, углубляя расколы в Лиге арабских государств.

Перспективы стабильности в регионе во многом зависят от способности локальных акторов адаптироваться к глобальному энергопереходу. Страны Персидского залива, осознавая риски снижения спроса на нефть, активно инвестируют в водородную энергетику, однако их успех зависит от преодоления институциональной инерции и сопротивления консервативных элит, заинтересованных в сохранении нефтяной ренты.

Иран, обладая вторыми в мире запасами газа, мог бы использовать их для сближения с ЕС на фоне сокращения российских поставок, но для этого требуется снятие санкций и нормализация отношений с США – сценарий, остающийся маловероятным в долгосрочной перспективе. Турция, усиливая свою роль

энергетического транзитера через проекты типа TANAP, теоретически способна снизить напряженность в Восточном Средиземноморье, но лишь при условии компромисса с Грецией и Кипром по вопросам разграничения морских зон.

В этом ключе энергетическая безопасность на Ближнем Востоке остается одним из системообразующих, но крайне уязвимых элементов стабильности. Ее сохранение требует не только диверсификации экономик, но и пересмотра подходов к управлению ресурсами, чтобы избежать превращения энергетики из фактора развития в источник хронических кризисов.

Таким образом, энергетическая безопасность как элемент региональной стабильности на Ближнем Востоке представляет собой сложную, многоуровневую систему взаимозависимостей, в которой доступ к ресурсам, их транспортировка и распределение напрямую определяют не только экономическую устойчивость, но и политическую легитимность, социальную стабильность и геополитический баланс. Взаимосвязь этих двух категорий носит дуалистический, двойственный характер: с одной стороны, стабильность региона зависит от бесперебойного функционирования энергетических систем, а с другой – сама энергетическая безопасность формируется под влиянием политических, экономических и военно-стратегических факторов, которые зачастую носят конфликтогенный характер.

1.3 Методология анализа влияния энергетики на региональную безопасность Ближнего Востока

Изучение роли энергетики в контексте региональной стабильности Ближнего Востока представляет собой комплексную научную проблему, требующую синтеза экономических, политических и стратегических дисциплин. Уникальное сочетание геополитического значения углеводородных ресурсов, исторической конфликтогенности региона и структурных диспропорций в развитии его экономик формирует многомерную систему взаимозависимостей, где энергетика выступает одновременно как фактор развития, инструмент власти и источник угроз. Для исследования данной системы необходим междисциплинарный подход, способный интегрировать теории, объясняющие как внутренние противоречия ресурсозависимых обществ, так и внешние аспекты энергетической конкуренции

в условиях транснациональных вызовов. Междисциплинарный анализ позволяет также учесть роль негосударственных акторов от транснациональных корпораций до вооруженных группировок, которые используют энергетическую инфраструктуру как рычаг влияния. Кибератаки на нефтяные терминалы, многократные захваты месторождений нефти и газа или атаки дронов на нефтеперерабатывающие заводы иллюстрируют, как энергетика становится ареной гибридных войн, где экономические, технологические и военные методы переплетаются воедино.

Ключевой методологической основой данного исследования являются три взаимодополняющие концепции: теория «ресурсного проклятия», теория регионального комплекса безопасности и феномен ресурсного национализма. Каждая из них раскрывает специфический срез взаимодействия энергетики и стабильности, однако их синтез позволяет выявить системные закономерности.

Концепция «ресурсного проклятия», впервые сформулированная в работах Р. Аути¹¹⁴ и Дж. Сакса, описывает феномен, при котором страны, обладающие значительными запасами природных ресурсов, преимущественно нефти и газа, сталкиваются с системными экономическими, политическими и социальными проблемами, вопреки ожиданиям устойчивого развития. Данный феномен объясняется комплексом взаимосвязанных факторов:

- экономическая составляющая проявляется в возникновении «голландской болезни» – ситуации, которая приводит к перераспределению капитала и труда в сырьевой сектор, подавляя развитие обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства;
- политический аспект данной проблемы фокусируется вокруг концентрации ренты в руках элит, что подрывает институциональное развитие, проявляющееся в слабости государственных механизмов, росте коррупции и авторитаризма¹¹⁵;

¹¹⁴ Auty, Richard M. *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis* - London: Routledge, 1993.

¹¹⁵ Fearon J.D., Laitin D.D. *Ethnicity, Insurgency, and Civil War* // *American Political Science Review*. – 2003. – Vol. 97. – № 1. – P. 75–90.

- социальный аспект включает углубление неравенства, низкие инвестиции в человеческий капитал и рост конфликтного потенциала, особенно в регионах с этнической или клановой фрагментацией.

На Ближнем Востоке, где на долю углеводородов приходится до 80% экспортных доходов большинства стран, «ресурсное проклятие» приобретает гипертрофированные формы. Регион, обладающий 48% мировых запасов нефти и 38% природного газа, демонстрирует классические симптомы «ресурсного проклятия»: сырьевая зависимость консервирует рентоориентированные модели развития, подавляя диверсификацию и усиливая уязвимость к глобальным рынкам. Например, в Саудовской Аравии, несмотря на амбициозные планы Vision 2030, нефть обеспечивает порядка 78% бюджетных поступлений, а несырьевой сектор, включая туризм и технологии, сталкивается с хроническими проблемами – от бюрократических барьеров до дефицита квалифицированных кадров¹¹⁶. Аналогичные тенденции характерны для Ирака, 95% экспорта которого приходится на нефть, Кувейта – 90% и Алжира – 85%, где зависимость от углеводородов превратилась в структурную «ловушку», усугубляемую коррупцией и слабостью институтов.

Феномен «ресурсного проклятия» на Ближнем Востоке находит свое выражение в формировании рентно-патримониальных моделей управления, где нефтяные доходы становятся инструментом консолидации власти через сложные системы патроната и перераспределения¹¹⁷. В государствах Персидского залива, таких как ОАЭ и Кувейт, правящие элиты создают социально-экономические «амортизаторы», предоставляя населению гарантированную занятость в госсекторе, беспрецедентные субсидии на ЖКХ и беспопшлинный доступ к потребительским товарам. Эта система основывается на негласном обмене: политическая лояльность в обмен на экономические преференции, что позволяет авторитарным режимам минимизировать запрос на политическую модернизацию.

¹¹⁶ Hertog, S. Princes, Brokers, and Bureaucrats: Oil and the State in Saudi Arabia / S. Hertog. – Ithaca: Cornell UP, 2021. – 245 с.

¹¹⁷ Беблavi X., Лучани Дж. Рентное государство. Лондон: Croom Helm, 1987. 280 с.

Однако подобная стабильность носит иллюзорный характер, будучи зависимой от внешней конъюнктуры и структурно воспроизводя дисфункции – от гипертрофированного госсектора до подавления гражданских институтов.

Кризис рентной модели становится очевидным в условиях экономических шоков, обнажающих ее системные противоречия. Так, в Ираке в 2020 году падение нефтяных цен привело к сокращению бюджета на 30%, что спровоцировало задержки зарплат, свертывание инфраструктурных проектов и рост безработицы среди молодежи до 25%¹¹⁸. В Басре, регионе, генерирующем 90% нефтяных доходов, 40% населения лишились доступа к чистой воде¹¹⁹, что актуализировало требования социальной справедливости и перераспределения ренты. Эти протесты стали не просто реакцией на экономический кризис, но проявлением системного дефицита легитимности, когда кланово-коррупционные практики элит (до 40% нефтяных доходов размываются нецелевым использованием) разрушили базовые принципы «общественного договора»¹²⁰. Устойчивость рентных режимов зависит от их способности маскировать структурное неравенство, однако в условиях демографического давления – 60% населения Ближнего Востока моложе 25 лет – поколенческий разрыв усиливает неприятие архаичных моделей управления.

Иранский пример демонстрирует иной механизм кризиса, где в 2022-2023 годах экономические факторы играли вторичную роль. Несмотря на инфляцию в 50% и большой процент безработицы среди молодежи (27%)¹²¹, триггером протестов стали не финансовые шоки, а гибель Махсы Амини и репрессии со стороны «Поведенческого патруля», что сместило фокус недовольства в плоскость гражданских свобод и гендерного равенства.

¹¹⁸ World Bank Iraq Economic Monitor: Navigating the Perfect Storm. Washington, D.C.: World Bank Group. 2021. 60 p.

¹¹⁹ UN Iraq Report Water Scarcity and Social Unrest in Basra. Geneva: United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs. 2020. 30 p.

¹²⁰ Ross, M. The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations: Princeton University Press, 2012. 312 c.

¹²¹ IMF Iran: 2023 Article IV Consultation. Washington, D.C.: International Monetary Fund. 2023. 50 c.

Санкционный режим, действующий с 2018 года, фактически изолировал иранскую экономику от глобальных нефтяных рынков: даже при росте цен Тегеран не мог наращивать экспорт, что нивелировало прямую связь между котировками и внутренней стабильностью. Вместо этого ключевым фактором стал кризис легитимности, вызванный сочетанием идеологического догматизма, репрессивной политики и растущего разрыва между урбанизированной молодежью и консервативным правительством.

В данном контексте связь между нефтяными ценами и социально-политической стабильностью не является линейной. Если в Ираке финансовый шок обнажил структурные изъяны рентного перераспределения, то в Иране протесты отразили системный кризис, где экономические трудности стали фоном, а не причиной мобилизации. «Ресурсное проклятие» проявляется не столько через волатильность сырьевых рынков, сколько через институциональную деградацию: зависимость от ренты подавляет развитие конкурентных политических институтов, создавая хрупкий симбиоз между элитами и обществом. Даже в странах Залива, сохраняющих видимую стабильность, демографические тренды и цифровизация формируют запрос на трансформацию, который рентные системы смогут сдерживать лишь до тех пор, пока сохраняют возможность финансировать «социальный контракт».

В этом контексте особую аналитическую ценность приобретает институциональный подход, позволяющий выявить устойчивые механизмы воспроизводства политических и социально-экономических моделей, которые сохраняются даже в условиях значительных внешних и внутренних трансформаций. Одним из ключевых понятий в рамках данного подхода является концепция институциональных ловушек, описывающая ситуации, при которых сложившиеся формальные и неформальные правила обеспечивают краткосрочную стабильность, но одновременно блокируют возможности долгосрочного развития и адаптации.

В логике новой институциональной экономики, разработанной Д. Нортом, институты понимаются как совокупность «правил игры», формирующих стимулы

и ограничения для политических и экономических акторов¹²². Эти правила включают как формальные нормы и законы, так и неформальные практики, традиции и ожидания, которые в совокупности определяют траекторию развития общества. Применительно к Ближнему Востоку энергетический сектор исторически стал центральным элементом институциональной структуры государства, вокруг которого выстраивались механизмы перераспределения доходов, политического контроля и внешнеполитического позиционирования. Такая конфигурация обусловила формирование специфической зависимости от траектории, при которой углеводородная рента закрепились в качестве основного источника экономической и политической устойчивости.

Важно подчеркнуть, что в рамках институционального подхода ключевое значение имеет не только наличие тех или иных формальных институтов, но и характер их взаимодействия с неформальными нормами и практиками. Как отмечает Д. Норт, именно неформальные ограничения зачастую играют определяющую роль в воспроизводстве институциональных траекторий¹²³. В условиях Ближнего Востока данное обстоятельство приобретает особую значимость, поскольку энергетический сектор изначально формировался в тесной связке с патримониальными моделями управления.

Энергетическая рента, поступающая в распоряжение государства, была встроена в систему неформальных соглашений между правящими элитами, бюрократией и ключевыми социальными группами. Это привело к тому, что даже формально модернизированные институты – министерства энергетики, национальные нефтяные компании, регуляторные органы – на практике функционируют в логике перераспределения и политического контроля, а не в логике рыночной эффективности. В результате институциональные изменения носят преимущественно поверхностный характер и не затрагивают базовые стимулы акторов.

¹²² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

¹²³ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

В данном контексте институциональная ловушка проявляется как устойчивое расхождение между декларируемыми целями реформ и фактическими результатами их реализации. Даже при наличии стратегий модернизации энергетического сектора формальные изменения не приводят к трансформации поведенческих моделей, поскольку они вступают в противоречие с неформальными механизмами воспроизводства власти и распределения ренты.

Институциональная ловушка в энергетически зависимых государствах региона проявляется прежде всего в устойчивом воспроизводстве рентной модели государства. Нефтегазовые доходы позволяют политическим режимам компенсировать институциональную слабость через масштабное перераспределение ресурсов, субсидирование базовых товаров и услуг, а также расширение государственного сектора занятости. Эти меры создают иллюзию устойчивости и социальной стабильности, однако в долгосрочной перспективе они подрывают стимулы к институциональному развитию. В условиях ресурсной ренты государство утрачивает необходимость выстраивания отношений с населением, что снижает спрос на подотчетность, представительство и прозрачность институтов власти¹²⁴.

Данная логика особенно наглядно прослеживается в монархиях Персидского залива, где энергетическая рента на протяжении десятилетий служила основой социального контракта между государством и обществом. Формальные институты здесь формировались преимущественно как инструменты распределения ресурсов, а не как механизмы согласования интересов или ограничения власти. Отсутствие прямого налогообложения населения способствовало снижению общественного запроса на политическое участие, что закрепило асимметричную модель взаимоотношений между государством и обществом. В институциональном плане это привело к формированию устойчивой ловушки: сохранение политической стабильности требует поддержания рентной модели, тогда как ее демонтаж воспринимается как угроза существующему порядку.

¹²⁴ Ross M. *The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations*. – Princeton: Princeton University Press, 2012. – 312 p.

Анализ монархий Персидского залива позволяет более детально проследить, каким образом институциональные ловушки формируются и воспроизводятся в условиях высокой ресурсной обеспеченности. В отличие от классических моделей модернизации, предполагающих постепенное усложнение институциональной структуры и рост общественного контроля, нефтяные монархии региона развивались по траектории, в которой энергетическая рента заменила собой необходимость институционального компромисса между государством и обществом.

Отсутствие налогообложения как ключевого механизма формирования политической ответственности привело к тому, что институты представительства и участия не получили системного развития. Взамен этого государство взяло на себя функцию основного распределителя благ, обеспечивая население рабочими местами, субсидиями и социальными услугами. Такая модель оказалась устойчивой в условиях высоких цен на углеводороды, однако она же стала источником институциональной уязвимости в периоды ценовой волатильности.

Институциональная ловушка проявляется здесь в том, что сохранение социальной стабильности требует постоянного воспроизводства рентных механизмов, тогда как попытки их реформирования подрывают легитимность власти. В результате энергетический сектор оказывается «заложником» политической логики, а реформы приобретают фрагментарный и осторожный характер, не затрагивая фундаментальные основы существующего социального контракта.

Попытки институциональных реформ и экономической диверсификации, предпринятые рядом государств региона, наглядно демонстрируют глубину данной ловушки. Стратегии долгосрочного развития, ориентированные на снижение зависимости от углеводородов, предполагают реформирование систем субсидирования, изменение бюджетных приоритетов и развитие несырьевых отраслей. Однако такие меры неизбежно затрагивают сложившиеся ожидания населения и элит, что повышает риски социальной и политической дестабилизации. В этом проявляется описанный Д. Нормом механизм институциональной инерции,

при котором институты, обеспечивающие краткосрочную устойчивость, становятся препятствием для структурных изменений.

Институциональные ловушки энергетического характера оказывают прямое и опосредованное влияние на систему региональной безопасности Ближнего Востока. Зависимость государственных бюджетов от экспорта углеводородов делает защиту энергетической инфраструктуры и транспортных маршрутов одним из ключевых приоритетов национальной безопасности. В условиях отсутствия эффективных региональных механизмов коллективной безопасности государства региона вынуждены самостоятельно обеспечивать защиту критически важных объектов, что ведет к милитаризации энергетического сектора. Нефтяные месторождения, трубопроводы, порты и морские проливы становятся объектами стратегического планирования и военного присутствия, усиливая напряженность в региональных отношениях¹²⁵.

Связь институциональных ловушек с процессами милитаризации энергетики проявляется не только в росте военных расходов, но и в изменении самой логики обеспечения безопасности. Энергетическая инфраструктура в регионе рассматривается не как экономический актив, а как объект стратегического контроля, требующий силовой защиты. Это приводит к институциональному сдвигу, при котором военные и силовые структуры получают приоритетный доступ к ресурсам и политическому влиянию.

Подобная конфигурация усиливает зависимость энергетического сектора от военно-политических решений и снижает роль гражданских институтов управления. В условиях региональной нестабильности это формирует самоподдерживающийся механизм: угрозы безопасности оправдывают милитаризацию, милитаризация усиливает напряженность, а напряженность, в свою очередь, подтверждает необходимость силового контроля над энергетикой. Данный замкнутый цикл представляет собой классический пример

¹²⁵ Yergin D. The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations. – New York: Penguin Press, 2020. – 512 p.

институциональной ловушки, в которой безопасность становится фактором воспроизводства нестабильности.

Следствием такой динамики становится формирование замкнутого контура безопасности, в рамках которого энергетическая уязвимость стимулирует рост военных расходов и углубление внешнеполитических альянсов. Это, в свою очередь, повышает конфликтный потенциал региона и увеличивает риски для энергетической инфраструктуры, воспроизводя исходные условия нестабильности. Таким образом, институциональная ловушка проявляется не только во внутренней политико-экономической сфере, но и на уровне региональной безопасности, где энергетический фактор закрепляется как структурный источник напряженности.

Особенно деструктивный характер институциональные ловушки приобретают в государствах с ослабленными или фрагментированными институтами. В Ираке, Ливии и Йемене энергетический сектор становится объектом конкуренции между государственными структурами, вооруженными группировками и локальными элитами. Формальные механизмы управления ресурсами либо не функционируют, либо подменяются неформальными практиками насилия и клиентелизма. Как подчеркивают Д. Асемоглу и Дж. Робинсон, в условиях слабых институтов ресурсное богатство не способствует развитию, а усиливает борьбу за контроль над рентой, подрывая государственную состоятельность¹²⁶.

На региональном уровне институциональные ловушки проявляются в неспособности ближнего Востока сформировать устойчивые механизмы координации в сфере энергетической безопасности. Несмотря на наличие формальных региональных организаций, их институциональная слабость и политическая фрагментация ограничивают возможности выработки коллективных решений. В результате энергетические вопросы решаются либо в рамках узких двусторонних соглашений, либо с участием внешних акторов, что снижает

¹²⁶ Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. – New York: Crown Publishers, 2012. – 544 p.

институциональную автономию региона и усиливает зависимость от внерегиональных сил¹²⁷.

Вмешательство внешних держав в энергетическую и военно-политическую динамику региона зачастую не способствует преодолению институциональных ловушек, а, напротив, закрепляет существующий статус-кво. Стратегии США, России, Китая и ЕС ориентированы преимущественно на обеспечение стабильности поставок и защиту собственных геоэкономических интересов. Военная поддержка, инвестиции в энергетическую инфраструктуру и политические гарантии безопасности позволяют поддерживать краткосрочную стабильность, но не затрагивают фундаментальные институциональные ограничения региона.

Дополнительное измерение институциональных ловушек связано с глобальным энергетическим переходом.

Формально государства Ближнего Востока декларируют курс на диверсификацию экономики и развитие возобновляемых источников энергии, однако на практике углеводородная модель продолжает доминировать. Это обусловлено тем, что существующие институты бюджетного планирования, социальной политики и занятости структурно завязаны на нефтегазовые доходы. Без трансформации этих институтов энергетический переход рискует остаться поверхностным и встроенным в прежнюю рентную логику.

Дополнительный аспект институциональных ловушек связан с восприятием времени и стратегического планирования. В энергетически зависимых государствах Ближнего Востока горизонт принятия решений зачастую ограничен кратко- и среднесрочной перспективой, что обусловлено высокой волатильностью мировых энергетических рынков и политическими рисками. В таких условиях приоритет отдается мерам, обеспечивающим немедленную стабилизацию, даже если они усугубляют структурные проблемы в долгосрочной перспективе.

¹²⁷ Hertog S. Princes, Brokers, and Bureaucrats: Oil and the State in Saudi Arabia. – Ithaca; London: Cornell University Press, 2010. – 320 p.

Отсутствие долгосрочного институционального планирования усиливает зависимость от внешних акторов и снижает способность государств самостоятельно формировать устойчивые модели региональной безопасности. Энергетика в данном контексте выступает не как ресурс развития, а как фактор, закрепляющий краткосрочную логику управления и препятствующий институциональному обновлению. Это еще раз подчеркивает, что институциональные ловушки в регионе имеют не только экономическое, но и стратегическое измерение.

В данном контексте институциональные ловушки в рамках темы исследования представляют собой многоуровневый и устойчивый феномен, охватывающий внутренние политико-экономические структуры государств, региональные механизмы безопасности и систему взаимодействия с внешними акторами. Энергетический фактор, будучи встроенным в институциональную ткань ближневосточных обществ и государств, воспроизводит модели поведения, которые обеспечивают краткосрочную устойчивость, но блокируют долгосрочную адаптацию к изменяющимся глобальным условиям. В этом контексте институциональный подход позволяет не только объяснить устойчивость нестабильности в регионе, но и выявить структурные ограничения, с которыми сталкиваются государства Ближнего Востока в условиях глобального энергетического и геополитического перехода.

Так, в Ливии, где нефть обеспечивает 60% ВВП и 95% экспорта, зависимость от ресурсов определила траекторию развития. Открытие месторождений в 1950-х годах превратило страну в ключевого экспортера, однако монополизация доходов режимом М. Каддафи привела к гипертрофии госсектора, подавлению частной инициативы и нарастанию социального недовольства. После свержения Каддафи контроль над нефтяной инфраструктурой стал яблоком раздора между племенными группами, международными корпорациями и транснациональными игроками, что спровоцировало распад государства и многолетнюю гражданскую войну. Борьба за нефтяные терминалы в районе «Нефтяного пояса» Сирт и Рас-Лануф между Правительством национального согласия и Ливийской национальной армией не

только дестабилизировала страну, но и создала угрозу региональной безопасности: незаконная торговля нефтью финансировала террористические группы, а вмешательство внешних акторов превратило Ливию в арену прокси-конфликта.

Социальные последствия «ресурсного проклятия» в Ливии включают маргинализацию населения нефтеносных регионов, рост безработицы среди молодежи и криминализацию экономики. Политическая система, исторически основанная на клановом патронаже, оказалась неспособной к трансформации в условиях постконфликтного восстановления. Экономика, несмотря на попытки диверсификации при Каддафи в рамках проекта «Великая рукотворная река», осталась заложником нефтяных цен, а падение стоимости барреля в 2014-2016 годах усугубило бюджетный кризис.

Связь с региональной безопасностью прослеживается в двух аспектах. Во-первых, внутренняя нестабильность ресурсозависимых стран, таких как Ливия или Йемен, создает «вакуумы власти», где контроль над нефтяными месторождениями становится призом для вооруженных групп, финансирующих конфликты. Во-вторых, зависимость от ренты подталкивает правительства ближневосточных государств к агрессивной внешней политике: саудовская интервенция в Йемен частично объясняется необходимостью отвлечь внимание от бюджетного кризиса, вызванного падением нефтяных цен в 2014-2016 годах¹²⁸. Кроме того, прослеживается цикличность этих процессов¹²⁹, которая заключается в следующем: периоды высоких цен усиливают авторитаризм, а их обвалы дестабилизируют регион.

Таким образом, «ресурсное проклятие» на Ближнем Востоке выступает не только как экономический феномен, но и как системный вызов безопасности, формируя циклы нестабильности, которые преодолеваются лишь через укрепление институтов, справедливое распределение ренты и международное сотрудничество. Гипертрофированная зависимость Ближнего Востока от углеводородов не только

¹²⁸ Karl T.L. The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States // University of California Press, 1997. 342 с.

¹²⁹ А.В. Коротаева, Л.М. Исаева Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11. Часть 1 2020

воспроизводит классические парадоксы «ресурсного проклятия», но и трансформирует их в системные угрозы-от эрозии государственности до межгосударственных конфликтов, делая энергоресурсы одновременно основой выживания региональных режимов и источником их уязвимости.

Однако в последние два десятилетия наметилась тенденция, позволяющая говорить о трансформации «проклятия» в «благословение»¹³⁰, что требует переосмысления классических подходов в контексте современных экономических, технологических и геополитических реалий.

Этот сдвиг обусловлен комплексом факторов, которые существенным образом изменили траекторию развития ресурсозависимых экономик Ближнего Востока. Если в XX веке изобилие углеводородов действительно коррелировало с авторитаризмом, экономической стагнацией и социальным неравенством, то в начале XXI века государства региона начали активно адаптироваться к глобальным вызовам. Ключевым катализатором трансформации стал отказ от пассивной рентной модели в пользу стратегического планирования, ориентированного на долгосрочную устойчивость. Например, Саудовская Аравия, на долю которой приходится около 16% мировых запасов нефти, с 2016 года реализует программу Vision 2030¹³¹, направленную на сокращение доли углеводородов в ВВП с 40% до 25% к 2030 году через инвестиции в туризм, логистику и цифровые технологии. Это не только диверсифицирует экономику, но и создает новые рынки труда.

Современные технологические тренды, в особенности в области возобновляемой энергетики и цифровых технологий, существенно трансформируют традиционные представления о природе ресурсного богатства, бросая вызов классическим постулатам теории «ресурсного проклятия». На примере стран Персидского залива, таких как ОАЭ и Катар, прослеживается парадигмальный сдвиг: природные ресурсы перестают быть «ловушкой»

¹³⁰ Мусиева Д. М., Медведев И. А. Существует ли «нефтяное проклятие»? Доля нефтяных доходов в ВВП и риски революционной дестабилизации // История и современность. 2024. № 3

¹³¹ Saudi Vision 2030. URL: <https://www.vision2030.gov.sa> (дата обращения: 10.05.2025).

односторонней зависимости, превращаясь в инструмент стратегической модернизации¹³².

ОАЭ демонстрируют сознательную диверсификацию энергетического сектора через масштабные инвестиции в солнечную энергетику. Строительство солнечного парка Mohammed bin Rashid Al Maktoum Solar Park, мощность которого к 2030 году планируется довести до 5 ГВт, при совокупных вложениях в \$50 млрд, отражает не только реакцию на глобальную декарбонизацию, но и попытку перехватить инициативу в формировании новых энергетических рынков. Данный проект финансируется за счет нефтяных доходов, что иллюстрирует переход от «ренды стагнации» к «rente трансформации»¹³³. Однако подобные инициативы не отменяют структурной зависимости ОАЭ от углеводородов, составляющих 30% ВВП, а лишь создают параллельные сектора, что ставит под вопрос радикальность «зеленого скачка».

Цифровизация ресурсного сектора, вопреки стереотипам о технологической отсталости рентных экономик, становится ключевым драйвером повышения эффективности. Катар, внедривший искусственный интеллект для оптимизации добычи на месторождении North Field¹³⁴, увеличил эффективность добычи на 20%, сократив операционные издержки и углеродный след. Этот пример, однако, содержит внутреннюю дилемму: цифровые технологии, повышая рентабельность нефтегазового сектора, объективно замедляют переход к зеленой экономике, создавая эффект «зеленого парадокса»¹³⁵, когда инновации продлевают жизненный цикл ископаемых ресурсов. Более того, 75% инвестиций Катара

¹³² Hertog S. Rentier Islamism: The Role of the Muslim Brotherhood in the Gulf // *Middle East Journal*. 2014. Vol. 68. № 3. P. 378–394.

¹³³ Luciani G. From Consumerism to Development Rent: The Evolution of Gulf Sovereign Wealth Funds // *Middle East Policy*. 2022. Vol. 29. № 3. P. 45–61.

¹³⁴ Qatar Energy North Field Expansion Project. URL: <https://www.qatarenergy.qa> (дата обращения: 09.05.2025).

¹³⁵ Sinn H.-W. *The Green Paradox: A Supply-Side Approach to Global Warming*. Cambridge: MIT Press, 2012. 280 p.

в технологии по-прежнему направлены в углеводородный сектор, что ставит под сомнение приоритет диверсификации¹³⁶.

Уникальность ближневосточного подхода проявляется в масштабе инвестиций в возобновляемую энергетику, финансируемых за счет нефтяных доходов. Проекты вроде солнечного парка Mohammed bin Rashid Al Maktoum Solar Park в ОАЭ или саудовского мегаполиса NEOM с нулевым уровнем выбросов не имеют аналогов в других регионах по уровню капиталовложений и амбициям. Для сравнения, даже Норвегия, лидер в области «зеленого» перехода, сохраняет зависимость от нефти (15% ВВП), а ее инвестиции в ВИЭ носят постепенный характер¹³⁷.

Геополитический контекст также сыграл роль в переоценке «проклятия». Энергетический кризис 2022-2023 годов, спровоцированный санкциями против России в контексте украинского конфликта, стал катализатором пересмотра классических интерпретаций «ресурсного проклятия» в отношении стран Ближнего Востока. Вопреки прогнозам, предрекавшим усиление рентной зависимости и институциональной стагнации, кризис укрепил позиции региона как ключевого поставщика углеводородов, создав беспрецедентные возможности для аккумуляции капитала и реализации структурных реформ¹³⁸:

- резкий рост спроса на ближневосточные углеводороды, вызванный сокращением поставок российской нефти и газа в Европу, привел к увеличению доходов региона на \$400 млрд в 2022 году. Саудовская Аравия, крупнейший экспортер нефти в мире, использовала этот буфер для расширения активов своего Суверенного фонда до \$700 млрд¹³⁹. Суверенный фонд, изначально созданный для стабилизации бюджета, трансформировался в инструмент глобальных инвестиций: 64% его портфеля направлено в проекты за пределами нефтяного

¹³⁶ International Energy Agency (IEA). World Energy Investment 2023. Paris: IEA Publications, 2023. URL: <https://www.iea.org> (дата обращения: 09.05.2025).

¹³⁷ Statistics Norway (SSB). Petroleum activities and the Norwegian economy. 2023. URL: <https://www.ssb.no> (дата обращения: 10.05.2025).

¹³⁸ Colgan J.D. The Political Economy of Oil and International Conflict // Annual Review of Political Science. 2023. Vol. 26. P. 193–210.

¹³⁹ Public Investment Fund (PIF) Annual Report 2022. Riyadh: PIF, 2023. 89 p.

сектора, включая инфраструктуру NEOM, Red Sea Project, технологии и даже киберспорт. Подобная стратегия отражает переход от модели «ренты потребления», где ресурсные доходы тратятся на социальные субсидии и текущие расходы, к «ренте развития», ориентированной на создание многополярной экономической базы.

Однако эта стратегия несет риски. В отличие от Канады или Австралии, где ресурсный сектор дополняется развитой промышленностью и сельским хозяйством, страны Персидского залива остаются уязвимыми к долгосрочным трендам декарбонизации. Даже при успехе Vision 2030 доля нефти в ВВП Саудовской Аравии к 2030 году составит 25%, что выше, чем в Норвегии (15%) или Индонезии (8%). Это подчеркивает, что диверсификация на Ближнем Востоке носит частичный характер, сохраняя зависимость от углеводородов как источника финансирования реформ.

Трансформация «ресурсного проклятия» в «благословение» на Ближнем Востоке отражает не столько смену парадигмы, сколько эволюцию стратегий использования ресурсов в ответ на вызовы XXI века. Это подтверждает, что «проклятие» не является фатальным, а его преодоление зависит от способности элит конвертировать природное богатство в институциональный и человеческий капитал.

Теория регионального комплекса безопасности, сформулированная в рамках Копенгагенской школы международных отношений Барри Бузаном и Оле Вейвером, представляет собой новаторский подход к анализу безопасности, смещающий фокус с глобального уровня на региональный¹⁴⁰. В отличие от классических парадигм, таких как реализм, акцентирующий анархию международной системы, или либерализм, подчеркивающий институциональное сотрудничество, региональный комплекс безопасности рассматривает безопасность как многоуровневый феномен, где регион выступает ключевой единицей анализа. Основная идея теории заключается

¹⁴⁰ Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. pp. 6-26.

в том, что государства, географически близкие друг к другу, формируют «комплекс безопасности» – систему, в которой их восприятие угроз, стратегии выживания и взаимодействия становятся взаимозависимыми. Это взаимовлияние возникает из-за невозможности изолированного существования: действия одного государства неизбежно затрагивают безопасность соседей, создавая цепную реакцию.

Суть теории раскрывается через четыре ключевых элемента. Во-первых, географическая близость задает границы комплекса, так как угрозы, в частности военные конфликты, миграционные кризисы или экологические катастрофы, чаще всего носят трансграничный характер. Во-вторых, внутри комплекса формируется иерархия «ядра» и «периферии»: доминирующие государства определяют региональную повестку, в то время как менее влиятельные акторы вынуждены адаптироваться к их стратегиям. Например, в Южной Азии «ядром» выступают Индия и Пакистан, чье соперничество влияет на всю региональную динамику. В-третьих, внешние акторы, которые включают глобальные державы и международные организации, могут усиливать или ослаблять комплекс, вмешиваясь в его внутренние процессы. Наконец, теория регионального комплекса безопасности расширяет понятие безопасности, включая невоенные угрозы – экономическую уязвимость, киберпространство, продовольственные кризисы и социальную нестабильность. Это отражает переход от традиционной «жесткой безопасности» к комплексному подходу, где выживание государства зависит от множества факторов.

Региональные комплексы безопасности, в зависимости от структуры взаимодействующих субъектов и секторов их активности, подразделяются на однородные и неоднородные системы.

1. Однородные комплексы характеризуются концентрацией взаимодействий в рамках одного сектора (например, военно-политического) и включают схожие типы акторов, преимущественно государства. Примером служит НАТО, где коллективная безопасность строится вокруг военного сотрудничества суверенных государств, объединенных общими угрозами. В таких системах доминируют формальные союзы, договоры о взаимопомощи и

стандартизированные механизмы координации. В таких системах угрозы и меры безопасности имеют относительно предсказуемый характер, будь то наращивание военного потенциала или создание новых альянсов¹⁴¹.

2. Неоднородные комплексы охватывают множество секторов (политический, экономический, социальный) и предполагают взаимодействие разнотипных акторов: государств, транснациональных корпораций, неправительственных организаций, этнических групп. Например, ближневосточный комплекс безопасности включает не только противостояние Ирана и Саудовской Аравии, но и деятельность энергетических компаний, террористических сетей и диаспор, влияющих на миграционные потоки. В таких системах риски часто носят асимметричный характер: кибератаки на критическую инфраструктуру, к примеру, взлом Saudi Aramco в 2019 году, экономические санкции в отношении Катара в 2017-2021 годах¹⁴² или использование прокси-акторов для достижения геополитических целей¹⁴³.

Как подчеркивают авторы теории, суть региональных комплексов раскрывается через анализ взаимодействий между акторами, а не через абстрактное восприятие региона как замкнутой подсистемы¹⁴⁴. Ключевыми критериями здесь выступают кооперация и соперничество. Кооперация охватывает спектр отношений – от стратегического партнерства на примере союза США и Израиля до ситуативной взаимопомощи такой, как, к примеру, поддержка Турцией Азербайджана в конфликте в 2020 году в Нагорном Карабахе. Соперничество, напротив, пронизано недоверием и конфронтацией, как в случае индо-пакистанского противостояния или арабо-израильских конфликтов, где исторические обиды и территориальные споры формируют перманентную нестабильность. Эти категории динамичны: кооперация может

¹⁴¹ Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 592 p.

¹⁴² Henderson S. *The Qatar Crisis: Causes and Implications*. – The Washington Institute, 2017. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org> (дата обращения: 12.05.2025).

¹⁴³ Jones C. *Proxy Warfare in the Middle East*. – London: I.B. Tauris, 2021. – 224 p.

¹⁴⁴ Бузан Б., Вейвер О. *Регионы и силы: Структура международной безопасности*. – М.: РОССПЭН, 2003. – 478 с.

трансформироваться в соперничество. Таковым стало «охлаждение» отношений Катара и Саудовской Аравии после обвинений Дохи в поддержке терроризма в 2017 году или, наоборот, уступать место сотрудничеству – нормализация связей ОАЭ и Израиля в рамках «Авраамовых соглашений» 2020 года¹⁴⁵.

Соглашения Авраама стали важным элементом трансформации регионального порядка на Ближнем Востоке, выйдя за рамки традиционного дипломатического урегулирования и сформировав новые конфигурации взаимодействия в сфере безопасности, экономики и энергетики¹⁴⁶. Несмотря на официальную риторику нормализации политических отношений, данные соглашения обладают выраженным геэкономическим и энергетическим измерением, оказывающим влияние как на региональную, так и на глобальную энергетическую безопасность¹⁴⁷.

С точки зрения энергетической безопасности Соглашения Авраама способствовали институционализации новых энергетических альянсов, в рамках которых энергетика используется как инструмент стратегического сближения и перераспределения влияния в Восточном Средиземноморье и Персидском заливе¹⁴⁸. Израиль, обладающий значительными запасами природного газа на шельфе Восточного Средиземноморья (месторождения «Левиафан» и «Тамар»), получил возможность более глубокой интеграции в региональные и глобальные энергетические цепочки за счет партнерства с финансово и инфраструктурно развитыми монархиями Персидского залива¹⁴⁹. В свою очередь, ОАЭ и Бахрейн рассматривают энергетическое сотрудничество с Израилем как элемент

¹⁴⁵ Abraham Accords Peace Agreement. – 2020. – URL: <https://www.state.gov> (дата обращения: 20.10.2023).

¹⁴⁶ Gause F. G. The Strategic Implications of the Abraham Accords // Foreign Affairs. - 2021. - Vol. 100, no. 5. – P. 24-35.

¹⁴⁷ Henderson S. Energy and Normalization in the Eastern Mediterranean. - Washington, DC: The Washington Institute for Near East Policy, 2021. - 32 p.

¹⁴⁸ Tagliapietra S. The Eastern Mediterranean as a New Energy Hub. – Brussels: Bruegel, 2019. - 41 p.

¹⁴⁹ Yergin D. The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations. – New York: Penguin Press, 2020. - 512 p.

диверсификации экономик и укрепления собственной энергетической устойчивости в условиях глобального энергоперехода¹⁵⁰.

Особую роль в рамках Соглашений Авраама играет Восточное Средиземноморье, где энергетический фактор стал катализатором сближения Израиля с рядом арабских государств. Формирование энергетических цепочек, включающих добычу газа, развитие СПГ-инфраструктуры и инвестиции в энергетические технологии, создало альтернативный энергетический контур, ориентированный на европейские и азиатские рынки¹⁵¹. В условиях стремления Европейского союза к диверсификации поставок энергоресурсов после 2014 и 2022 годов данный фактор усиливает значение Восточного Средиземноморья как элемента глобальной энергетической безопасности¹⁵².

В региональном измерении Соглашения Авраама способствуют формированию селективной энергетической кооперации, основанной на прагматизме и совпадении интересов в сфере безопасности, прежде всего в контексте сдерживания Ирана¹⁵³. Энергетическая инфраструктура, включая морские маршруты, терминалы и объекты критической инфраструктуры, постепенно встраивается в более широкую архитектуру безопасности, где экономические проекты дополняются военно-политическим взаимодействием¹⁵⁴. Тем самым энергетическая безопасность становится важным компонентом регионального балансирования, а энергетические проекты – инструментом укрепления альянсов.

В то же время Соглашения Авраама усиливают фрагментацию региональной системы безопасности. Их селективный характер, исключение палестинского вопроса и формирование закрытых форматов сотрудничества подрывают

¹⁵⁰ International Energy Agency. Middle East Energy Outlook 2022. - Paris: IEA, 2022. - 188 p.

¹⁵¹ RAND Corporation. The Abraham Accords and Regional Security. - Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2021. - 96 p.

¹⁵² Brookings Institution. Energy, Security and the Abraham Accords. - Washington, DC: Brookings Institution Press, 2022. - 74 p.

¹⁵³ CSIS. US Strategy in the Middle East after the Abraham Accords. - Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 2021. - 58 p.

¹⁵⁴ Симонов К. В. Энергетическая политика Израиля и Восточное Средиземноморье // Мировая экономика и международные отношения. - 2021. - Т. 65, № 9. - С. 45–56.

легитимность новых энергетических альянсов в глазах части арабского мира и усиливают конфликтный потенциал региона¹⁵⁵. Иран и Турция воспринимают данные соглашения как попытку формирования альтернативного регионального порядка, направленного на ограничение их энергетического и геополитического маневра, что усиливает соперничество в Восточном Средиземноморье и зоне Персидского залива¹⁵⁶.

На глобальном уровне Соглашения Авраама вписываются в стратегию США по трансформации ближневосточной политики, предполагающую сокращение прямого военного присутствия при одновременном формировании сетевых альянсов, где энергетическая безопасность выступает ключевым связующим элементом¹⁵⁷. Для Вашингтона данные соглашения способствуют укреплению позиций союзников, снижению рисков для критически важных морских коммуникаций и поддержанию стабильности глобальных энергопоставок в условиях конкуренции с Китаем и Российской Федерацией.

Таким образом, Соглашения Авраама следует рассматривать не только как дипломатический прорыв, но и как инструмент институционализации новой модели регионального взаимодействия, в которой энергетическая безопасность используется для краткосрочной стабилизации при одновременном воспроизводстве долгосрочных структурных рисков.

Практическая значимость разделения на однородные и неоднородные системы заключается в прогнозировании реакций акторов на угрозы и проектировании механизмов стабилизации. Однородные структуры, такие как военные альянсы, эффективны против традиционных вызовов, но беспомощны перед гибридными угрозами¹⁵⁸, требующими межсекторного

¹⁵⁵ Наумкин В. В. Ближний Восток в условиях трансформации мирового порядка. - М.: ИМЭМО РАН, 2022. - 312 с.

¹⁵⁶ Звягельская И. Д. Региональные конфликты на Ближнем Востоке. - М.: Аспект Пресс, 2020. - 256 с.

¹⁵⁷ Кузнецов А. С. Восточное Средиземноморье как новый энергетический узел мировой политики // Вестник МГИМО-Университета. - 2022. - Т. 15, № 4. - С. 89–104.

¹⁵⁸ NATO. Hybrid Threats: A Strategic Communications Perspective. – 2021. – URL: <https://www.nato.int> (дата обращения: 12.05.2025).

взаимодействия. В неоднородных комплексах, где переплетаются экономические интересы, этнические конфликты и информационные войны, безопасность зависит от способности акторов адаптироваться к многоуровневым рискам. Так, попытки ЕС регулировать миграционные потоки из Северной Африки включают не только соглашения с государствами ближневосточного региона, но и сотрудничество с местными общинами и международными НКО, что отражает сложность неоднородных систем.

В рамках теории регионального комплекса безопасности Ближний Восток служит классическим примером, где фрагментация, межгосударственные конфликты и вмешательство внешних сил формируют уникальную систему взаимозависимых угроз. Ядро комплекса сформировано противостоянием Саудовской Аравии и Ирана, чья конкуренция за доминирование имеет глубокие религиозно-политические корни. Суннитско-шиитский раскол, усиленный историческим соперничеством арабских и персидских государств, проявляется в прокси-войнах: в Йемене с 2015 года Саудовская Аравия возглавляет коалицию, поддерживающую правительство Абд Раббу Мансура Хади, тогда как Иран снабжает хуситов оружием и ресурсами, превратив конфликт в «войну на истощение»¹⁵⁹. Аналогично, в Сирии Тегеран через поддержку правительства Асада и «Хезболлу» укреплял «шиитский полумесяц», в то время как Эр-Рияд финансирует суннитские оппозиционные группы.

Однако падение правительства Башара Асада внесло свои коррективы, став поворотным моментом в контексте противостояния Саудовской Аравии и Ирана. Сирия была ключевым звеном в иранской «оси сопротивления», объединяющей Иран, Ирак, Сирию и Ливан. Падение Асада привело к разрыву сухопутного коридора, через который Иран снабжал «Хезболлу» оружием и ресурсами. Это значительно ослабило влияние Тегерана в регионе и поставило под угрозу его стратегические интересы. В то же время свержение Асада укрепило позиции Саудовской Аравии как лидера суннитского мира.

¹⁵⁹ Gause F.G. Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War. Brookings Doha Center, 2014.

Эр-Рияд получил возможность усилить свое влияние в Сирии и противодействовать иранскому присутствию, особенно в контексте поддержки суннитских оппозиционных групп, а в Йемене хуситы, поддерживаемые Тегераном, столкнулись с сокращением поддержки, что дало преимущество саудовской коалиции. В Ливане «Хезболла» оказалась изолированной, что ограничило ее возможности в противостоянии с Израилем.

Контроль над углеводородными ресурсами остается центральным элементом безопасности на Ближнем Востоке, где энергетика трансформируется в инструмент геополитического влияния. В рамках альянса ОПЕК+, объединяющего государства-экспортеры нефти, Саудовская Аравия выступает одним из ключевых участников, чьи решения влияют на глобальные рынки.

Так, в марте 2020 года, в ходе переговоров ОПЕК+, возникли разногласия по вопросу сокращения добычи нефти в условиях падения спроса, вызванного пандемией COVID-19. Саудовская Аравия предложила снизить объемы производства для стабилизации цен, однако Россия, как крупнейший нефтеэкспортер вне ОПЕК, не поддержала это предложение, сославшись на необходимость сохранения рыночной доли. В ответ Эр-Рияд объявил о наращивании добычи до 12 млн баррелей в сутки, что привело к временному снижению цен на нефть до \$20 за баррель. Данный шаг рассматривался как мера по адаптации к изменившимся рыночным условиям и как стремление сохранить конкурентоспособность в условиях роста предложения, в том числе со стороны сланцевых компаний США.

Этот эпизод продемонстрировал сложность координации внутри ОПЕК+, где интересы участников не всегда совпадают. Снижение цен, с одной стороны, усилило давление на производителей с высокой себестоимостью добычи, а с другой, затронуло экономики самих стран-экспортеров. Саудовская Аравия, чей бюджет на 70% зависит от нефтяных доходов, столкнулась с сокращением выручки на 30% в 2020 году, что вынудило правительство пересмотреть расходы, включая временную приостановку ряда инфраструктурных проектов вроде NEOM и

корректировку социальных программ, что спровоцировало рост социального недовольства.

Кроме того, в 2017 году Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн объявили о введении блокады Катара, формально связав это решение с обвинениями в поддержке групп, ассоциируемых с террористической деятельностью, через медиаплатформы, такие как телеканал «Аль-Джазира», а также сближением Дохи с Ираном. Однако ключевым фактором конфликта стали энергетические амбиции Катара, связанные с разработкой Северного и Южного Парса – крупнейшего в мире офшорного газового месторождения с запасами около 24 трлн кубометров. Этот проект мог усилить позиции страны как глобального поставщика сжиженного природного газа, что вызвало озабоченность соседних государств, стремящихся сохранить влияние в региональной и мировой энергетической архитектуре.

Блокада включала закрытие воздушного пространства, морских и сухопутных границ, что создало значительные логистические сложности для Катара. Однако вместо ожидаемого замедления разработки месторождения, действия соседних стран стимулировали Доху к ускорению диверсификации экспортных маршрутов и инфраструктуры. Катар инвестировал в расширение мощностей по производству СПГ, включая строительство новых терминалов, и усилил сотрудничество с Турцией, которая предоставила альтернативные транзитные коридоры через свою территорию. Это позволило Катару не только сохранить, но и увеличить свою долю на мировом рынке газа, укрепив статус одного из ключевых игроков в отрасли.

Партнерство с Анкарой также имело стратегическое измерение: Турция, выступавшая в качестве посредника, расширила свое присутствие в регионе, а Катар получил доступ к новым рынкам, включая Европу. Кроме того, страна активизировала диалог с азиатскими потребителями, такими как Китай и Индия, что снизило зависимость от традиционных маршрутов через Персидский залив. Эти шаги иллюстрируют, как энергетическая конкуренция трансформируется в борьбу за контроль над инфраструктурой и транзитными

узлами, где технологические инновации и гибкость логистики становятся критическими факторами влияния.

Таким образом, блокада 2017 года стала катализатором структурных изменений в энергетической политике Катара, подчеркнув важность диверсификации партнерств и инфраструктурных проектов в условиях геоэкономического соперничества. Этот эпизод также демонстрирует, как региональные противоречия могут стимулировать адаптацию и инновации, меняя баланс сил в глобальной энергетике.

Влияние внешних акторов на регион Персидского залива формируется в условиях нарастающей геополитической конкуренции. США, позиционирующие себя как гаранта безопасности монархий Залива, сохраняют военное доминирование в регионе. Однако их политика демонстрирует растущую непоследовательность и неспособность обеспечивать долгосрочную стабильность. Резкий вывод войск из Афганистана в 2021 году, приведший к хаосу и укреплению радикальных группировок, стал символическим примером «имперской безответственности» Вашингтона, подрывающей доверие союзников.

В противовес этому Россия укрепляет свои позиции через прагматичное и последовательное участие в делах региона. Военная операция в Сирии в 2015 году не только предотвратила крах законной власти Асада, но и утвердила Москву в роли ключевого посредника в урегулировании кризисов. Этот подход, основанный на принципах уважения суверенитета и борьбы с нелегитимным вмешательством, контрастирует с практикой США, которые часто усугубляют конфликты под предлогом «демократизации». Кроме того, в условиях политической турбулентности в результате свержения правительства Асада Россия начала диалог с новым сирийским руководством, возглавляемым Ахмадом Аш-Шараа, по вопросам сохранения своего военного присутствия в стране, где прослеживается положительная динамика – аренда российской военно-морской базы остается в силе, а ее статус будет предметом дальнейших переговоров.

Китай, стремясь избежать прямой конфронтации с западными державами, последовательно наращивает свое экономическое влияние в Евразийском

и Ближневосточном регионах через стратегические инициативы, такие как «Один пояс – один путь». Эта инициатива выступает как инструмент мягкой силы, направленный на развитие инфраструктурной взаимосвязанности, логистических узлов и энергетических цепочек. В частности, Пекин активно инвестирует в инфраструктурные проекты Объединенных Арабских Эмиратов, включая порты и логистические хабы, а также в нефтехимическую отрасль Саудовской Аравии, усиливая экономическую взаимозависимость с ключевыми странами Персидского залива¹⁶⁰¹⁶¹.

Подобная модель взаимодействия соответствует формирующейся многополярной архитектуре международных отношений, в которой Москва позиционирует себя в качестве военно-политического балансира, в то время как Пекин концентрируется на экономических аспектах и технологическом развитии региона. Этот симбиотический подход, получивший поддержку в ряде российских академических и политических кругов, противопоставляется модели глобального однополярного доминирования США, которую российский дискурс нередко связывает с институциональной нестабильностью, вмешательством в суверенные дела и геополитической непредсказуемостью¹⁶².

Новый виток развития инициативы «Один пояс – один путь», ознаменованный форумом 2023 года в Пекине, подчеркивает сдвиг приоритетов Китая от масштабных инфраструктурных инвестиций к более устойчивым, «зеленым» и технологически ориентированным проектам. Это свидетельствует об адаптации Пекина к международной критике и усилении прагматического подхода в реализации внешнеэкономической стратегии¹⁶³.

¹⁶⁰ Hillman J.E. *The Emperor's New Road: China and the Project of the Century*. – New Haven: Yale University Press, 2020. – 352 p.

¹⁶¹ Chaziza M. *China's Belt and Road Initiative in the Middle East: The Case of the Gulf Cooperation Council Countries* // *Journal of Contemporary China*. – 2023. – Vol. 32. – № 141. – P. 123–140.

¹⁶² Лукьянов Ф.А. Переосмысление многополярности: уроки украинского кризиса // *Россия в глобальной политике*. – 2023. – № 3. – С. 45–60.

¹⁶³ Rolland N. *China's Belt and Road at Ten: A Recalibration?* – Seattle: National Bureau of Asian Research, 2023. – 150 p.

Асимметричные угрозы, в отличие от традиционных военных вызовов, действуют через нелинейные, часто скрытые механизмы, что делает их особенно опасными в условиях фрагментированного и многоуровневого региона Ближнего Востока. Их влияние пронизывает политические, экономические и социальные структуры, создавая эффект «домино», где дестабилизация в одной сфере провоцирует кризисы в других:

Деятельность «Исламского государства» (признана террористической организацией и запрещена на территории Российской Федерации), достигшая пика в 2014-2017 годах, стала катализатором трансформации региональной безопасности. Захват Мосула в Ираке и Ракки в Сирии позволил ИГ¹⁶⁴ установить контроль над территориями, где формальные институты власти были уничтожены. Это создало «серые зоны» – пространства без легитимного управления, где пересеклись интересы конкурирующих акторов:

- Турция, стремясь предотвратить укрепление курдских автономий, провела операции «Щит Евфрата» в 2016 и «Источник мира» в 2019, заняв приграничные районы Сирии.
- Иран использовал вакуум власти для расширения влияния через прокси-группы, укрепляя «шиитский коридор» от Тегерана до Средиземного моря.
- Курдские формирования, опираясь на поддержку США, создали автономные структуры, что обострило противоречия с Дамаском и Анкарой.

Ликвидация территориального халифата в 2019 году не устранила угрозу. Ячейки ИГ, перейдя к партизанской тактике, сохранили активность в пустынных районах Сирии (Эль-Бадиа) и Ирака (провинция Анбар), дестабилизируя локальную безопасность и замедляя восстановление государственности¹⁶⁵. Эти «очаги нестабильности» стали платформой для внешнего вмешательства: например, удары США по прокси-группам Ирана в 2021 году в приграничных зонах Сирии и Ирака.

¹⁶⁴ Организация, запрещенная на территории РФ.

¹⁶⁵ Кудрявцев А.В. Исламское государство: эволюция террористической угрозы. – М.: ИСАА МГУ, 2020. – 200 с.

Другим проявлением асимметричных угроз является уязвимость критической инфраструктуры. Энергетический сектор, как основа экономик Персидского залива, стал мишенью для асимметричных кибератак. В 2012 году группа АРТ34 провела атаку на саудовскую компанию Saudi Aramco, уничтожив данные 30 тыс. компьютеров с помощью вируса Shamoon. Повторная атака в 2019 году, использовавшая усовершенствованные методы, нарушила работу систем управления добычей, временно снизив производство нефти на 5,7 млн баррелей в сутки¹⁶⁶. Эти инциденты:

- продемонстрировали зависимость региона от цифровых технологий: саботаж систем управления производством может парализовать экономику за часы;
- связали киберпространство с геополитикой: атаки на Aramco совпали с обострением саудовско-иранских отношений, став инструментом «ответа без прямого конфликта»;
- стимулировали инвестиции в кибербезопасность: ОАЭ создали Национальный совет по кибербезопасности, а Катар заключил соглашение с НАТО о защите инфраструктуры.

Также существенное влияние в регионе набирают негосударственные акторы, поддерживаемые региональными державами. Одним из таковых является «Хезболла», созданная при поддержке Ирана в 1980-х годах, которая трансформировалась из партизанского движения в многофункциональную структуру, контролирующую до 40% территории Ливана. Ее влияние пронизывает военную, политическую и социальную сферы, формируя альтернативную систему власти.

На политическом уровне «Хезболла», объединившись с блоком «Свободное патриотическое движение», контролирует 13 из 128 мест в ливанском парламенте. Эта коалиция систематически блокирует решения, противоречащие интересам Тегерана, что усиливает зависимость государства от иранской повестки. Социальное влияние реализуется через сеть благотворительных организаций,

¹⁶⁶ Zetter K. The Saudi Aramco Hack: What Really Happened // Wired. – 2020. – 15 March. – URL: <https://www.wired.com> (дата обращения: 12.05.2023).

таких как «Аль-Шахид», которые обеспечивают население образовательными и медицинскими услугами, формируя устойчивую лояльность в условиях слабости государственных институтов.

Деятельность «Хезболлы» подрывает влияние ливанского правительства, создавая феномен «гибридной суверенности». Это усугубляет системный кризис легитимности власти, особенно заметный с 2019 года на фоне перманентного политического коллапса. Одновременно рост влияния негосударственного актора обостряет региональную напряженность: Израиль вынужден учитывать не только действия официального Дамаска, но и растущие возможности «Хезболлы», что делает конфликтную динамику в регионе еще более сложной и многомерной.

Ресурсный национализм представляет собой политико-экономическую стратегию, направленную на усиление государственного контроля над природными ресурсами, прежде всего углеводородными, с целью максимизации национальных доходов и укрепления суверенитета. Этот феномен проявляется в ограничении деятельности иностранных корпораций, национализации добывающих отраслей, пересмотре концессионных соглашений и создании государственных компаний, которые становятся инструментами реализации стратегических интересов¹⁶⁷.

Ресурсный национализм рассматривается как стремление государства усилить свой контроль над природными ресурсами с целью максимизации национальных выгод. Как отмечают исследователи, под этим понятием обычно понимается политика национализации добывающих отраслей и существенной переориентации прибыльности от иностранных компаний на государство¹⁶⁸. В современных реалиях ресурсный национализм трактуется как попытка стран-экспортеров сырья получить «выгоду от своих природных запасов» для укрепления суверенитета и экономики¹⁶⁹. Такая политика тесно связана с теорией «ресурсного

¹⁶⁷ Karl T.L. The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States. – Berkeley: University of California Press, 1997. – 342 p.

¹⁶⁸ Mills R., Alhashemi F. Resource Regionalism in the Middle East and North Africa: Rich Lands, Neglected People. – Washington, DC: Brookings Doha Center, 2018. – 180 p.

¹⁶⁹ Там же.

проклятия»: она выступает реакцией стран Севера на высокую зависимость развивающихся экспортеров от сырьевых доходов. Рост мировых цен на нефть и газ стимулирует государства усиливать государственное участие в отрасли, вводить новые налоговые ставки, создавать национальные нефтегазовые компании и ограничивать иностранное присутствие.

В странах Ближнего Востока ресурсный национализм проявляется особенно ярко. Во многих из них нефтегазовая сфера исторически полностью контролируется государством, иностранным компаниям предоставляется лишь технология и сервис. Так, в Саудовской Аравии постепенная консервация акций компании Saudi Aramco, ранее управлявшейся американскими компаниями, завершилась полным переходом контроля к монархии, что позволило королевству монополизировать крупнейшие в мире запасы нефти и использовать их как рычаг геополитического влияния¹⁷⁰, а в 1973 году ОПЕК использовала эмбарго на экспорт нефти как политический инструмент. Иран стал одним из пионеров: уже в 1951-1953 годах правительство во главе с М. Мосаддыком провело национализацию нефтяной отрасли¹⁷¹, что вдохновило другие страны на аналогичные действия.

Политика ресурсного национализма оказывает значительное влияние на региональную безопасность Ближнего Востока. Во-первых, контроль над энергоресурсами рассматривается здесь как элемент национальной безопасности. Режимы используют нефтегазовый доход для укрепления армии, финансирования лояльных племен и прокси-сил (например, проиранских ополченцев на Ближнем Востоке). Во-вторых, конкуренция за ресурсы становится источником конфликтов. Борьба за выход к нефтяным месторождениям и трубопроводы порождает множество споров – от налогообложения иностранцев до военных столкновений. Так, война Ирака и Ирана 1980-х была во многом связана с разделом нефтяных богатств при Шатт-аль-Араб, а вторжение Ирака в Кувейт в 1990 г. мотивировалось претензиями на нефтепромысел

¹⁷⁰ Vitalis R. *America's Kingdom: Mythmaking on the Saudi Oil Frontier*. – Stanford: Stanford University Press, 2006. – 280 p.

¹⁷¹ Yergin D. *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power*. – New York: Simon & Schuster, 1991. – 912 p.

и несанкционированную добычу. Внутри стран сырьевые регионы часто остаются маргинализированными, что провоцирует сепаратистские настроения и протесты¹⁷².

Наконец, ресурсный национализм влияет на взаимоотношения между государствами региона. Через ОПЕК и коалиции, подобные «ОПЕК+», страны-экспортеры согласуют квоты добычи нефти, фактически используя сырье как инструмент внешней политики. Решения, такие как нефтяное эмбарго 1973 года или обострение «нефтяной войны» 2020 г., служат примером применения сырьевых рычагов в геополитических целях. Одновременно такие внешние игроки, как Россия, Китай, США и ЕС, рассматривают политику ресурсного национализма в регионе как фактор рисков для глобальной энергетической безопасности.

Конкретные примеры иллюстрируют разные формы ресурсного национализма на Ближнем Востоке. Так, Саудовская Аравия в 1980-1990 годы проводила «консенсуальную национализацию», наращивая долю государства в Агапсо постепенно, а после 2016 года стала активным игроком в формировании новых глобальных энергетических картелей (совместно с Россией и другими). Иран, после свержения шаха в 1979 году, полностью перешел на модели государственной собственности и экспортировал идею «экономической независимости», при этом после отмены санкций Иран заключал 40-летние газовые соглашения с иностранными фирмами уже на партнерских условиях, сохраняя за собой контроль. В Ираке национализация 1972 года дала Баасу финансовый ресурс для военных конфликтов; в конце 2010 годов после вторжения ИГИЛ (признана террористической организацией и запрещена на территории Российской Федерации) при поддержке США де-факто распахнули нефтяной сектор для международных компаний, что стало предметом политических споров.

Катар традиционно считал углеводороды национальным достоянием и вкладывает доходы в такие геополитические проекты, как финансирование военных кампаний союзников, создание военных баз; при этом избегая резких национализаций с иностранцами, опираясь на свои финансовые мощности.

¹⁷² Mills R., Alhashemi F. Resource Regionalism in the Middle East and North Africa: Rich Lands, Neglected People. – Washington, DC: Brookings Doha Center, 2018. – 180 p.

В других странах региона – от Ливии времен Каддафи до современных курдских регионов – прослеживается общая логика: жители территорий с большими запасами энергоресурсов требуют большей доли доходов и автономии, что приводит к напряженности.

Российские и восточные исследователи подчеркивают различные аспекты этого феномена. В.В. Шмат объясняет ресурсный национализм как «ответ экономической зависимости»¹⁷³, возникающий у стран-экспортеров сырья при росте их влияния. Таким образом, национализация нефтяных отраслей в 1960-1970 годы позволила быстро увеличить доходы государств, но впоследствии привели к негативным последствиям – волатильности бюджета и политической централизации.

Хотя национализация приносит краткосрочные выгоды, в долгосрочной перспективе она сокращает приток иностранных инвестиций¹⁷⁴ и замедляет развитие отрасли. Ресурсный национализм – это глобальное явление, которое возникает из дисбаланса мировой торговой системы и стремления богатых ресурсами стран извлечь максимальную выгоду из своих запасов.

Таким образом, ресурсный национализм на Ближнем Востоке выступает комплексной политико-экономической стратегией. Он проявляется и в жесткой национализации предприятий, и в гибком регулировании инвестиций, и в использовании энергетических активов как средства внешнеполитического давления. Эта политика тесно переплетается с вопросами безопасности региона: она подпитывает внутренние конфликты и международные противостояния, но одновременно позволяет сохранять экономическую суверенность в условиях глобальной нестабильности. Современные исследования как российские, так и зарубежные, подчеркивают, что ресурсный национализм Ближнего Востока

¹⁷³ Шмат В.В. Ресурсный национализм: уроки третьего мира // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2015. – № 1. – С. 28–39.

¹⁷⁴ Mansouri S.R. The Political and Economic Effects of Resource Nationalism in the Middle East // *SSRN Electronic Journal*. – 2024. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/5036130.pdf?abstractid=5036130&mirid=1&__cf_chl_rt_tk=YH.8MoL0XN3kFzd7xomJhEimf3g31BTXyjZwPcAkHcM-1781727975-1.0.1.1-Hwvq3yb2gxvdUxW8GNs9pGghE9yBFHjEijVBfUUSlo8 (дата обращения: 17.05.2023)

играет ключевую роль в формировании геополитической картины региона, особенно на фоне энергоперехода и меняющихся отношений между сырьевыми державами.

Таким образом, методология исследования влияния энергетики на региональную стабильность Ближнего Востока базируется на четырех ключевых концепциях: «ресурсного проклятия», «ресурсного благословения», регионального комплекса безопасности и ресурсного национализма, которые в совокупности формируют комплексный аналитический инструментарий для понимания динамики энергетических и политических процессов в регионе. При этом именно «ресурсное проклятие» представлялось основной концепцией, поскольку она раскрывает структурные противоречия экономик, зависимых от углеводородного экспорта, демонстрируя, как изобилие природных ресурсов ведет к институциональной деградации, социальной напряженности и политической нестабильности. Однако в современных реалиях на первый план выходит концепция «ресурсного благословения», которая дополняет классические подходы, демонстрируя, что природные богатства могут стать основой для устойчивой модернизации. Эта концепция отражает сдвиг от фатализма «проклятия» к стратегическому управлению ресурсами: структурные риски «проклятия» могут быть смягчены через инновации, долгосрочное планирование и адаптацию к глобальным трендам.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что теоретико-методологический синтез исследования, опирающийся на концепции «ресурсного проклятия», «ресурсного благословения», регионального комплекса безопасности и ресурсного национализма, позволяет выявить важнейшую роль энергетического фактора в архитектуре ближневосточной стабильности в качестве системообразующего элемента. Однако его природа претерпевает фундаментальную трансформацию. С одной стороны, декарбонизация и технологический прогресс подрывают традиционную модель «социального договора», где углеводородная рента обеспечивала легитимность через модель патерналистского перераспределения – систему, при которой государство

обеспечивает политическую лояльность граждан за счет распределения получаемой ренты. С другой, именно кризис этой распределительной модели заставляет энергетический фактор эволюционировать в механизм «гибкой геополитики», где он используется уже не для обеспечения внутренней стабильности, а для внешнего позиционирования. Он трансформирует стратегические альянсы через конкуренцию за критически важные ресурсы и инфраструктурные коридоры, становясь валютой в борьбе за влияние в условиях формирующегося многополярного мира.

Синтез четырех концепций позволяет сделать вывод, что государства региона вынуждены балансировать между двумя парадигмами: сохранением контроля над ресурсной рентой как основой социального контракта и адаптацией к новой реальности, где легитимность власти все чаще связывается со способностью обеспечить технологический суверенитет и устойчивое развитие. Это порождает гибридные модели сотрудничества, сочетающие элементы ресурсного национализма, в частности контроль над сырьевыми активами, с интеграцией в глобальные цепочки энергоперехода – от совместных проектов по производству водорода до создания зеленых технологических хабов под эгидой конкурирующих центров силы.

Перспективы региональной безопасности, таким образом, зависят от способности акторов трансформировать энергетическую взаимозависимость из источника конфликтов в платформу кооперативного управления рисками. Для этого необходима синхронизация трех уровней:

- политического – пересмотр социальных контрактов через включение обществ в процессы энергоперехода, что требует замены патернализма институтами участия;
- экономического – диверсификация моделей роста за счет локализации высокотехнологичных звеньев цепочек ВИЭ, что снижает уязвимость к ценовым шокам;

- геополитического – формирование многоуровневых альянсов, где доступ к ресурсам обменивается не только на политические предпочтения, но и на трансфер технологий, смягчающий асимметричную зависимость.

Глава 2 Энергетический фактор и его влияние на структуру региональной безопасности

2.1 Роль региональных акторов Ближнего Востока в энергетической структуре региона

Энергетическая архитектура Ближнего Востока формируется под воздействием динамичного взаимодействия геополитических, экономических и технологических факторов. Регион остается эпицентром мировой энергетической безопасности благодаря своим колоссальным запасам углеводородов и стратегическому положению на перекрестке торговых путей¹⁷⁵. Однако структурные особенности этой системы определяются не только объективными ресурсными преимуществами, но и активностью региональных акторов, чьи интересы, амбиции и конфликты формируют уникальную конфигурацию энергетических взаимозависимостей.

В научной литературе принято разделять региональных участников энергетического ландшафта на три категории: страны-экспортеры (Саудовская Аравия, ОАЭ, Ирак, Иран, Катар и Кувейт), страны-импортеры (Иордания, Ливан) и страны-транзитеры (Турция, Египет). Каждая группа выполняет функциональную роль, которая не только закрепляет их позиции в региональной иерархии, но и создает основу для кооперации и противостояния¹⁷⁶. Экспортеры используют ресурсы как инструмент давления, что особенно ярко проявилось в противостоянии Саудовской Аравии и Ирана за доминирование в Персидском заливе¹⁷⁷. В свою очередь, транзитные государства, такие как Турция, монетизируют географическое положение, превращая трубопроводы и морские маршруты в рычаги политического влияния,

¹⁷⁵ Yergin D. *The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World*. – N. Y.: Penguin Press, 2011. – 816 p.

¹⁷⁶ Luciani G. *The Political Economy of Energy Reform: The Clean Energy-Fossil Fuel Balance in the Gulf* // *Gulf Research Center*. – 2020. – № 45. – P. 12-34.

¹⁷⁷ Наумкин В.В. *Ближний Восток в мировой энергетической политике*. – М.: ИВ РАН, 2020. – 298 с.

что нередко приводит к конфликтам, как в случае с кипрским газовым кризисом в Восточном Средиземноморье¹⁷⁸.

Структурная взаимозависимость между этими группами, однако, не сводится к линейной конкуренции. Технологические изменения, включая рост значения СПГ и развитие ВИЭ, переформируют традиционные модели взаимодействия. Подобные трансформации усиливают роль негосударственных акторов, таких как транснациональные корпорации или террористические группировки, эксплуатирующие энергоресурсы для финансирования своей деятельности¹⁷⁹. При этом энергетическая политика ближневосточных государств все чаще становится элементом «большой игры» с внерегиональными игроками – Россия, США, Китаем и ЕС, что усложняет внутреннюю архитектуру региона¹⁸⁰.

Ключевым парадоксом ближневосточной энергосистемы остается то, что ресурсное изобилие, вместо консолидации, часто углубляет расколы. Примером служит блокада Катара в 2017-2021 годах, когда соседние монархии Персидского залива пытались ослабить его позиции на рынке СПГ, или продолжающаяся война в Йемене, где контроль над портом Ходейда остается стратегической целью сторон¹⁸¹.

Несмотря на комплексность энергетической архитектуры Ближнего Востока, именно страны-экспортеры углеводородов остаются системообразующими акторами, чей экономический и политический вес определяет вектор развития региона. Их доминирование, основанное на контроле над стратегическими ресурсами, превращает их в глобальных энергетических гегемонов, чьи решения влияют на ценообразование, инвестиционные потоки и даже климатическую повестку¹⁸². Однако эта роль сопряжена с парадоксом: обладая колоссальными

¹⁷⁸ Henderson S. Turkey's Energy Strategy in the Eastern Mediterranean: Risks and Opportunities // Atlantic Council. – 2022.

¹⁷⁹ Хохлов А.В. Энергетические конфликты в условиях глобализации. – М.: МГИМО, 2021. – 154 с.

¹⁸⁰ Станкевич И.В. Энергетическая политика стран Ближнего Востока в контексте глобальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 2022. – 180 с.

¹⁸¹ Fulton J. Yemen's War and the Energy Security Dilemma // Middle East Institute. – 2023.

¹⁸² Yergin D. The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World. – N. Y.: Penguin Press, 2011. – 816 p.

запасами, государства-экспортеры вынуждены балансировать между монополизацией рынка, необходимостью диверсификации экономик в свете энергоперехода и геополитическим противостоянием, как в случае саудовско-иранской конкуренции за лидерство в ОПЕК+. Экспортеры региона, несмотря на внешнюю монолитность, сталкиваются с внутренними противоречиями – от зависимости от цен на нефть до растущего давления со стороны внерегиональных игроков, стремящихся переформатировать энергетический ландшафт в своих интересах.

Это создает уникальную аналитическую рамку, где экономическая мощь стран-экспортеров сталкивается с хрупкостью их политических стратегий:

- Саудовская Аравия занимает ключевое положение в энергетической архитектуре Ближнего Востока, что определяется ее доминированием в глобальной нефтяной системе. Согласно данным BP Statistical Review of World Energy 2023, на королевство приходится 17,2% мировых разведанных запасов нефти, что обеспечивает ему статус производителя, способного влиять на баланс спроса и предложения через механизмы ОПЕК+. Однако структурные особенности экономики, где нефтяной сектор формирует 40% ВВП и 75% бюджетных доходов, создают системные риски. Эта зависимость исторически обусловлена экстремально низкой себестоимостью добычи – около \$3 за баррель по сравнению с \$40 в сланцевых проектах США, что закрепляет конкурентное преимущество, но одновременно ограничивает стимулы для диверсификации.

Регулирующая роль королевства в рамках ОПЕК+ подчеркивает его амбивалентную позицию: с одной стороны, Эр-Рияд стремится сохранить гегемонию в традиционном энергетическом секторе, с другой – вынужден реагировать на вызовы энергоперехода. Данное противоречие нашло отражение в стратегии Vision 2030. Документ декларирует снижение зависимости от углеводородов через развитие промышленности, туризма и возобновляемой энергетики, включая проекты NEOM и Sudair Solar PV мощностью 1,5 ГВт. Подобная трансформация представляет собой попытку модернизации

авторитарного режима без политических реформ, где экономическая диверсификация служит инструментом сохранения власти¹⁸³.

Ключевым элементом энергетической стратегии стала Национальная программа по возобновляемой энергии, запущенная в 2017 году с целью достижения 50% доли ВИЭ в генерации к 2030 году. Однако, по данным Международного агентства по возобновляемым источникам энергии, к 2023 году этот показатель не превышает 3,2%, что свидетельствует о значительном отставании¹⁸⁴. Проекты вроде «Саудовской зеленой инициативы», остаются скорее имиджевыми шагами, учитывая продолжающиеся инвестиции в нефтегазовый сектор, например, расширение мощности НПЗ «Сатар» до более 13 млн тонн в год¹⁸⁵. Энергетический переход Эр-Рияда носит комплементарный, а не замещающий характер: ВИЭ развиваются параллельно с наращиванием нефтедобычи, что позволяет королевству страховать риски глобальной декарбонизации¹⁸⁶.

Правовые реформы, такие как Закон об иностранных инвестициях в энергетику, направлены на привлечение капитала и технологий, но сталкиваются с институциональными барьерами. Несмотря на создание Фонда суверенного благосостояния PIF объемом \$700 млрд, бюрократическая система и отсутствие прозрачности замедляют реализацию проектов. Например, мегаполис NEOM, позиционируемый как «город будущего на возобновляемой энергии», столкнулся с проблемами финансирования и вынужден сократить первоначальные планы на 25%.

¹⁸³ Lackner H. *Vision 2030 and Saudi Arabia's Social Contract: Austerity and Transformation* // Chatham House, 2020.

¹⁸⁴ Энергетические и сырьевые рынки глобального юга Режим доступа: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/30cb8107.pdf>

¹⁸⁵ Мощность НПЗ STAR превысила 13 млн тонн. – URL: <https://report.az/ru/energetika/moshnost-npz-star-prevysila-13-mln-tonn/> (дата обращения 10.04.2025)

¹⁸⁶ Иванов А.А. Энергетическая стратегия Саудовской Аравии в условиях глобального энергоперехода // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. № 5. С. 34-42.

Критический анализ позиции Саудовской Аравии в ОПЕК+ выявляет еще одно противоречие: стремление поддерживать высокие цены на нефть через квоты добычи, как в 2020-2022 годах, конфликтует с долгосрочными целями энергоперехода. При этом зависимость от нефтяных доходов ограничивает бюджетные возможности для финансирования диверсификации – даже в рамках Vision 2030 70% инвестиций в ВИЭ предполагается привлечь из частных иностранных источников.

- Объединенные Арабские Эмираты, занимая позицию третьего крупнейшего поставщика нефти в ОПЕК, демонстрируют уникальный подход к формированию энергетической политики, сочетающий традиционную зависимость от углеводородов с амбициозными проектами в сфере возобновляемых источников энергии и атомной энергетики. Этот дуализм закреплён в стратегических документах, таких как «Энергетическая стратегия ОАЭ 2050», направленной на достижение баланса между экономической стабильностью и экологической ответственностью. Согласно данной стратегии, к 2050 году страна планирует обеспечить 44% энергии за счет ВИЭ, 38% – за счет газа, 12% – за счет «чистого угля» и 6% – за счет атомной энергетики. Подобная диверсификация призвана снизить риски, связанные с волатильностью нефтяных рынков, и укрепить позиции ОАЭ как регионального лидера в энергетическом переходе.

Ключевым элементом стратегии стало развитие солнечной энергетики. Примером служит солнечный парк Mohammed bin Rashid Al Maktoum в Дубае, который к 2030 году должен достичь мощности 5 ГВт, став крупнейшим в мире проектом такого типа в рамках инициативы «Чистая энергия в Дубае». Параллельно Абу-Даби реализует программу ядерной энергетики, включая ввод в эксплуатацию четырех реакторов АЭС «Барака», первый из которых начал работу в 2020 году. Эти проекты не только подчеркивают технологические амбиции ОАЭ, но и отражают внутреннюю конкуренцию между эмиратами за статус центра инноваций.

Важным направлением стала Национальная стратегия ОАЭ по водородному топливу, запущенная в 2021 году. Она предполагает экспорт

«зеленого» и «голубого» водорода, что соответствует глобальному тренду декарбонизации. Однако существует противоречие между продвижением водородных инициатив и продолжающимся расширением нефтедобычи. Например, в 2023 году ОАЭ объявили о планах увеличить производство нефти до 5 млн баррелей в сутки к 2027 году, что ставит под вопрос приоритетность экологических целей.

Критический анализ энергетического перехода ОАЭ выявляет ряд структурных проблем. Во-первых, несмотря на инвестиции в ВИЭ, доля нефти и газа в экспортных доходах страны остается доминирующей – около 30% ВВП, что создает зависимость от традиционных секторов. Во-вторых, атомная программа, хотя и снижает углеродный след, сопряжена с рисками безопасности и высокой стоимостью: строительство АЭС «Барака» обошлось в \$24,4 млрд, что, по оценкам МАГАТЭ, превышает средние затраты на аналогичные проекты. Диверсификация экономики ОАЭ носит «управляемый характер», где государственные компании сохраняют контроль над стратегическими активами, ограничивая приток частных инвестиций в «зеленые» технологии.

- Катар, обладая 13% мировых запасов природного газа, утвердился в качестве ключевого игрока на глобальном энергетическом рынке, сделав ставку на экспорт сжиженного природного газа. Этот выбор обусловлен не только геологическими преимуществами, но и стратегическим планированием, закрепленным в государственных документах, таких как «Национальная стратегия Катара 2030» и Энергетическая стратегия страны. Реализация проекта расширения месторождения North Field, крупнейшего в мире газового резервуара, позволила Катару стать ведущим экспортером СПГ, обеспечив 25% мирового рынка в 2023 году. Однако его позиции формировались в условиях региональной нестабильности, включая блокаду со стороны Саудовской Аравии, ОАЭ, Бахрейна и Египта в 2017-2021 годах, что стало катализатором диверсификации внешнеполитических и экономических связей.

«Национальная стратегия Катара 2030» акцентирует переход от углеводородной зависимости к устойчивому развитию через диверсификацию

экономики и инвестиции в человеческий капитал. Однако энергетический сектор остается стержнем этой стратегии: в Энергетической стратегии подчеркивается наращивание производства СПГ до 142 млн тонн к 2030 году, что соответствует курсу на укрепление глобального лидерства. При этом Катар балансирует между необходимостью монетизации ресурсов и требованиями энергетического перехода, позиционируя газ как «переходное топливо»¹⁸⁷.

Несмотря на декларируемую приверженность «зеленой» повестке, включая проекты по улавливанию¹⁸⁸, Катар остается зависимым от ископаемых ресурсов. Инвестиции в СПГ создают парадокс: страна получает краткосрочные выгоды, но рискует столкнуться с кризисом спроса после 2040 года¹⁸⁹.

- Роль Ирана в энергетической структуре Ближнего Востока определяется диалектикой ресурсного потенциала и институциональных ограничений. Стратегии модернизации, закрепленные в «20-Year Vision» и атомной программе, не смогут быть реализованы без снятия санкций и притока иностранных инвестиций. Энергетический переход носит декларативный характер, сохраняя зависимость от углеводородов. В региональном контексте Иран остается «неудобным игроком», чьи проекты (от газопроводов до атомной энергетики) формируют альтернативные оси влияния, но не способны изменить баланс сил без преодоления политико-экономической изоляции.

Ключевым документом, определяющим энергетическую политику Тегерана, остается программа «20-Year Vision», акцентирующая модернизацию нефтегазового сектора как основы экономики. План предусматривает увеличение добычи нефти до 5,7 млн баррелей в сутки и газа до 1,4 трлн куб. м к 2025 году.

¹⁸⁷ International Energy Agency (IEA). The Role of Gas in Clean Energy Transitions. – Paris: IEA, 2021. – 89 p.

¹⁸⁸ Qatar National Environment and Climate Change Strategy 2021. URL: https://climate-laws.org/document/qatar-national-environment-and-climate-change-strategy_ac70 (дата обращения: 23.03.2025)

¹⁸⁹ Haras, H. The LNG Investment Paradox: Short-term Gains vs. Long-term Risks // Energy Economics Review. 2023. Vol. 45. № 2. P. 34–49.

Однако реализация этих целей сталкивается с системными барьерами. Санкции, введенные после выхода США из Совместного всеобъемлющего плана действий в 2018 году, заблокировали доступ к западным технологиям, необходимым для разработки сложных месторождений, таких как Южный Парс. Износ 70% нефтепроводов и отсутствие современных установок для повышения нефтеотдачи пластов снижают эффективность добычи на 30-40%¹⁹⁰. Фактическая добыча нефти в 2024 году не превышала 3,3 млн баррелей в сутки.

Параллельно Иран стремится диверсифицировать энергетический сектор через развитие атомной энергетики, закрепленное в «Программе развития атомной энергетики до 2040 года». Строительство АЭС в Бушере при участии России и планы по созданию новых реакторов демонстрируют стремление снизить зависимость от углеводородов. Однако санкции против ядерной программы ограничивают импорт обогащенного урана и замедляют реализацию проектов¹⁹¹.

Энергетическая диверсификация, провозглашенная в «Стратегии устойчивого развития энергетики», включает развитие ВИЭ: к 2030 году планируется довести их долю в энергобалансе до 10%. Однако, на 2023 год этот показатель не превышает 2%¹⁹², что связано с субсидированием ископаемого топлива и отсутствием инвестиций в «зеленые» технологии. Санкции также препятствуют участию иностранных компаний в проектах, подобных ветропарку в Гилане, где из-за давления США отказалась от сотрудничества немецкая Siemens Gamesa. Анализ энергетического перехода Ирана выявляет парадокс: стремление к диверсификации сталкивается с зависимостью бюджета (40-50% доходов) от нефтегазового экспорта.

- Роль Ирака в региональной энергетической структуре определяется двумя противоречивыми факторами: гигантскими запасами углеводородов

¹⁹⁰ Hashemzadeh Engelab H. Iran's Oil Industry: Challenges and Opportunities // Middle East Energy Studies. 2021. Vol. 12. №3.

¹⁹¹ Salehi M.A. Iran's Nuclear Program: Between Ambitions and Reality. Tehran: Energy Policy Press, 2022.

¹⁹² Renewable energy statistics 2023 <https://www.irena.org/publications/2023/Jul/Renewable-energy-statistics-2023>

и хронической нестабильностью управленческой модели. Энергетический переход воспринимается как второстепенная задача, что ставит под сомнение устойчивость иракской экономики в условиях глобального тренда на декарбонизацию. В ближайшее десятилетие Ирак, вероятно, сохранит статус «ненадежного поставщика», чьи амбиции будут ограничены внутренними дисбалансами, а роль в регионе зависит от способности выступать в роли медиатора в интересах внешних игроков.

Потенциал Ирака остается недореализованным из-за системных внутренних дисфункций. Стратегическая цель по увеличению добычи до 8 млн баррелей в сутки к 2027 году, закреплённая в Долгосрочной энергетической стратегии до 2030 года, сталкивается с комплексом институциональных, экономических и политических барьеров. Эти вызовы не только ограничивают роль Ирака как глобального энергетического игрока, но и дестабилизируют региональный энергорынок, усиливая зависимость от внешних инвестиций и технологий.

Согласно Плану развития электроэнергетики Ирака, модернизация нефтегазовой инфраструктуры требует \$50-70 млрд инвестиций. Однако институциональная фрагментация, упомянутая в стратегических документах, блокирует реализацию проектов. Отсутствие ратифицированного закона о нефти и газе приводит к правовой неопределенности в отношениях между Багдадом и Курдистаном. Существенное влияние оказывают коррупционные схемы, включая нецелевое использование рентных доходов (до 40% бюджета Ирака формируется за счет нефти). По оценкам Transparency International, Ирак занимает 157 место из 180 в Индексе восприятия коррупции¹⁹³, что напрямую влияет на операционные риски для компаний ExxonMobil, BP и Лукойл, работающих в стране.

Долгосрочная энергетическая стратегия до 2030 года декларирует не только рост добычи, но и диверсификацию энергобаланса, включая развитие

¹⁹³ Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2023> (дата обращения: 15.05.2025)

солнечной энергетики (цель – 12 ГВт к 2030 году)¹⁹⁴. Однако, Ирак остается заложником нефтяной ренты: 90% генерации электроэнергии зависит от газа и нефти, а хронические отключения света (до 16 часов в сутки) вынуждают население использовать дизельные генераторы. План развития электроэнергетики, предполагающий строительство солнечных станций совместно с TotalEnergies, реализуется медленно из-за бюрократии и недофинансирования.

- Роль Кувейта в региональной энергетической структуре остается двойственной. С одной стороны, страна сохраняет влияние как крупный и инфраструктурными проектами. С другой, институциональный паралич и зависимость от ценовой конъюнктуры ограничивают ее способность стать драйвером энергоперехода на Ближнем Востоке. Для реализации амбиций Kuwait Vision 2035 необходима глубокая политическая реформа, синхронизация фискальной стратегии с долгосрочными трендами и разрешение противоречия между рентной экономикой и требованиями диверсификации. Без этого Кувейт рискует утратить конкурентные позиции в условиях глобальной декарбонизации.

Стратегическая программа Kuwait Vision 2035, утвержденная в 2017 году, декларирует цель трансформировать экономику через диверсификацию, снижение зависимости от углеводородов (77% ВВП) и создание технологически продвинутого энергетического сектора. В рамках этой программы планируется привлечь \$500 млрд в модернизацию инфраструктуры, включая проекты повышения нефтеотдачи (например, месторождение Большой Бурган) и строительство крупнейшего на Ближнем Востоке нефтеперерабатывающего завода Al-Zouq. Последний, с мощностью 615 тыс. баррелей в сутки, призван укрепить позиции Кувейта как экспортера продуктов с высокой добавленной стоимостью.

Однако реализация Vision 2035 сталкивается с институциональными ограничениями. Ключевой проблемой Кувейта остается дуализм власти:

¹⁹⁴ Iraqi Ministry of Oil. Long-Term Energy Strategy 2030. 2021. <https://cyberleninka.ru/article/n/iraqi-national-energy-strategy-for-oil-and-gas-production-analysis-of-challenges>

хронический конфликт между Национальным собранием и исполнительными органами блокирует принятие структурных реформ¹⁹⁵. Это подтверждается задержками в ратификации концессионных соглашений, таких как проект газового месторождения Durga с Саудовской Аравией, который до сих пор не получил окончательного одобрения из-за политических споров.

Системная дисфункция проявляется в дублировании функций министерств и отсутствии единого регулятора для СПГ-проектов, что замедляет привлечение иностранных инвестиций. Например, планы по цифровизации месторождений, критически важные для повышения конкурентоспособности, откладываются при падении цен на нефть марки Brent ниже \$70/барр., что типично для цикличности нефтяных рынков. Зависимость бюджета Кувейта от нефтяной ренты (90% доходов) создает «порочный круг»: низкие цены вынуждают сокращать расходы на модернизацию, что еще больше усиливает уязвимость экономики.

Роль региональных акторов Ближнего Востока в энергетической структуре региона определяется не только наличием углеводородных ресурсов, но и зависимостью ряда государств от их импорта. Иордания, Ливан, Израиль и Египет исторически относились к категории энергодефицитных стран, что оказывало существенное влияние на формирование их внешнеполитических стратегий и приоритетов в сфере безопасности. Например, Иордания, импортирующая около 90% энергоносителей, вынуждена балансировать между поставками из Саудовской Аравии, Ирака и Египта, что создает риски ценовых шоков и политического давления. Аналогичная ситуация характерна для Ливана, где 95% энергопотребления покрывается за счет импорта, преимущественно нефтепродуктов и электроэнергии из Сирии и Турции, что усугубляется хроническим кризисом энергосистемы и политической нестабильностью.

¹⁹⁵ Ashraf Mishrif The Challenges of Economic Diversification in the Gulf. 2018. (Электронный ресурс). URL: https://www.researchgate.net/publication/322335700_Challenges_of_Economic_Diversification_in_the_GCC_Countries#:~:text=2,the%20dynamics%20of%20regional%20integra%2D (дата обращения: 15.07.2025)

Переход к низкоуглеродной экономике в условиях энергодефицитности приобретает для этих стран двойственный характер. С одной стороны, Иордания и Ливан активно развивают проекты в области солнечной и ветровой энергетики при поддержке международных доноров, таких как ЕС и Всемирный банк. С другой стороны, зависимость от иностранных технологий и финансирования создает новые риски суверенитета, заменяя «углеводородную иглу» на «зеленую»¹⁹⁶.

- Иордания, занимая стратегическое положение на Ближнем Востоке, играет роль энергетически зависимого, но активно трансформирующегося игрока, чьи усилия по диверсификации энергобаланса сталкиваются с системными экономическими и геополитическими ограничениями. Страна, не обладающая значительными запасами углеводородов, импортирует 93% энергоресурсов, что создает критическую уязвимость в условиях нестабильности глобальных рынков и региональной политики. В ответ на это королевство разработало Национальную энергетическую стратегию до 2030 года, предполагающую увеличение доли возобновляемых источников энергии до 20% в энергопотреблении, с акцентом на солнечную и ветровую генерацию. Этот документ, являясь ключевым элементом государственного планирования, отражает стремление Аммана снизить зависимость от импорта и укрепить энергетическую безопасность.

Прогресс Иордании в развитии ВИЭ впечатляет: к 2023 году доля возобновляемых источников в энергобалансе достигла 27-29%¹⁹⁷, что превысило первоначальные целевые показатели. Этот результат стал возможен благодаря благоприятным климатическим условиям, притоку иностранных инвестиций и законодательным реформам, включая Закон о возобновляемой энергии 2012 года, разрешивший частным компаниям производить электроэнергию для национальной сети¹⁹⁸. Однако успехи

¹⁹⁶ Luomi M. The Energy Transition in Small States: Sovereignty vs. Sustainability // Energy Policy. 2020. Vol. 145.

¹⁹⁷ IRENA. Renewable Energy Statistics 2023. Abu Dhabi: International Renewable Energy Agency, 2023. 154 p.

¹⁹⁸ Jaber J.O. Renewable Energy in Jordan: Status and Future Prospects // Energy Procedia. 2015. Vol. 74. P. 1081–1089.

в секторе ВИЭ маскируют более глубокие проблемы. Энергетический переход ограничивается структурными дисбалансами экономики: госдолг в 95% ВВП, хронический дефицит бюджета и слабость частного сектора, не способного масштабировать инвестиции без государственных гарантий. «Зеленые» проекты в Иордании остаются зависимыми от международных доноров, чьи приоритеты могут измениться в условиях глобальной рецессии¹⁹⁹.

Ключевым вызовом для Иордании остается зависимость от нефтяных субсидий Саудовской Аравии, оформленных в рамках соглашений 2016-2023 годов. Эти субсидии, покрывающие до 15% импорта нефти по льготным ценам, напрямую увязаны с поддержкой Амманом внешнеполитических инициатив Эр-Рияда, включая позицию по конфликту в Йемене и нормализацию отношений с Израилем. Подобная взаимозависимость создает «ловушку»: сокращение саудовской помощи (как это произошло в 2018 году из-за разногласий по палестинскому вопросу) немедленно ведет к росту цен на топливо, провоцируя социальные протесты, аналогичные «Хираку» 2018 года.

- Роль Ливана в энергетической структуре Ближнего Востока определяется не ресурсным потенциалом, а его уязвимостью как импортера, чьи системные дисфункции дестабилизируют соседние экономики. Страна остается примером институционального коллапса, где даже внешняя финансовая помощь (например, кредиты МВФ) не приводит к реформам из-за кланового захвата государства. Перспективы энергетического перехода близки к нулю: без восстановления политической легитимности, борьбы с коррупцией и региональной кооперации Ливан рискует остаться «черной дырой» в системе энергобезопасности Ближнего Востока.

Ливан, находящийся в состоянии системного кризиса, демонстрирует уникальный пример деградации энергетического сектора, что существенно ограничивает его роль в региональной энергетической архитектуре. С 2019 года ВВП страны сократился на 40%, а инфляция достигла 200%,

¹⁹⁹ Al-Hawari H. Energy Security in Jordan: Challenges and Opportunities // Middle East Policy. 2022. Vol. 29. No. 3. P. 45–60.

что привело к коллапсу бюджетного финансирования критически важных отраслей, включая энергетику. Зависимость от импорта энергоресурсов (97%) и использование устаревших тепловых электростанций, работающих на мазуте, превратили Ливан в одного из наименее устойчивых участников энергетического рынка Ближнего Востока. Высокая себестоимость генерации и хронические отключения электричества усугубляются субсидированием тарифов, которое поглощает до 40% государственных расходов. Подобная ситуация не только подрывает экономическую стабильность, но и лишает Ливан возможности влиять на региональные энергетические процессы.

Провал модернизации энергетического сектора иллюстрируется замороженным проектом электростанции Deir Ammar, где планируемый переход с мазута на природный газ был заблокирован коррупцией, отсутствием газотранспортной инфраструктуры и политической нестабильностью. Ливанская энергетическая политика страдает от «институционального паралича», при котором реформы остаются декларативными из-за кланового распределения ресурсов²⁰⁰. Де-факто сектор функционирует через неформальные схемы, включая аренду частных дизельных генераторов, что усиливает социальное неравенство: доступ к электричеству становится привилегией обеспеченных слоев, тогда как 80% населения сталкивается с отключениями по 12-20 часов в сутки.

Ливанские власти неоднократно заявляли о намерении интегрироваться в региональные газотранспортные проекты, включая поставки СПГ через Египет и Иорданию в рамках инициативы США 2022 года. Однако отсутствие прогресса связано с неспособностью сформировать единую внешнеполитическую стратегию. Например, участие в Восточно-средиземноморском газовом форуме блокируется противоречиями с Израилем из-за спорных морских границ.

- Роль Израиля в энергетической структуре Ближнего Востока определяется его двойственным статусом: с одной стороны, страна превратилась в поставщика газа, способного влиять на региональные рынки,

²⁰⁰ Areiqat, R. 2021. Energy Crisis in Lebanon: Institutional Paralysis and Corruption. Middle East Policy Journal, vol. 28, no. 3, pp. 45–60.

а с другой сохраняет зависимость от внешних факторов, включая геополитические конфликты и медленный переход к ВИЭ. Стратегические документы, такие как «Национальный план адаптации к изменению климата», показывают осознание этих вызовов, однако их реализация требует большей скоординированности между энергетической и внешнеполитической повестками.

Израиль, традиционно считавшийся энергетически уязвимым государством из-за отсутствия значимых углеводородных ресурсов, кардинально изменил свою позицию в региональной энергетической архитектуре после открытия в 2009-2010 годах шельфовых газовых месторождений «Левиафан» (622 млрд м³) и «Тамар» (283 млрд м³). Эти открытия не только обеспечили внутренние потребности страны, но и позволили перейти к статусу нетто-экспортера сжиженного природного газа. Доля газа в энергобалансе Израиля превысила 70%, что соответствует целям, закрепленным в «Национальной энергетической стратегии до 2030 года», где газ рассматривается как «переходное топливо» для снижения зависимости от угля и нефти. Однако сохраняющаяся зависимость от импорта нефти (около 90% потребления) подчеркивает структурные дисбалансы, которые могут стать уязвимостью в условиях глобальной волатильности цен.

Ключевым элементом усиления позиций Израиля как энергетического хаба стали проекты, направленные на интеграцию в международные рынки. Строительство подводного газопровода EastMed Pipeline (предполагаемый объем поставок в ЕС – 10-12 млрд м³ в год) и экспортные контракты с Египтом (85 млрд м³) отражают амбиции, зафиксированные в «Стратегии внешней политики в Восточном Средиземноморье». Эти инициативы согласуются с концепцией «энергетической дипломатии», где энергоресурсы используются как инструмент укрепления политических связей, например, с Грецией, Кипром (в рамках формата EastMed Gas Forum) и Иорданией. Однако реализация проектов сталкивается с системными рисками. Политико-территориальные споры, такие как конфликт с Ливаном из-за морской границы в районе месторождения Кариш, блокируют разведку в спорных водах и создают угрозы эскалации. Эти конфликты выступают

структурным ограничением для полноценной реализации энергетического потенциала региона.

Несмотря на успехи в газовом секторе, энергетический переход Израиля остается неравномерным. Акцент на развитии СПГ-экспорта, закрепленный в «Плане развития газовой отрасли», сопровождается медленным внедрением возобновляемых источников энергии. По данным Международного энергетического агентства, доля ВИЭ в энергобалансе страны составляет лишь 7%, что существенно ниже заявленной цели в 30% к 2030 году.

Переходя к роли стран-транзитеров, необходимо подчеркнуть, что их геостратегическое положение превращает их в критически важные узлы энергетических потоков.

- Турция, занимая уникальное геостратегическое положение на стыке Европы и Азии, стремится укрепить свою роль в качестве ключевого энергетического узла региона. Эта цель закреплена в государственных документах, таких как Национальная энергетическая стратегия 2023 года, которая предусматривает превращение страны в транзитный хаб для углеводородов и центр реэкспорта сжиженного природного газа. Реализация этой стратегии воплощается в инфраструктурных проектах, включая газопроводы «Турецкий поток» (15 млрд м³/год) и Трансанатолийский газопровод (16 млрд м³/год). Первый, реализуемый совместно с Россией, обеспечивает поставки российского газа в Турцию и Южную Европу, тогда как TANAP, часть Южного газового коридора, направлен на диверсификацию источников за счет азербайджанского газа с месторождения «Шах-Дениз».

Амбиции Анкары выходят за рамки транзита. Стратегия 2023 года акцентирует развитие СПГ-терминалов, таких как ФСРУ «Эткер» в Измире, и расширение генерации электроэнергии, включая строительство АЭС «Аккую» мощностью 4,8 ГВт. Однако эти планы сталкиваются с системными вызовами. Во-первых, геополитическая напряженность в Восточном Средиземноморье, связанная с делимитацией исключительных экономических зон (ИЭЗ), блокирует доступ Турции к месторождениям, таким как «Афродита», контролируемым

Кипром и Грецией²⁰¹. Это не только ограничивает ресурсную базу, но и создает риски для транзитных коридоров, включая потенциальные конфликты с ЕС, который поддерживает позиции Греции и Кипра.

Во-вторых, Турция вынуждена балансировать между сотрудничеством с Россией, чей газ составляет основу «Турецкого потока», и требованиями ЕС по декарбонизации. Зависимость Анкары от российских энергоносителей противоречит ее стремлению к энергетической автономии, заявленной в стратегии 2023 года. Парадоксально, но планы по развитию атомной энергетики, включая АЭС «Аккую», реализуемые при участии «Росатома», усиливают эту зависимость, несмотря на заявленную диверсификацию.

- Египет занимает уникальное положение в энергетической архитектуре Ближнего Востока, сочетая роль ключевого экспортера сжиженного природного газа и критического транзитного узла международных энергопотоков. Восстановление статуса нетто-экспортера СПГ после ввода в эксплуатацию гигантского месторождения Зохр (запасы 850 млрд м³ газа) позволило стране не только нарастить экспорт до 12,5 млн тонн в год, но и укрепить позиции в глобальной энергетической системе. Одновременно Египет сохраняет геостратегическое значение благодаря контролю над Суэцким каналом, через который проходит 8% мировых нефтяных перевозок. Эта двойная роль подчеркивается в государственной стратегии Egypt Vision 2030, где энергетическая безопасность и транзитный потенциал обозначены как ключевые элементы национальной экономической устойчивости.

Основу энергетической политики Египта определяет «Стратегия устойчивой энергетики до 2035 года», утвержденная Министерством электроэнергетики и возобновляемых источников энергии. Документ предусматривает увеличение доли возобновляемых источников энергии в структуре генерации до 42%, включая проекты в области солнечной (например, комплекс Benban) и ветровой энергетики (зона Gulf of Suez). Параллельно реализуется программа модернизации СПГ-

²⁰¹ Erdős, K. (2022). Eastern Mediterranean Gas Conflicts: Geopolitics and Law. *Energy Policy Review*, 55(1), 45–60.

терминалов, таких как Idku и Damietta, что направлено на усиление экспортного потенциала. Египет стремится диверсифицировать энергобаланс, однако зависимость от углеводородов сохраняется из-за их роли в бюджетных доходах.

Несмотря на амбициозные цели, энергетический переход Египта сталкивается с системными ограничениями. Во-первых, проекты ВИЭ требуют значительных инвестиций, которые осложняются макроэкономической нестабильностью (девальвация фунта, инфляция 27% в 2024 году). Во-вторых, как подчеркивает Международное энергетическое агентство, рост внутреннего спроса на энергию (3-4% ежегодно) опережает ввод новых мощностей, что вынуждает власти сохранять приоритет газовой генерации. В-третьих, коррупционные скандалы, такие как дело о завышении стоимости строительства электростанций в 2022 году, подрывают доверие инвесторов.

Таким образом, роль региональных акторов Ближнего Востока в энергетической структуре региона определяется их функциональной спецификой. Энергетическая архитектура Ближнего Востока, формируемая взаимодействием экспортеров, импортеров и транзитеров углеводородов, представляет собой динамичную, но глубоко асимметричную систему. Взаимозависимость этих акторов остается структурным каркасом региона, однако ее характер эволюционирует под влиянием трех ключевых факторов: стратегической адаптации государств, внешнеполитического вмешательства и трансформации глобального энергетического ландшафта.

Во-первых, крупные производители, такие как Саудовская Аравия и ОАЭ, диверсифицируют логистические цепочки, инвестируя в трубопроводы в обход конфликтных зон и создавая СПГ-хабы, что снижает уязвимость перед блокировкой стратегических узлов вроде Ормузского пролива. Это свидетельствует не о пассивной адаптации, а о сознательном конструировании альтернативных энергетических коридоров. В свою очередь, транзитеры, включая Турцию и Египет, стремятся конвертировать географическое положение в политический капитал, но их возможности ограничиваются конкуренцией внешних держав. Турецкие амбиции по контролю над поставками каспийского газа

в Европу, например, сталкиваются с противодействием России, что превращает энергетические маршруты в арену глобальной геополитики.

Во-вторых, хрупкость системы энергетической безопасности носит избирательный характер. Конфликты в Йемене или Сирии дестабилизируют регион, но ключевые экспортеры демонстрируют устойчивость благодаря финансовым резервам и политическому весу. Уязвимыми остаются малые импортеры с недиверсифицированными экономиками, такие как Ливан, где прекращение субсидий на топливо в 2021 году спровоцировало социальный коллапс. При этом роль негосударственных акторов от хуситов, атакующих саудовскую нефтяную инфраструктуру, до «Хезболлы», влияющей на ливанские энергосети, добавляет системе непредсказуемости, выходящей за рамки межгосударственных отношений.

В-третьих, традиционная триада «экспортер-транзитер-импортер» постепенно трансформируется под давлением энергетического перехода. Страны Персидского залива, осознавая исчерпаемость модели, основанной на углеводородах, активно развивают проекты в сфере ВИЭ и водородной энергетики (например, саудовский NEOM или оманские «зеленые» кластеры). Это создает новые формы взаимозависимости: если сегодня ЕС зависит от ближневосточной нефти, то завтра он может стать импортером водорода, произведенного в ОАЭ, что переформатирует баланс сил.

Кроме того, энергетическая система Ближнего Востока в последние десятилетия претерпевает трансформации, обусловленные активным включением негосударственных акторов в процессы добычи, распределения и управления ресурсами. Эти акторы, включая транснациональные корпорации, неправительственные организации, вооруженные группы и локальные общины, играют одну из ключевых ролей в перераспределении экономических и политических сил, формируя новые модели взаимодействия с национальными правительствами²⁰². Их деятельность не только определяет конфигурацию

²⁰² Аль-Хамад, А. Р. Государственные и негосударственные акторы в энергетике Ближнего Востока / А. Р. Аль-Хамад. – М.: Издательство «Международные отношения», 2020. – 256 с.

энергетических рынков, но и влияет на геополитическую стабильность региона, создавая сложную паутину кооперации и конфликтов²⁰³.

Транснациональные корпорации, такие как ExxonMobil, Shell или TotalEnergies, выступают основными партнерами государств в разработке месторождений и внедрении высоких технологий. Заключая долгосрочные контракты с правительствами Саудовской Аравии, ОАЭ или Катара, они обеспечивают доступ к капиталу и экспертизе, необходимой для модернизации инфраструктуры²⁰⁴. Однако такие альянсы не лишены противоречий: ТНК часто сталкиваются с требованиями соблюдения национальных квот, как в случае с ОПЕК+, или с политизацией проектов, например, при санкционном давлении на Иран, где иностранные компании вынуждены балансировать между коммерческими интересами и международными нормами. В свою очередь, государства используют ТНК для усиления своего влияния на глобальных рынках, как это демонстрирует Saudi Aramco, интегрирующаяся в международные цепочки создания стоимости через партнерства с частными игроками²⁰⁵.

Неправительственные организации, ориентированные на экологию и права человека, такие как Greenpeace или Amnesty International, оказывают косвенное, но значимое воздействие на энергетическую политику. Продвигая идеи устойчивого развития, они добиваются ужесточения экологических стандартов, что вынуждает правительства и корпорации инвестировать в «зеленые» технологии. Например, в Омане и ОАЭ давление со стороны международных НПО способствовало запуску проектов в области солнечной энергетики, хотя их масштабы пока уступают традиционным углеводородным инициативам. При этом локальные НПО, такие как египетская «Инициатива за энергетическую справедливость», часто вступают в конфронтацию с властями, критикуя

²⁰³ Roberts, D. Energy Geopolitics in the Middle East: Actors and Dynamics // D. Roberts. – London: Routledge, 2019. – 198 p.

²⁰⁴ Иванов, С. В. Транснациональные корпорации в нефтегазовом секторе / С. В. Иванов, Е. А. Петрова. – СПб.: НефтегазПресс, 2018. – 312 с.

²⁰⁵ Аль-Сауд, М. Saudi Aramco: от национального лидера к глобальному игроку / М. Аль-Сауд. – Dubai: Gulf Research Center, 2022. – 176 p.

социальные издержки крупных инфраструктурных проектов, таких как строительство АЭС «Эль-Дабаа», и требуют большего учета интересов местных сообществ²⁰⁶.

Особую сложность представляют вооруженные негосударственные группы, которые используют контроль над ресурсами для финансирования своей деятельности и усиления политического веса. Ярким примером является «Исламское государство»²⁰⁷ (запрещено в РФ), которое в 2014-2017 годах монополизировало добычу нефти на подконтрольных территориях Сирии и Ирака, создав теневые сети продажи сырья через посредников в Турции и Курдистане²⁰⁸.

Локальные общины и племенные объединения, традиционно игнорируемые в макроэкономических стратегиях, также становятся значимыми акторами. В Йемене или южном Ираке племена, контролирующие доступ к месторождениям, заключают альянсы с корпорациями или правительствами в обмен на инвестиции в инфраструктуру и социальные программы²⁰⁹. Однако такие договоренности хрупки: например, в иранской провинции Хузестан протесты против засухи, усугубленной нефтедобычей, перерастают в требования политических реформ, ставя под вопрос стабильность поставок.

Таким образом, энергетическая структура Ближнего Востока – это не застывшая иерархия, а многоуровневая система, где глобальные тренды, внутренние реформы и субнациональные угрозы непрерывно переопределяют роли акторов. Ее стабильность зависит не столько от равновесия между экспортерами, транзитерами и импортерами, сколько от способности ключевых игроков адаптироваться к технологическим вызовам, геополитическим сдвигам и меняющимся запросам мировой экономики. Для понимания этой системы

²⁰⁶ Смирнов, А. Ю. Социальные конфликты в энергетических проектах Египта / А. Ю. Смирнов. – М.: Востоковедение, 2019. – 134 с.

²⁰⁷ Организация, запрещенная на территории РФ.

²⁰⁸ Хашеми, Р. Теневая экономика «Исламского государства» / Р. Хашеми. – Тегеран: Institute for Middle East Studies, 2018. – 180 с.

²⁰⁹ Васильев, А. М. Племена и ресурсы: социодинамика Ближнего Востока / А. М. Васильев. – М.: Наука, 2017. – 302 с.

критически важно учитывать как макростратегии государств, так и микропрактики негосударственных сил, формирующих ландшафт энергетической безопасности.

2.2 Внешние акторы (США, Китай, Россия, ЕС) в структуре региональной безопасности Ближнего Востока

Ближний Восток, расположенный на стыке трех континентов, исторически выступает ключевым узлом глобальных коммуникаций. Контроль над такими стратегическими точками, как Суэцкий канал, соединяющий Индийский океан с Атлантикой, Ормузский пролив, через который проходит 20% мировой нефтеторговли, и Баб-эль-Мандебский пролив, превращает регион в «артерию» мировой экономики²¹⁰. Эта географическая специфика, дополненная колоссальными ресурсами, предопределила его роль как объекта многовекового соперничества.

Политическая нестабильность, уходящая корнями в колониальное наследие и усугубленная «арабской весной» 2011 года, создает вакуум безопасности, активно заполняемый внешними игроками. К примеру, распад вертикалей власти в Ливии, Сирии и Йемене превратил эти страны в «открытые арены» для прокси-войн, где интересы глобальных держав сталкиваются через поддержку локальных акторов²¹¹. В условиях глобализации данный процесс приобрел системный характер: если в XX веке доминировала биполярная модель, то в XXI веке регион стал полигоном для многоуровневого взаимодействия и конкуренции новых центров силы.

Стратегии внерегиональных держав формируются под влиянием трех ключевых факторов:

- обеспечение доступа к энергоресурсам;
- контроль над транспортными коридорами;
- сдерживание геополитических оппонентов.

²¹⁰ Cordesman A.H. The Gulf and the Struggle for Hegemony: Arabs, Iranians, and the West. – Washington: CSIS, 2018. – 294 p.

²¹¹ Кудряшов А.В. Современный Ближний Восток: войны без победителей. – М.: ИВ РАН, 2020. – 216 с.

Подобное наложение стратегий порождает «парадокс гиперконкуренции»²¹²: стремление каждого актора к стабильности в зоне своих интересов (например, безопасность судоходства для Китая, стабильность нефтедобычи для ЕС) объективно ведет к дестабилизации общего пространства. Эта динамика, усиленная историческими противоречиями региона, формирует порочный круг, где краткосрочные тактические выгоды внешних игроков подрывают долгосрочные перспективы урегулирования.

В связи с этим участие США, Китая, России и ЕС в региональной безопасности обладает существенной спецификой, обусловленной как историческими связями, так и современными глобальными вызовами.

- Соединенные Штаты Америки исторически позиционируют себя как ключевого гаранта безопасности на Ближнем Востоке, однако их стратегия, формируемая с конца XX века, демонстрирует внутреннюю противоречивость. Эта двойственность обусловлена сочетанием декларируемых целей, таких как продвижение демократии и стабильности, с прагматичными интересами, включающими контроль над энергоресурсами и сдерживание геополитических конкурентов²¹³. Военное присутствие США в регионе, начавшееся с операции «Буря в пустыне» в 1991 году, первоначально преследовало цель восстановления суверенитета Кувейта, однако последующее вторжение в Ирак в 2003 году стало поворотным пунктом. Решение о интервенции, основанное на спорных данных о наличии оружия массового поражения, привело к системной дестабилизации: разрушение государственных институтов Ирака, рост влияния террористических группировок, включая ИГИЛ (признана террористической организацией и запрещена на территории Российской Федерации), и углубление межконфессиональных противоречий между суннитами

²¹² Luttwak E.N. *The Rise of China vs. the Logic of Strategy*. – Cambridge: Harvard University Press, 2012. – 320 p.

²¹³ Mearsheimer J., Walt S. *The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy*. – Farrar, Straus and Giroux, 2007. URL: <https://www.hks.harvard.edu/publications/israel-lobby-and-us-foreign-policy> (дата обращения: 15.07.2025)

и шиитами²¹⁴. Эти последствия подчеркивают риски силового подхода в условиях сложной социально-политической структуры региона.

Политика США также характеризуется поддержкой авторитарных режимов, что противоречит их риторике о демократизации. Стратегическое партнерство с Саудовской Аравией, направленное на противодействие Ирану и обеспечение стабильности нефтяных рынков, сопровождалось игнорированием внутренних репрессивных практик и косвенной поддержкой распространения радикальных идеологий. Одновременно санкционное давление на Сирию и Иран, оправдываемое необходимостью изоляции «враждебных» режимов, спровоцировало гуманитарные кризисы и создало вакуум влияния, который стали заполнять Россия и Китай. Это свидетельствует о противоречии между краткосрочными тактическими выгодами и долгосрочными рисками для региональной стабильности.

Особую проблему представляет односторонний характер решений Вашингтона, подрывающий многосторонние механизмы урегулирования. Признание Иерусалима столицей Израиля в 2017 году, вопреки позиции ООН и ключевых региональных игроков, не только заморозило арабо-израильский мирный процесс, но и усилило антиамериканские настроения среди традиционных союзников, таких как Иордания и Египет. Подобные шаги отражают недооценку символической и исторической значимости отдельных вопросов для ближневосточных обществ, что усложняет достижение компромиссов.

Экономические инструменты, включая санкции против Ирана в рамках политики «максимального давления», также оказались малоэффективными. Ограничения на экспорт нефти и доступ к финансовым системам привели к росту бедности и социальной напряженности внутри страны, но не привели к достижению цели по смене режима. Вместо этого Тегеран активизировал

²¹⁴ Nasr V. The Shia Revival: How Conflicts Within Islam Will Shape the Future. – W.W. Norton & Company, 2006. – URL: https://www.dissentmagazine.org/wp-content/files_mf/1389821623d12Hesova.pdf (дата обращения: 21.07.2025)

сотрудничество с Китаем и Россией, а также усилил поддержку прокси-групп в регионе, что дестабилизировало ситуацию в Йемене, Сирии и Ливане.

Стремление США сохранить статус доминирующей силы сталкивается с растущим сопротивлением как со стороны региональных игроков, так и глобальных конкурентов. Сокращение военного присутствия в Афганистане и Ираке было воспринято как сигнал о снижении вовлеченности Вашингтона, что подталкивает традиционных союзников – Саудовскую Аравию, ОАЭ, Катар – к многовекторной дипломатии и поиску альтернативных партнеров.

Таким образом, роль США в обеспечении безопасности Ближнего Востока эволюционирует от безусловного доминирования к ограниченному влиянию. Внутренние противоречия американской стратегии, выражающиеся в сочетании силовых интервенций, избирательной поддержки авторитаризма и односторонних действий, усугубили системные кризисы, создав почву для усиления внешних конкурентов. Современные вызовы требуют перехода от унилатерализма к многосторонним форматам, учитывающим интересы всех региональных акторов, однако текущая политика Вашингтона демонстрирует ограниченную готовность к таким изменениям.

- Китай формирует свою политику на Ближнем Востоке через стратегию экономической дипломатии и «мягкой силы», принципиально отличающуюся от силового подхода традиционных западных игроков. Основой взаимодействия Пекина с регионом стали масштабные инвестиции в энергетику, инфраструктуру и цифровые технологии, что превратило КНР в ключевого экономического партнера для Саудовской Аравии, ОАЭ и Ирана. Например, к 2023 году Китай обеспечивает более 20% нефтяного импорта из Саудовской Аравии, а проекты в рамках инициативы «Один пояс, один путь», такие как порт Халифа в ОАЭ или солнечные электростанции в Омане, укрепляют его влияние. Однако экономическая экспансия сопровождается скрытой конкуренцией с США и ЕС за доступ к ресурсам и рынкам, что создает новые геэкономические линии напряжения.

Отказ от прямого военного вмешательства – ключевой элемент китайской стратегии. Вместо размещения войск Пекин делает акцент на создании сети экономических зависимостей и развитии многосторонних диалоговых платформ. Участие КНР в Шанхайской организации сотрудничества и партнерство с Лигой арабских государств подчеркивают стремление к балансу между региональными акторами. Однако такая осторожность имеет обратную сторону: избегая однозначной поддержки конкретных коалиций, Китай сталкивается с ограничениями в разрешении кризисов. Например, в йеменском конфликте или сирийском урегулировании его роль остается маргинальной, что контрастирует с активностью России или США.

Китайский нейтралитет, хотя и снижает риски вовлечения в локальные конфликты, ставит под вопрос долгосрочную эффективность его подхода. С одной стороны, отсутствие идеологической повестки (в отличие от США) позволяет Пекину сотрудничать одновременно с Саудовской Аравией и Ираном, смягчая противостояние суннитов и шиитов. С другой, зависимость от энергоресурсов делает КНР уязвимой к колебаниям региональной стабильности. Санкции против Ирана, кризисы в Ормузском проливе или атаки на нефтяную инфраструктуру Саудовской Аравии напрямую угрожают китайским экономическим интересам.

Еще одним вызовом становится растущее недовольство в странах-реципиентах. Проект «Один пояс – один путь», несмотря на заявленные выгоды, часто критикуется за непрозрачность условий финансирования, долговые ловушки и игнорирование локальных экологических стандартов. Например, строительство города NEOM в Саудовской Аравии при участии китайских компаний вызвало протесты из-за нарушения прав коренного населения. Это подрывает имидж Китая как «нейтрального партнера» и усиливает антикитайские настроения, особенно в свете жесткого подавления уйгурского вопроса, который вызывает озабоченность у мусульманских стран.

Таким образом, роль Китая в обеспечении безопасности Ближнего Востока остается амбивалентной. Экономическая интеграция через «Один пояс – один путь» и дистанцирование от военных вмешательств позволяют Пекину укреплять

позиции без прямых рисков. Однако отсутствие четкой стратегии в сфере безопасности, зависимость от ресурсов и нарастающие внутренние противоречия в регионе ограничивают его возможности как арбитра.

- Российская Федерация реализует на Ближнем Востоке стратегию, сочетающую военно-политическое вмешательство, дипломатическое посредничество и экономическое сотрудничество. Возвращение Москвы в регион после 2015 года, выраженное в поддержке сирийского правительства в борьбе с террористическими группировками, стало ключевым фактором переформатирования региональной безопасности. Военная операция в Сирии, направленная на сохранение режима Башара Асада, позволила России позиционировать себя как гаранта стабильности. Разгром ИГИЛ (признана террористической организацией и запрещена на территории Российской Федерации) и восстановление контроля Дамаска над значительной частью территории были представлены как успех в противодействии экстремизму.

Российская дипломатия делает акцент на принципы уважения суверенитета и международного права, противопоставляя их политике «силового демократизма» Запада. Участие в Астанинском процессе по Сирии (совместно с Турцией и Ираном) подчеркнуло стремление Москвы к созданию инклюзивных платформ, где учитываются позиции всех конфликтующих сторон.

Военно-техническое сотрудничество с Алжиром, Ираком и Египтом, включая поставки систем ПВО и современных вооружений, укрепляет позиции Москвы как альтернативного поставщика безопасности. Однако зависимость от сделок с авторитарными режимами создает риски: санкционное давление Запада на партнеров России (как в случае с Алжиром) может ограничивать реализацию проектов. Кроме того, акцент на военные поставки нередко затмевает необходимость инвестиций в социально-экономическое развитие региона, что ограничивает долгосрочное влияние.

Энергетическое взаимодействие – еще один столб российской стратегии. Строительство АЭС «Эль-Дабба» в Египте и проекты в области газового экспорта (например, сотрудничество с Турцией по «Турецкому потоку») формируют

взаимозависимость, снижающую вероятность открытых конфликтов. Однако энергетическая экспансия сталкивается с конкуренцией со стороны США и ЕС, продвигающих сжиженный природный газ и возобновляемые источники энергии. Санкции против российских компаний, таких как «Роснефть» или «Газпром», также осложняют реализацию инфраструктурных инициатив.

Несмотря на заявленный нейтралитет, Россия вынуждена балансировать между противоречивыми интересами региональных игроков. Например, партнерство с Ираном в Сирии вступает в противоречие с двусторонними отношениями с Россией и Израиля, который регулярно наносит удары по иранским объектам. Аналогично, сотрудничество с Турцией в рамках Астанинского процесса не устранило разногласий по Карабаху или Ливии. Это подчеркивает ограниченность российского влияния: Москва способна выступать как тактический союзник, но не как арбитр, способный разрешать глубинные противоречия.

Таким образом, роль России в региональной безопасности Ближнего Востока остается многоплановой, но уязвимой к внешним и внутренним вызовам. Военные успехи в Сирии и дипломатическая активность укрепили ее позиции, однако зависимость от авторитарных режимов, санкционные риски и необходимость балансировать между конфликтующими акторами ограничивают стратегическую устойчивость.

- Европейский Союз, декларирующий свою роль как «нормативного актора» в международных отношениях, стремится к самостоятельному влиянию на обеспечение безопасности на Ближнем Востоке. Однако его устремления сталкиваются с системными ограничениями, ключевым из которых остается зависимость от трансатлантического партнерства с США. Исторически ЕС балансирует между стремлением к стратегической автономии и необходимостью координации с Вашингтоном, что создает институциональную дилемму суверенитета. Эта двойственность особенно заметна в ближневосточном контексте, где действия Союза часто корректируются в соответствии с американской повесткой, например, в вопросах санкционной политики в отношении Ирана или поддержки Израиля. Несмотря на институциональные реформы, включая создание

Европейской службы внешних действий, ЕС не преодолел фрагментацию внешнеполитических подходов государств-членов, что продолжает ослаблять его способность выступать единым субъектом в регионе.

Ключевыми направлениями политики ЕС в ближневосточном регионе выступают миграционный контроль, энергетическая безопасность и продвижение правозащитных норм. В энергетической сфере, особенно после кризиса 2014 года, связанного с украинскими событиями, Союз активизировал диверсификацию поставок, включая импорт сжиженного природного газа из Катара. Однако данная стратегия не устранила зависимость от внешних поставщиков, а лишь перераспределила риски. Попытки ЕС увязать энергетические соглашения с нормативными условиями, такими как соблюдение прав человека, часто игнорируются партнерами, что подчеркивает ограниченность инструментов «мягкой силы». Например, соглашения с Алжиром или Египтом редко содержат действенные механизмы влияния на авторитарные режимы, ставя под сомнение декларируемую ценностную ориентацию внешней политики ЕС.

Миграционная политика Союза, направленная на сокращение нелегальных потоков через партнерство с Турцией и странами Северной Африки, также сталкивается с критикой. Договоренности, подобные соглашению с Анкарой 2016 года, приводят к экстернализации проблемы, передавая ответственность третьим странам, что усугубляет гуманитарные кризисы и снижает доверие к ЕС средиземноморских государств. Внутренние разногласия внутри Союза, включая противостояние между западноевропейскими и восточноевропейскими странами, лояльными США, дополнительно подрывают единство действий. Это проявилось, в частности, в дискуссиях вокруг Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе, где позиции Берлина и Парижа в поддержку диалога с Тегераном противоречили жесткой линии, поддерживаемой восточноевропейскими государствами.

Роль ЕС как «нормативной силы», предполагающей продвижение демократических ценностей, сталкивается с противоречиями на практике. Финансирование проектов, связанных с гендерным равенством или свободой СМИ

в Тунисе и Ливане, нередко воспринимается местными элитами как вмешательство во внутренние дела, что отражает культурно-политический разрыв между европейскими стандартами и региональными реалиями. Двойные стандарты ЕС, например, сдержанная позиция в отношении нарушений прав человека в Саудовской Аравии ради сохранения энергетического диалога, дополнительно подрывают моральный авторитет Союза.

Эскалация украинского кризиса в 2022 году актуализировала зависимость ЕС от США в сфере безопасности, что сократило его переговорный потенциал на Ближнем Востоке. Необходимость консолидации с НАТО в условиях противостояния с Россией ограничила возможности Союза выступать нейтральным посредником в таких конфликтах, как сирийский или йеменский. Это показывает взаимосвязь региональной и глобальной безопасности, где действия ЕС все чаще воспринимаются как вторичные по отношению к интересам Вашингтона.

Таким образом, роль Европейского Союза в архитектуре безопасности Ближнего Востока остается амбивалентной. Несмотря на стремление формировать повестку через нормативные и экономические инструменты, влияние Союза ограничено внутренней разобщенностью, зависимостью от трансатлантической оси и диссонансом между риторикой и практикой. Для укрепления позиций ЕС необходимо не только преодолеть расхождения между государствами-членами, но и пересмотреть подходы к взаимодействию с регионом, сместив фокус с идеалистических установок на прагматичное признание многомерности локальных конфликтов. Без таких изменений Союз рискует сохранить статус периферийного игрока в системе региональной безопасности, где доминирующие позиции занимают США, Китай и Россия.

Роль внерегиональных акторов в энергетической и политической архитектуре Ближнего Востока представляет собой сложный симбиоз конкуренции, прагматизма и стратегического манипулирования. США и ЕС, используя санкции, силовое давление и поддержку гражданских институтов, стремятся закрепить свое влияние.

Альтернативные модели сотрудничества, продвигаемые Россией и Китаем, также не свободны от противоречий. Российская стратегия, сочетающая военно-политическое присутствие с энергетическими проектами, обеспечивает Москве рычаги влияния, но ее стабилизирующий эффект носит ситуативный характер. Разрушение государственности и раздробление сирийского государства, рост зависимости Дамаска от внешней поддержки демонстрируют, что «стабильность» является синонимом консервации конфликта, а не его разрешения. В конечном итоге, слабость самого правительства и отсутствие достаточной политической воли привели к моментальному падению законной власти и приходу оппозиционных группировок.

Страны региона, от Саудовской Аравии до Катара, активно используют конкуренцию внерегиональных игроков для укрепления собственных позиций. Например, ОАЭ и Бахрейн, развивая партнерство с Китаем в сфере ВИЭ, параллельно сохраняют тесные военные связи с США, что позволяет им диверсифицировать риски и максимизировать выгоды. Энергетическая политика Турции, балансирующей между российскими газовыми поставками и западными технологиями, иллюстрирует, как региональные акторы превращают многополярность в инструмент суверенного маневрирования.

При этом, многополярность не устраняет структурное неравенство, а перераспределяет его: конкуренция за ресурсы и транзитные коридоры обостряет противоречия внутри региона (соперничество Саудовской Аравии и Ирана, кризис в Ливии), а зависимость от внешних инвестиций ограничивает подлинную экономическую автономию. Кроме того, право на самоопределение часто игнорирует внутренние расколы: например, курдские анклав в Ираке и Сирии остаются заложниками противоречий между Турцией, США и Россией.

Качественный перелом в системе региональной безопасности Ближнего Востока наступил в конце февраля 2026 года, когда США совместно с Израилем предприняли масштабную военную операцию против Ирана, проведение которой продиктовано рядом причин: во-первых, «Двенадцатидневная война» существенно

ослабила оборонительный потенциал Ирана и его прокси-группировок, во-вторых, волна прошедших протестов в Иране в конце 2025 года – начале 2026 года были восприняты Вашингтоном и Тель-Авивом как признак эрозии внутренней легитимности режима²¹⁵. В отличие от предшествующих десятилетий, характеризовавшихся практикой точечных ударов и киберопераций, данная операция приобрела характер массированных атак на критически важную инфраструктуру:

- военные объекты, включая центры управления ракетными силами, склады беспилотных систем и командные пункты Корпуса стражей исламской революции;
- ядерная, в том числе предприятия по обогащению урана в Натанзе и Фордо, а также объекты, связанные с разработкой центрифуг;
- энергетическая, в том числе нефтеперерабатывающие мощности в районе острова Харк и поря Бендер-Аббас.

Также в целях полной стратегической перестройки регионального порядка США и Израилем ликвидировано высшее военно-политическое руководство Ирана, на протяжении десятилетий позиционировавшего себя как альтернативный центр силы²¹⁶, что в конечном итоге привело только к ещё большей эскалации и переходу конфликта в открытую фазу ввиду исчерпания потенциала неформальных механизмов сдерживания между Тегераном и Вашингтоном.

В ответ на удары коалиции Ираном реализован комплекс мер, имеющих стратегический, асимметричный и многоуровневый характер:

215 د. محمود حمدي أبو القاسم و د. محمد الصياد الحرب الأمريكية على إيران. الدوافع والتحديات وبدائل السياسات [Электронный доступ] URL: <https://rasanah-iiis.org/%d8%a7%d9%84%d8%ad%d8%b1%d8%a8-%d8%a7%d9%84%d8%a3%d9%85%d8%b1%d9%8a%d9%83%d9%8a%d8%a9-%d8%b9%d9%84%d9%89-%d8%a5%d9%8a%d8%b1%d8%a7%d9%86-%d8%a7%d9%84%d8%af%d9%88%d8%a7%d9%81%d8%b9-%d9%88%d8%a7%d9%84/> (дата обращения 31.03.2026)

216 د. محمود حمدي أبو القاسم و د. محمد الصياد الحرب الأمريكية على إيران. الدوافع والتحديات وبدائل السياسات [Электронный доступ] URL: <https://rasanah-iiis.org/%d8%a7%d9%84%d8%ad%d8%b1%d8%a8-%d8%a7%d9%84%d8%a3%d9%85%d8%b1%d9%8a%d9%83%d9%8a%d8%a9-%d8%b9%d9%84%d9%89-%d8%a5%d9%8a%d8%b1%d8%a7%d9%86-%d8%a7%d9%84%d8%af%d9%88%d8%a7%d9%81%d8%b9-%d9%88%d8%a7%d9%84/> (дата обращения 31.03.2026)

- в отличие от предыдущих иранских атак, текущая кампания отличалась системностью: объектами поражения стали ключевые узлы американского военного присутствия в регионе, к примеру, военно-морская база в Бахрейне (штаб Пятого флота), авиабаза Эль-Удейд в Катаре, порт Джебель-Али в Объединенных Арабских Эмиратах, лагерь Арифджан в Кувейте;

- ударам Ирана подверглись объекты добычи и переработки нефти в регионе, производство СПГ, продемонстрировав отказ от ранее соблюдавшегося принципа ненападения на энергетическую инфраструктуру региональных акторов;

- силовыми методами Иран добился почти полной остановки судоходства через Ормузский пролив, через который ранее осуществлялась транспортировка порядка 20% мировых объемов нефти и значительной части сжиженного природного газа.

Также, несмотря на публичные заявления администрации Трампа о «полном разгроме» военной машины Ирана на фоне призывов союзников к открытию Ормузского пролива, Тегеран сохраняет способность «асимметричного сдерживания», делая акцент на поражении ключевых узлов американского военного присутствия в регионе. Кроме того, особенно показательным является неспособность Вашингтона гарантировать безопасность своим традиционным союзникам в регионе Персидского залива, что поставило страны региона перед необходимостью пересмотра собственной стратегии противодействия асимметричным угрозам Ирана.

В результате произошла глубинная трансформация архитектуры безопасности Ближнего Востока. Во-первых, усилилась фрагментация регионального пространства: биполярная логика противостояния «ось сопротивления – умеренные монархии» сменилась множественностью конфликтных линий, включая прямые столкновения между Ираном и США на территории государств Персидского залива.

Во-вторых, энергетический фактор, традиционно рассматривавшийся в категориях структурной экономической зависимости, трансформировался в инструмент прямого военного и геополитического воздействия. Он стал

одновременно источником уязвимости для экспортеров и импортеров углеводородов, объектом вооруженной борьбы и средством стратегического давления, определяющим поведение как региональных, так и глобальных акторов.

В данном контексте система региональной безопасности Ближнего Востока переживает качественно новое состояние, характеризующееся полицентричностью, энергетической милитаризацией и ещё большей степенью неопределенности.

Таким образом, текущая трансформация системы региональной безопасности Ближнего Востока обусловлена переплетением стратегий ведущих внешних акторов, которые, несмотря на декларируемые идеологические установки, руководствуются прагматическими интересами в энергетической, технологической и военно-политической сферах. Агрессия США и Израиля против Ирана стала катализатором истощения прежних неформальных механизмов сдерживания, заменив их открытой конфронтацией. При этом энергетический фактор из структурного ресурса в инструмент прямого военного и геополитического воздействия. Следствием стало разрушение биполярной конфигурации регионального противостояния и переход к полицентричной модели, характеризующейся множественностью конфликтных линий и высокой степенью неопределенности.

2.3 Влияние энергетического фактора на баланс сил на Ближнем Востоке

Энергетический фактор выступает одним из системообразующих элементов региональной безопасности Ближнего Востока, формируя динамику взаимодействия между региональными и внерегиональными акторами через призму контроля над углеводородными ресурсами, инфраструктурой и транзитными маршрутами. Распределение углеводородных ресурсов, их добыча и транспортировка исторически выступают ключевым элементом «валюты власти»²¹⁷. Эта «валюта» не только обеспечивает экономические преимущества, но и перераспределяет политическое влияние, определяя

²¹⁷ Klare M. Resource Wars: The New Landscape of Global Conflict. – N.Y.: Metropolitan Books, 2001. – 304 с.

конфигурацию альянсов, конфликтов и зон напряженности. Например, соперничество Саудовской Аравии и Ирана за доминирование в Персидском заливе во многом обусловлено стремлением контролировать крупнейшие мировые запасы нефти и газа, что подпитывает прокси-конфликты. В свою очередь, проекты транспортировки энергоресурсов, такие как трубопровод «Восточная Сирия» или газовые маршруты Катара, становятся инструментом усиления влияния, провоцируя вмешательство США, России и Китая, чьи интересы в обеспечении энергетической безопасности сталкиваются в регионе.

Энергетические ресурсы, выступая ключевым элементом геополитики Ближнего Востока, формируют сложную систему взаимодействий в рамках модели «страны-экспортеры – страны-импортеры», подчеркивая актуальные векторы этого влияния²¹⁸. К примеру, санкционный режим, наложенный на Тегеран западными странами, существенно ограничил его доступ к глобальным рынкам углеводородов, однако не привел к изоляции, а, напротив, стимулировал переориентацию энергетической дипломатии на создание региональных альянсов. Реализуя льготные поставки газа в Ирак и Сирию, Иран не только обеспечивает экономическую стабильность этих государств, но и формирует ось стратегического влияния, пронизанную шиитской идентичностью. Данная ось, противостоящая суннитским монархиям Персидского залива во главе с Саудовской Аравией, становится инструментом перераспределения сил в регионе, где энергоресурсы выступают валютой политической лояльности.

Ограничения на экспорт нефти, наложенные санкциями, вынуждают Тегеран компенсировать экономические потери за счет асимметричных методов, которые трансформируют энергетическую конкуренцию в открытую конфронтацию²¹⁹. Поддержка прокси-групп в Йемене, таких как хуситы, способных дестабилизировать ключевые нефтетранспортные маршруты в Красном море, а также осуществлять атаки на танкеры в Ормузском проливе Иран оказывает

²¹⁸ OPEC Annual Report. – 2023. – URL: <https://www.opec.org/assets/assetdb/annual-report-2023.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).

²¹⁹ Ansari A. Iran's Asymmetric Diplomacy. – L.: Chatham House, 2020. – 45 p.

давление на конкурентов, одновременно демонстрируя уязвимость энергетической безопасности суннитских монархий и их западных союзников. Эти действия не только подрывают стабильность региона, но и эскалируют противостояние с Саудовской Аравией, чья экономика критически зависит от бесперебойного экспорта углеводородов, и с США, выступающими гарантом безопасности судоходства в Персидском заливе.

В то же время катарский опыт демонстрирует, что контроль над критически важными ресурсами способен компенсировать традиционные геополитические слабости. В период блокады 2017-2021 годов, инициированной Саудовской Аравией, ОАЭ, Бахрейном и Египтом с целью изоляции Дохи по обвинениям в поддержке радикальных группировок и сближении с Ираном, энергетический фактор стал основой выживания режима²²⁰. Несмотря на разрыв дипломатических отношений и закрытие границ, Катар сохранил экономическую стабильность благодаря диверсифицированным экспортным потокам СПГ, ориентированным на рынки Азии и Европы. Доходы от газа не только обеспечили финансирование социальных программ и инфраструктурных мегапроектов, но и позволили аккумулировать суверенные фонды, смягчившие последствия санкций. Более того, газовый экспорт усилил переговорные позиции Катара на международной арене, сделав его незаменимым партнером для энергозависимых государств, включая ключевых членов НАТО и Восточной Азии.

Парадоксальным образом энергетическая взаимозависимость, часто рассматриваемая как источник конфликтов, в данном случае стала механизмом сдерживания эскалации. Давление со стороны ССАГПЗ не привело к ожидаемому коллапсу катарской экономики, поскольку сами инициаторы блокады оказались заложниками сложившейся системы поставок. Яркой иллюстрацией этой двойственности стал трубопровод Dolphin, через который Катар продолжал поставлять газ в ОАЭ даже на пике кризиса. Данный проект, реализованный

²²⁰ Gulf Cooperation Council (GCC). Qatar Blockade: Official Documents. – 2017. – URL: <https://www.gcc-sg.org> (дата обращения: 10.05.2025).

в 2000-х годах, изначально задумывался как инструмент углубления региональной интеграции, однако в условиях конфликта трансформировался в канал вынужденного компромисса: Абу-Даби, зависимый от катарского газа для покрытия внутренних потребностей, не смог полностью разорвать экономические связи, что ограничило эффективность блокады. Этот пример подчеркивает амбивалентную природу энергетической взаимозависимости, которая, с одной стороны, обостряет конкуренцию за контроль над ресурсами, а с другой формирует «страховочные сети», снижающие риски открытой конфронтации.

Противоположным примером являются государства с ограниченными запасами углеводородов, которые вынуждены искать альтернативные механизмы обеспечения энергобезопасности. Для таких стран, как Иордания и Ливан, зависимость от импорта энергоносителей трансформируется в системную уязвимость, где доступ к ресурсам становится вопросом выживания экономики и стабильности политического режима²²¹. Однако парадокс заключается в том, что даже отсутствие собственных месторождений не исключает вовлеченности в энергетическую геополитику: контроль над инфраструктурой или транзитными коридорами способен компенсировать ресурсный дефицит, превращая географическое положение в инструмент влияния.

Ярким примером подобной трансформации выступает Турция, которая, не обладая значительными запасами углеводородов, утвердилась в роли ключевого энергетического хаба, связывающего Каспийский регион, Ближний Восток и Европу. Проекты «Турецкий поток» и Трансанатолийский газопровод не только диверсифицировали европейские поставки, «снизив» зависимость Европейского Союза от российского газа, но и позволили Анкаре использовать энергетические маршруты как рычаг двустороннего давления. Этот статус, однако, сопряжен с рисками: турецкие амбиции в Восточном Средиземноморье, где разведаны крупные шельфовые месторождения, привели к эскалации конфликта с Грецией

²²¹ IMF. Jordan and Lebanon: Energy Dependence Risks. – 2022. – URL: <https://www.imf.org> (дата обращения: 10.05.2025).

и Кипром. Попытки Анкары оспорить исключительные экономические зоны этих стран, опираясь на спорные трактовки международного права, поставили под удар единство НАТО и выявили противоречие между энергетической экспансией и нормами многосторонней дипломатии.

Аналогичные противоречия прослеживаются в позиции Египта, который, обладая Суэцким каналом и заводами по сжижению газа, балансирует между ролью транзитера и регионального игрока. Включение Каира в Восточно-средиземноморский газовый форум подчеркивает стремление перейти от транзитной зависимости к созданию энергетического альянса, конкурирующего с турецкими инициативами. Тем не менее, внутренние экономические проблемы ограничивают самостоятельность Египта, вынуждая его лавировать между интересами США, ЕС и арабских монархий.

Для стран-импортеров, таких как Иордания и Ливан, энергетический фактор приобретает иную размерность. Отсутствие диверсифицированных источников поставок, усугубленное политической нестабильностью (в случае Ливана), превращает энергоснабжение в инструмент внешнего манипулирования. Например, зависимость Аммана от израильского газа по контракту 2016 года не только усиливает экономическую уязвимость, но и ограничивает внешнеполитический суверенитет, вынуждая Иорданию учитывать израильско-палестинский контекст. Ливан, столкнувшийся с коллапсом энергосистемы в 2020-2023 гг., демонстрирует, как дефицит ресурсов может стать катализатором социально-политического кризиса, открывая пространство для вмешательства внешних акторов от Ирана до Саудовской Аравии.

Действия внешних акторов формируют систему «конкурентной взаимозависимости», в рамках которой энергетическая инфраструктура приобретает двойственную природу, выступая одновременно инструментом геополитического влияния и источником системных уязвимостей. Данный феномен обусловлен тремя взаимосвязанными трендами, отражающими трансформацию глобального порядка:

- переход от монополярной к полицентричной конфигурации власти радикально меняет баланс сил;
- углубляется противоречие между экономизацией и секьюритизацией энергетических потоков. При этом сама инфраструктура – трубопроводы, терминалы СПГ – превращается в «точки напряжения», где пересекаются экономические интересы и военно-стратегические расчеты;
- структурные противоречия между нормативными рамками и прагматическими интересами внешних игроков приобретают хронический характер.

В данном контексте энергетический фактор на Ближнем Востоке действует как мультипликатор асимметрии: страны-экспортеры конвертируют ресурсы в политический капитал, транзитеры используют инфраструктуру для усиления положения в регионе, а импортеры оказываются заложниками структурных дисбалансов²²². Эта триада формирует цикличность конфликтов, где борьба за контроль над ресурсами и маршрутами их транспортировки переплетается с вопросами легитимности, суверенитета и международно-правовых рамок, создавая перманентное напряжение в регионе. Подобная динамика не только перекраивает традиционные альянсы (например, сближение Турции с Россией в энергетической сфере вопреки членству в НАТО), но и определяет траекторию глобальной энергобезопасности, делая Ближний Восток узловой точкой в мировой экономике XXI века.

Таким образом, энергетический фактор, выступая основой политико-экономической архитектуры региона, формирует парадоксальный симбиоз стабильности и системных угроз. Выявленная институциональная ловушка, порожденная многолетней зависимостью от углеводородного профиля, трансформирует энергетику в источник стратегических рисков, консервируя модели управления, фискальные механизмы и социальные контракты. Это превращает государства в «заложников» собственных рентных систем

²²² Harvey D. *The New Imperialism*. – Oxford: OUP, 2003. – 256 p.

– структурная привязка к экспорту и импорту углеводородов блокирует адаптацию к глобальным трендам.

Для государств-экспортеров углеводородов (Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Иран, Ирак, Кувейт) энергоресурсы выступают основой социального контракта, связывающего правящие элиты и население. Рентные доходы от нефти и газа финансируют масштабные субсидии, социальные программы и инфраструктурные мегапроекты, обеспечивая лояльность граждан и подавление социального недовольства. Однако эта модель порождает «ресурсное проклятие», проявляющееся в трех измерениях:

- монокультурность экономик: зависимость от углеводородов делает бюджеты уязвимыми к ценовым шокам;
- институциональная деградация: рентная модель подавляет развитие несырьевых секторов, консервирует коррупционные схемы и блокирует реформы, усиливая структурные дисфункции;
- энергопереходные риски: глобальная декарбонизация подрывает долгосрочную устойчивость экспортно-ориентированных экономик, вынуждая их инвестировать в диверсификацию, однако темпы адаптации отстают от мировых трендов.

Для импортеров энергетическая зависимость становится фактором внутренней нестабильности. Субсидиарные модели и провалы в диверсификации трансформируют энергодефицит в социально-политические угрозы, такие как рост цен на энергию и социальную напряженность.

Для внерегиональных держав энергетика служит инструментом переформатирования баланса сил: США используют ее для сдерживания Ирана и России, Китай – для экономической экспансии, Россия – для восстановления многополярности. При этом глобальный энергопереход к «зеленой» экономике добавляет новое измерение конкуренции: страны Залива, инвестируя в водород и ВИЭ, пытаются адаптироваться, тогда как зависимость ЕС от импорта газа делает его уязвимым к кризисам.

Энергетический фактор на Ближнем Востоке формирует парадоксальную систему, где ресурсное изобилие и транзитные преимущества одновременно обеспечивают стабильность и генерируют кризисы. Экспортеры, импортеры и транзитеры связаны взаимозависимостью, которая проявляется в конфликте между краткосрочными выгодами (рентные доходы, геополитическое влияние) и долгосрочными рисками (декарбонизация, социальные взрывы). Устойчивость региональной безопасности зависит от способности акторов преодолеть структурные дисбалансы, в частности монокультурность экономик, коррупцию, инфраструктурную хрупкость, через синхронизацию национальных стратегий с глобальными энергопереходными трендами. Однако перманентная геополитическая турбулентность, усиливающаяся конкуренция за ресурсы и транзитные маршруты, а также институциональная слабость ключевых игроков оставляют регион в «ловушке переходного периода», где энергетика остается одновременно решением и проблемой.

Глава 3 Тенденции энергетической безопасности Ближнего Востока и их влияние на региональную безопасность

3.1 Энергетические ресурсы как фактор геополитической конкуренции на Ближнем Востоке

Энергетические ресурсы, сосредоточенные на Ближнем Востоке, играют принципиально двойственную роль в современной геополитической и экономической динамике региона, выступая одновременно локомотивом национального развития и ключевым инструментом проекции власти. С экономической точки зрения, углеводородные богатства – нефть и природный газ – составляют основу бюджетов большинства государств региона, обеспечивая финансирование масштабных инфраструктурных проектов, социальных программ и диверсификационных инициатив. Например, в Саудовской Аравии доходы от экспорта нефти, составляющие свыше 60% ВВП, позволяют реализовывать стратегию «Видение 2030»²²³, направленную на снижение зависимости от сырьевого сектора, тогда как Катар использует газовые доходы для создания глобальных инвестиционных фондов и укрепления статуса международного посредника. Однако эта экономическая функция неотделима от стратегического измерения: контроль над месторождениями, логистическими маршрутами (такими как Ормузский пролив или Баб-эль-Мандебский пролив) и перерабатывающими мощностями трансформирует энергоресурсы в инструмент политического давления, позволяющий государствам формировать региональные альянсы, блокировать действия оппонентов и влиять на глобальные рынки.

Энергетическая конкуренция на Ближнем Востоке, будучи характерной чертой, исторически выступала катализатором кризисов, радикально трансформировавших не только региональную, но и глобальную экономико-политическую архитектуру. Эта динамика, уходящая корнями в стратегическую значимость углеводородов как инструмента власти, находит яркое воплощение в ряде ключевых событий XX-XXI веков, каждое из которых подчеркивает, как

²²³ Программа «Видение 2030» Королевства Саудовской Аравии. 2016. –URL: <https://vision2030.gov.sa> (дата обращения: 08.09.2024)

контроль над энергоресурсами переплетается с вопросами национального суверенитета, военной конфронтации и перераспределения влияния на мировой арене. Наиболее репрезентативным примером остается нефтяное эмбарго 1973 года, введенное арабскими членами ОПЕК в ответ на поддержку Западом Израиля в войне Судного дня. Однако за формальным предлогом «нефть в обмен на политические уступки» скрывался сдвиг: впервые энергоресурсы были использованы не просто как экономический актив, но как оружие системного давления, способное переформатировать глобальные альянсы. Четырехкратный рост цен на нефть, парализовавший экономики США и Европы, продемонстрировал уязвимость индустриального мира перед региональной солидарностью экспортеров, заложив основы современной концепции энергобезопасности и стимулировав поиск альтернативных источников энергии. При этом эмбарго укрепило статус Саудовской Аравии не только экономического, но и идеологического лидера арабского мира, чьи решения стали напрямую влиять на баланс сил в холодной войне, учитывая зависимость СССР от нефтяных доходов и сближение Вашингтона с монархиями Персидского залива.

Ирано-иракская война 1980-1988 годов трансформировала энергетическую конкуренцию в форму прямого военного уничтожения инфраструктуры, подчеркнув, что борьба за ресурсы способна принимать характер тотальной конфронтации²²⁴. Обе стороны, осознавая взаимозависимость экономик от экспорта нефти, целенаправленно атаковали нефтяные терминалы, танкеры и месторождения, что привело к сокращению добычи в Персидском заливе на 25% и спровоцировало волатильность цен, ударившую по странам-импортерам от Бразилии до Индии. Этот конфликт, часто интерпретируемый через призму суннитско-шиитского антагонизма, имел и четкое экономическое измерение: Ирак стремился ослабить позиции Ирана как второго по мощности игрока в ОПЕК, чтобы усилить собственное влияние на квоты добычи, тогда как Тегеран использовал войну для консолидации антизападной риторики, связывая поддержку

²²⁴ КОРТУНОВ А.В. Ирано-иракская война: Энергетика и геополитика. – М.: Международные отношения, 2015. – 288 с.

Саддама Хусейна США с «неоколониальным» желанием контролировать региональные ресурсы²²⁵. Дестабилизация залива, усугубленная атаками на танкеры, вынудила Вашингтон напрямую вмешаться, начав операцию «Earnest Will» по защите судоходства, что стало прецедентом милитаризации энергетических маршрутов, о чем свидетельствует противостояние вокруг Ормузского пролива.

Эскалация логики «ресурсных войн» достигла апогея в 1990 году с вторжением Ирака в Кувейт, где экономические и территориальные амбиции тесно сплелись воедино²²⁶. Захват Кувейта, обладавшего 8% мировых запасов нефти, не только удваивал иракские резервы, но и давал Багдаду беспрецедентный контроль над ценообразованием в ОПЕК, угрожая саудовским интересам и глобальным рынкам. Ответная операция «Буря в пустыне», легитимированная ООН, формально подавалась как защита суверенитета, однако ее подтекст отражал стратегическую невозможность допустить монополизацию энергоресурсов в руках агрессивного режима²²⁷. Последствия конфликта вышли далеко за рамки региона: временный шок на рынках ускорил переход США к политике «энергетической независимости», а Саудовская Аравия, разрешив размещение американских баз, укрепила свой статус как гаранта стабильности поставок, что позже стало основой для стратегического партнерства в рамках «нефтедолларового» консенсуса.

Эти кризисы, будучи хронологически отдаленными, объединены общей нитью: они демонстрируют, что энергетические ресурсы Ближнего Востока функционируют не только как экономический актив, но и как «валюта» геополитического влияния, способная перекраивать международные союзы и провоцировать военные столкновения²²⁸. Каждый из конфликтов по-своему повлиял на глобальную экономику, заставляя государства пересматривать

²²⁵ Chubin S. *Iran and Iraq at War*. – L.: I.B. Tauris, 1988. – 210 p.

²²⁶ Gordon M. *The Gulf War: A History*. – N.Y.: Random House, 1993. – 450 p.

²²⁷ UN Security Council Resolution 678. – 1990. – URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Chap%20VII%20SRES%20678.pdf> (дата обращения: 11.05.2023).

²²⁸ Yergin D. *The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations*. – L.: Penguin, 2020. – 320 p.

доктрины безопасности, диверсифицировать импорт и наращивать военное присутствие в критических точках от проливов до шельфовых месторождений. В этом контексте современные трения вокруг Катара, санкции против Ирана или борьба за ресурсы Восточного Средиземноморья выглядят не разрозненными эпизодами, а звеньями единой цепи, где история служит ключом к пониманию того, почему контроль над углеводородами остается главным призом в ближневосточной «Великой игре».

С наступлением XXI века энергетическая конкуренция на Ближнем Востоке претерпела качественную трансформацию, сохранив при этом свою роль стержня региональных и глобальных кризисов. Если в 1970-х годах конфликты вокруг углеводородов развивались преимущественно в плоскости экономического принуждения, как это продемонстрировало нефтяное эмбарго 1973 года, где ресурсы использовались для политического шантажа через манипуляции рынком²²⁹, то к 2000-м годам доминирующей моделью стала прямая военно-политическая экспансия, направленная на установление физического контроля над месторождениями и инфраструктурой. Эта эволюция отражала не только изменение глобального спроса на энергоносители, но и растущую взаимосвязь между энергобезопасностью, нестабильностью государств и фрагментацией суверенитетов в условиях постбиполярного мира.

Вторжение международной коалиции под руководством США в Ирак в 2003 году, формально обоснованное необходимостью ликвидации «оружия массового поражения» и демонтажа авторитарного режима Саддама Хусейна, на глубинном уровне стало кульминацией стратегии, направленной на передел энергетической карты региона. Обладая вторыми по величине в мире доказанными запасами нефти, Ирак представлял собой не просто геополитический, но и экономический интерес, способный переформатировать баланс сил в ОПЕК и обеспечить долгосрочный контроль Запада над ключевыми ресурсами. Вашингтон, опираясь на доктрину «превентивной войны», стремился не только

²²⁹ Painter D.S. *Oil and the American Century*. – Baltimore: JHU Press, 1986. – 310 p.

нейтрализовать потенциальную угрозу со стороны Багдада, но и создать плацдарм для проекции влияния в сердцевине «нефтяного полумесяца», охватывающего Саудовскую Аравию, Иран и Кувейт. Однако последствия вторжения выявили принципиальное отличие от кризисов прошлого: если в 1973 и 1990 годах шоковые эффекты ограничивались ценовыми скачками и перераспределением долей рынка, то оккупация Ирака спровоцировала цепную реакцию распада государственности, превратив энергоресурсы в катализатор внутренней и региональной конфликтности.

Дестабилизация иракской государственной машины, усугубленная ростом курдского сепаратизма на севере и шиитско-суннитским противостоянием на юге, привела к тому, что нефтеносные регионы Мосула и Киркука превратились в эпицентры борьбы за ресурсный суверенитет. Провозглашение Курдистаном в 2014 году независимого нефтяного экспорта в обход Багдада, поддержанное транснациональными корпорациями, не только подорвало конституционные основы Ирака, но и активизировало вмешательство региональных игроков²³⁰. Турция, стремясь предотвратить создание курдского государства, способного дестабилизировать ее собственные юго-восточные области, установила военный контроль над нефтепроводами, ведущими к порту Джейхан, тогда как Иран, используя шиитские ополчения, начал консолидировать влияние вокруг месторождений Басры. Парадоксальным образом, американская операция, задуманная как инструмент монополизации ресурсов, породила полицентричную конкуренцию, в которой энергетические активы стали разменной монетой в руках как государств, так и негосударственных акторов.

Наиболее ярким проявлением этой новой реальности стало возникновение «Исламского государства» (организация запрещена на территории Российской Федерации), превратившего контроль над нефтяными объектами Сирии и Ирака в основу своей квазигосударственной экономики. В отличие

²³⁰ Gunter M. *Kurdish Oil Politics in Iraq and Syria*. – L.: Routledge, 2020. – 156 p.

от ОПЕК, использовавшей эмбарго как инструмент системного давления, ИГ (признана террористической организацией и запрещена на территории Российской Федерации) применяло тактику «ресурсного партизанизма»: незаконная добыча, контрабанда нефти через теневые сети и шантаж международных компаний демонстрировали, что в условиях распадающихся государств энергоносители могут стать инструментом не только геополитики, но и транснационального терроризма. Это создало принципиально новую угрозу – гибридную войну за ресурсы, где традиционные межгосударственные конфликты переплетаются с деятельностью нерегулируемых акторов, способных дестабилизировать глобальные рынки через локальные акты саботажа.

Гражданская война в Ливии в период с 2011 по 2020 год стала еще одним воплощением трансформации энергетической конкуренции в эпоху управляемого хаоса, где контроль над углеводородами превратился в инструмент фрагментации суверенитета и геополитического реваншизма²³¹. Свержение режима Муаммара Каддафи в 2011 году в результате интервенции НАТО, формально опиравшейся на доктрину «ответственности защищать», на практике открыло этап борьбы за передел ливийских нефтяных ресурсов, оцениваемых в 48 млрд баррелей. Если при Каддафи нефть служила основой централизованного государства, распределявшего ренту через кланово-племенные сети, то его устранение разрушило эту хрупкую систему, превратив энергоресурсы в ядро конкурирующих проектов легитимности.

Раскол страны на анклав, привязанные к нефтяным узлам, отразил глобальную переконфигурацию сил в постбиполярном мире²³². Восточное правительство в Тобруке, легитимированное поддержкой ОАЭ и России, установило контроль над терминалами залива Сирт и нефтепроводами, связывающими месторождения Сахары с портами Средиземноморья. В свою очередь, западный Триполи, опиравшийся на альянс Турции и Катара, стремился

²³¹ UN Panel of Experts on Libya. Final Report. – 2021. – URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 11.05.2023).

²³² Buzan B., Gonzalez-Pelaez A. International Society and the Middle East. – L.: Palgrave, 2009. – 320 p.

перенаправить экспортные потоки через порты Мисураты и Эз-Завия, используя энергетические доходы для финансирования «Правительства национального согласия». Этот дуализм власти, усиленный иностранными военными контингентами и ЧВК, превратил ливийскую нефть в ресурс не национального развития, а транснационального торга, где каждая сторона использовала заморозку экспорта с 1,2 млн до 100 тыс. баррелей в сутки в 2020 году как рычаг давления на оппонентов и мировые рынки²³³.

Экономический коллапс, вызванный блокадой нефтяных терминалов группировкой Ливийской национальной армии в 2020 году, высветил новую реальность: в условиях распада государства энергоносители становятся не только источником конфликта, но и механизмом его интернационализации²³⁴. Сокращение добычи ударило по европейским импортерам, зависимым от легкой ливийской нефти, и спровоцировало цепную реакцию в виде роста цен и переориентации потоков. Однако главным последствием стал гуманитарный кризис – обрушение социальной инфраструктуры и массовая миграция населения через Средиземное море, что напрямую связало энергетическую нестабильность Ливии с безопасностью ЕС.

Особенностью ливийского конфликта стало переплетение энергетики с гибридными методами войны. Турция, разместившая в Западной Ливии военные базы и дроны Bayraktar, добилась эксклюзивных прав на шельфовые месторождения в обмен на поддержку Триполи, тогда как Россия, используя ЧВК «Вагнер», обеспечила восточным силам доступ к золотым приискам и нефтяным объектам в обход международных санкций. Подобная «приватизация» ресурсов негосударственными акторами демонстрирует, что в XXI веке энергетическая безопасность больше не регулируется традиционными

²³³ World Bank. Libya Economic Monitor. – 2020. – URL: <https://www.worldbank.org> (дата обращения: 25.05.2023)

²³⁴ EU-Libya Relations Report. – 2021. – URL: <https://www.europarl.europa.eu> (дата обращения: 25.05.2025).

межправительственными договорами, а зависит от способности нелегитимных структур интегрироваться в теневые глобальные сети²³⁵.

Эскалация геополитической напряженности в Восточном Средиземноморье, спровоцированная открытием гигантских газовых месторождений «Левиафан» и «Зохр» в 2010-х, стала ярким проявлением трансформации энергетической дипломатии в эпоху возрождения великодержавного соперничества²³⁶. Обнаружение запасов, оцениваемых в 3,5 трлн кубометров газа, не только переформатировало экономические перспективы региона, но и активизировало многовековые территориальные споры, поставив под вопрос саму возможность формирования коллективного энергетического порядка. Турция, стремящаяся компенсировать потерю влияния в традиционных зонах влияния от Ближнего Востока до Кавказа, выдвинула амбициозный проект превращения в энергетический хаб, связывающий Восточное Средиземноморье с Европой. Однако ее попытки легитимировать претензии через подписание в 2019 году соглашения с Правительством национального согласия Ливии о разделе морских зон, пересекающих исключительные экономические зоны Греции и Кипра, спровоцировали цепную реакцию²³⁷. Анкара начала бурение в спорных районах, используя суда *Oruç Reis* и *Fatih*, что не только нарушило положения Конвенции ООН по морскому праву, но и привело к введению ЕС первых в истории санкций против члена НАТО, обозначив раскол внутри трансатлантического альянса.

Милитаризация региона, сопровождавшаяся наращиванием военно-морских группировок и регулярными инцидентами, к примеру, перехват истребителей и кибератак на энергоинфраструктуру, выявила, что газовые месторождения превратились в инструмент гибридного противоборства, где экономические интересы переплетаются с историческими обидами и вопросами национального суверенитета. Формирование в 2020 году Восточно-средиземноморского газового

²³⁵ Keohane R.O., Nye J.S. *Power and Interdependence*. – N.Y.: Pearson, 2012. – 368 p.

²³⁶ Hakim D. *The New Eastern Mediterranean: Theory and Practice*. – Cambridge: MIT Press, 2019. – 256 p.

²³⁷ UNCLoS Violations in the Mediterranean. – 2020. – URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 11.05.2025).

форума с участием Израиля, Египта, Греции, Кипра и Италии, но без Турции и Ливии, институционализировало региональный раскол. Этот альянс, поддержанный США и ЕС, нацелен на создание альтернативного маршрута поставок в Европу через EastMed Pipeline²³⁸, что подрывает турецкие планы по прокладке трубопровода «Турецкий поток-2». Парадоксально, но именно энергетическая кооперация, декларируемая как механизм стабилизации, усилила фрагментацию: Кипр, чей суверенитет над ИЭЗ оспаривается Анкарой, начал выдавать лицензии на разработку ExxonMobil и Total, тогда как Египет, используя заводы по сжижению газа в Идку и Дамьетте, позиционирует себя как ключевого экспортера СПГ для ЕС, стремящегося уйти от российской зависимости.

Турция ответила на эту блокаду стратегией «силового мультилатерализма», сочетая военное присутствие с энергетическими инвестициями в Сомали, Мозамбик и Катар, создавая параллельные цепочки поставок. Однако ее попытки играть роль «независимого игрока» натолкнулись на сопротивление не только региональных соперников, но и глобальных акторов. Россия, усиливая позиции через соглашения с Египтом по АЭС «Эль-Дабаа» и военное сотрудничество с Алжиром, стремится сохранить контроль над европейским газовым рынком, тогда как США, поддерживая EastMed Forum, балансируют между сдерживанием Турции и необходимостью не допустить полного разрыва Анкары с НАТО.

Экономическое измерение конфликта тесно связано с экологической и социальной уязвимостью региона. Планы бурения в районах, где сейсмическая активность сопряжена с хрупкостью, вызывают протесты экологов, предупреждающих о рисках повторения катастрофы наподобие Deepwater Horizon. Одновременно кипрский конфликт, замороженный с 1974 года, получил новое измерение: турецкие власти поощряют миграцию северокиприотов в прибрежные зоны, меняя демографический баланс для обоснования своих ресурсных претензий. Эти действия, нарушающие резолюции ООН, подрывают

²³⁸ Henderson S. EastMed Pipeline: Geopolitics of Gas / S. Henderson N. Tsafos. – Washington D.C. : CSIS 2021. – 89 p.

переговорный процесс по воссоединению острова, превращая энергетику в заложника перманентного кризиса.

Главным последствием восточно-средиземноморского противостояния становится архаизация международного права: принципы Конвенции ООН по морскому праву, предполагающие четкое разграничение ИЭЗ, замещаются логикой «права сильного», где возможности добычи определяются военно-политическим потенциалом. Если в 2000-х годах открытие месторождений рассматривалось как шанс для мирной кооперации (модель «газовой дипломатии» между Израилем и Иорданией), то в 2020-е годы углеводороды стали катализатором конфликта идентичностей: споры о наследии Османской империи, борьба за статус православных святынь в греко-турецком противостоянии. Ливийский фактор добавляет сложности – поддержка Анкарой Правительства национального соглашения позволяет ей претендовать на шельфовые месторождения у берегов Сирта, тогда как Египет и ОАЭ, опираясь на восточные власти, продвигают альтернативные маршруты через Александрию.

Влияние энергетических ресурсов на состояние региональной безопасности в пространстве Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) формирует сложную систему обратных связей, где доступ к углеводородам одновременно выступает гарантом стабильности и источником ее разрушения. Как показали ливийский кризис и конфликт в Восточном Средиземноморье, энергетические ресурсы перестают быть нейтральным экономическим активом, превращаясь в «кровь» геополитики, циркулирующую через артерии трубопроводов и терминалов, питающую как государства, так и негосударственных акторов. Энергетические кризисы, спровоцированные такой трансформацией, действуют как катализаторы многомерных угроз, дестабилизируя регион через три взаимосвязанных механизма.

Во-первых, конкуренция за контроль над энергетической инфраструктурой переводит межгосударственные противоречия в военную плоскость, создавая петлю обратной связи между ресурсными амбициями и эскалацией конфликтов. Турецкие операции «Щит Евфрата» (2016) и «Весенний щит» (2020) в Сирии,

формально направленные против курдских формирований, на практике закрепляли контроль Анкары над коридорами потенциального транзита газа из Катара в Европу, минуя зону влияния России²³⁹. Аналогично саудовская интервенция в Йемене с 2015 года, помимо противостояния с хуситами, преследовала цель блокировать доступ Ирана к Баб-эль-Мандебскому проливу – ключевому узлу транспортировки нефти из Персидского залива. Даже «замороженные» конфликты, как в Западной Сахаре, актуализируются в контексте энергетических проектов: решение США 2020 года признать суверенитет Марокко над территорией совпало с соглашением о прокладке газопровода из Нигерии через марокканский шельф в Европу, что усилило напряженность с Алжиром, поддерживающим Полисарио²⁴⁰.

Во-вторых, зависимость режимов БВСА от нефтегазовых доходов создает структурную уязвимость, превращая ценовые шоки в триггеры внутренних кризисов. Падение стоимости нефти ниже \$30 за баррель в 2019-2020 годах не только спровоцировало протесты в Ираке (где 90% бюджета зависит от углеводородов)²⁴¹, но и заставило Саудовскую Аравию ввести жесткие меры экономии, сократив социальные программы, ранее смягчавшие недовольство молодежи. В Иране аналогичный эффект вызвали санкции США, ограничившие экспорт нефти: девальвация риала на 60% к 2022 году стала одной из причин массовых выступлений, подавляемых с беспрецедентной жестокостью. Даже относительно диверсифицированные экономики, как ОАЭ, вынуждены балансировать между необходимостью инвестировать в постнефтяной сектор и давлением клановых элит, требующих сохранить рентную модель распределения.

В-третьих, энергетические кризисы усиливают роль негосударственных акторов, использующих инфраструктуру в качестве рычага гибридного влияния. Курдские формирования в Сирии и Ираке (Пешмерга), контролируя

²³⁹ Листер Ч. Гибридные войны и энергетическая безопасность. – М.: Международные отношения, 2021. – 304 с.

²⁴⁰ U.S. Department of State. Morocco-Israel Normalization Agreement. – 2020. – URL: <https://www.state.gov> (дата обращения: 13.05.2025).

²⁴¹ World Bank. Iraq Economic Monitor. – 2020. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/145988dc-a4dd-5152-bea1-f4bb9c7347c0/full> (дата обращения: 13.05.2025).

месторождения Рмейлан и Киркук, превратили нефть в инструмент автономизации, торгуя сырьем через теневые сети с Турцией и Ираном. Хуситы в Йемене, атакуя саудовские НПЗ и танкеры в Красном море дронами-камикадзе, не только ослабляют противника, но и демонстрируют способность дестабилизировать глобальные рынки²⁴². В Ливии племенные ополчения, блокируя экспорт из портов Сирта, вымогают у Правительства национального согласия выплаты, превращая энергоресурсы в валюту локального торгова.

Геополитическая конкуренция вокруг энергоресурсов Ближнего Востока приобретает дополнительную сложность за счет вмешательства внешних акторов, чьи стратегии, хотя и мотивированы глобальными интересами, глубоко трансформируют региональную систему безопасности и экономики. Эти игроки, действуя в логике «ресурсного реализма», превращают ближневосточные углеводороды не просто в товар, а в инструмент реформирования международных иерархий, где контроль над энергопотоками становится эквивалентом геополитического суверенитета.

Соединенные Штаты, сохраняя роль исторического гаранта безопасности монархий Персидского залива, эволюционируют от модели «нефть в обмен на защиту» к гибридной стратегии, сочетающей военное присутствие с экономическим принуждением. Базирование Пятого флота в Бахрейне, авиабаз Аль-Удейд (Катар) и Эд-Дафра (ОАЭ) обеспечивает контроль над 30% мировой морской нефтетранзитной инфраструктурой, включая Ормузский пролив, через который проходит 21 млн баррелей в сутки²⁴³. Однако санкции против Ирана, направленные на свертывание его нефтяного экспорта с 2,5 млн до 0,3 млн баррелей в сутки, имеют двойную цель: ослабить Тегеран и перенаправить европейский спрос на сжиженный природный газ (СПГ) США, чья доля в ЕС выросла с 14% в 2021 до 42% к 2023 году. Параллельно Вашингтон, продвигая «Авраамовы соглашения», создает

²⁴² Houthi Energy Warfare Report. Sana'a Center, 2021. – URL: <https://sanacenter.org> (дата обращения: 13.05.2025).

²⁴³ BP Statistical Review of World Energy. – 2023. – URL: <https://www.bp.com> (дата обращения: 13.05.2025).

энергетически взаимозависимую коалицию Израиля и арабских государств, где совместные проекты призваны снизить влияние России и Турции²⁴⁴.

Китай, ставший крупнейшим импортером ближневосточной нефти (55% от общего объема ввоза), перестраивает региональную архитектуру через «дипломатию инфраструктуры»²⁴⁵. Инвестиции в размере 123 млрд в рамках инициативы «Один пояс – один путь» включают строительство нефтеперерабатывающего комплекса в Джизане (Саудовская Аравия), разработку месторождения Меджнун в Ираке китайской *CNPC* и соглашение с Ираном на \$400 млрд, предусматривающее модернизацию нефтяной отрасли в обход санкций. Пекин, избегая прямого военного вовлечения, использует экономические рычаги для создания «параллельной энергосистемы»: порт Гвадар в Пакистане и база в Джибути становятся узлами, связывающими Ближний Восток с китайскими НПЗ через коридоры СПЕС (Китайско-пакистанский экономический коридор). Эта стратегия, однако, сталкивается с дилеммой: сотрудничая одновременно с Саудовской Аравией и Ираном, КНР рискует дестабилизировать хрупкий баланс, как это произошло во время протестов в Ираке 2022 года, направленных против китайских нефтяных компаний²⁴⁶.

Россия, усиливая координацию с ОПЕК+ в рамках сделок по ограничению добычи, превращает энергетику в инструмент «асимметричного сдерживания» Запада. Соглашения 2020-2023 годов, позволившие удерживать цены на нефть в коридоре \$80-100 за баррель, не только укрепляют бюджет Москвы, но и создают давление на Европу, вынужденную конкурировать за альтернативные поставки. Военное присутствие в Сирии, включая авиабазу Хмеймим и морскую базу Тартус, обеспечивает контроль над восточно-средиземноморским шельфом, где российские компании (например, «Новатэк») участвуют в разработке месторождений. Однако санкции, введенные

²⁴⁴ Abraham Accords Peace Agreement. – 2020. – URL: <https://www.state.gov> (дата обращения: 13.05.2025).

²⁴⁵ CNPC. Belt and Road Initiative: Energy Projects. – Beijing: CNPC, 2023. – 134 p.

²⁴⁶ Al-Monitor. Protests Against Chinese Oil Companies in Iraq. – 2022. – URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2021/07/chinese-oil-companies-fill-void-iraq> (дата обращения: 13.05.2025).

после 2022 года, вынуждают Кремль искать обходные пути: поставки иранской нефти через Каспий с последующим реэкспортом под видом казахстанской, использование танкеров «темного флота» – все это интегрирует Ближний Восток в теневые сети, подрывая прозрачность глобальных рынков.

Европейский Союз, несмотря на амбициозные планы декарбонизации, остается заложником ближневосточной энергозависимости. Кризис 2021-2023 годов, когда сокращение поставок катарского СПГ на 40% совпало с остановкой трубопровода «Исраджа» из-за палестино-израильских столкновений, обнажил уязвимость «зеленого перехода». Попытки заместить российский газ ближневосточным за счет увеличения импорта из Алжира на 28% и соглашений с Израилем и Египтом, столкнулись с конкуренцией Китая и Турции, перехватывающих танкеры СПГ через подписание долгосрочных поставочных контрактов. Парадоксально, но климатическая повестка ЕС усиливает авторитарные режимы: «водородные соглашения» с Марокко и ОАЭ, преподносимые как экологичные, фактически финансируют репрессивные аппараты, что подрывает этические основы Брюссельской политики.

Столкновение интересов внешних акторов создает эффект «наложенных кризисов»: американские санкции против Сирии осложняют восстановление ее нефтяной инфраструктуры; китайские инвестиции в иранские месторождения провоцируют саудовско-иранское соперничество; российско-турецкие энергетические сделки (например, «Турецкий поток») подрывают единство НАТО. В результате Ближний Восток превращается в «полигон» для тестирования новых форм гибридной конкуренции, где энергоресурсы становятся разменной монетой в глобальной игре.

Этот многоуровневый конфликт интересов подтверждает, что в условиях многополярности энергетика перестает быть исключительно региональным фактором, становясь зеркалом глобальных дисбалансов. Если в XX веке внешние державы стремились стабилизировать регион ради бесперебойных поставок, то сегодня их действия, напротив, усиливают турбулентность, используя энергетические активы как рычаги давления

в противостоянии далеко за пределами БВСА. Преодоление этой динамики требует перехода от логики «нулевой суммы» к созданию многосторонних платформ, где управление ресурсами будет основываться не на силовом доминировании, а на принципах взаимной энергетической безопасности. Без этого Ближний Восток рискует остаться вечным «призом» в игре великих держав, где каждое месторождение – не источник процветания, а мина замедленного действия под будущее региона.

Таким образом, энергетические ресурсы как фактор геополитической конкуренции на Ближнем Востоке выступают ключевым элементом, определяющим не только региональную, но и глобальную расстановку сил. В текущих реалиях ближневосточные государства сталкиваются с парадоксальным вызовом: необходимость максимизации доходов от традиционных энергоресурсов в краткосрочной перспективе обостряет конкуренцию за истощающиеся запасы, усиливая конфликтный потенциал региона. Это формирует порочный круг, в котором энергетика продолжает выступать не только экономическим активом, но и инструментом силового давления, подрывающим долгосрочную стабильность.

3.2 Переход к «зеленой» энергетике и его последствия для Ближнего Востока

Переход к «зеленой» энергетике, обусловленный глобальными климатическими обязательствами и технологическими сдвигами, создает для стран Ближнего Востока парадоксальную ситуацию. Этот регион, обладающий крупнейшими в мире запасами углеводородов, сегодня оказывается на пересечении двух глобальных трендов: необходимости диверсификации энергетического баланса за счет стремительного развития технологий возобновляемой энергетики и увеличения глобального спроса на традиционные источники энергии как основу стабильности. С одной стороны, Ближний Восток обладает беспрецедентным природным потенциалом для «зеленого» перехода. Инсоляция в пустынных районах Саудовской Аравии, ОАЭ и Иордании достигает 2,200 кВт·ч/м² в год, что вдвое превышает показатели большинства европейских стран²⁴⁷. Ветровые

²⁴⁷ IRENA. Renewable Energy Market Analysis: Middle East and North Africa. – Abu Dhabi: International Renewable Energy Agency, 2023. – 128 p.

ресурсы Красного моря и Ормузского пролива создают условия для строительства крупных офшорных ветропарков.

С другой стороны, экономики региона остаются заложниками углеводородной модели, сформированной в 20 веке. Для экспортеров нефти и газа, таких как Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар, доходы от углеводородов составляют 60-90% бюджетных поступлений, а их доля в ВВП превышает 50%²⁴⁸. Эта зависимость пронизывает все уровни: от макроэкономической стабильности до социальной сферы, где субсидии на топливо и государственные пособия финансируются за счет нефтяной ренты. Страны-импортеры, направляющие существенную долю своего ВВП на закупку энергоносителей, вынуждены балансировать между необходимостью снижения затрат и ограниченными возможностями инвестирования в ВИЭ из-за политических рисков и высокой стоимости капитала.

При этом сокращение нефтяных доходов ограничивает возможности монархий Залива поддерживать традиционные инструменты влияния. Так, Саудовская Аравия в 2023 году сократила финансирование временного правительства Йемена на 40%, что ослабило его позиции в конфликте с хуситами. ОАЭ, столкнувшись с необходимостью реинвестировать средства в диверсификацию, начали выводить активы из зарубежных проектов, включая выход из нефтегазовых сделок в Африке. Это создает вакуум влияния, который могут заполнить конкуренты – такие как Иран, Турция или Китай, – чьи инвестиции в регион менее привязаны к климатической повестке.

Стоит также отметить, что социальные контракты в монархиях Персидского залива, сформированные в эпоху нефтяного бума, базируются на негласном соглашении между государством и обществом: распределение ресурсной ренты через субсидии на топливо, воду, электроэнергию, гарантированную занятость в госсекторе и отсутствие подоходного налога в обмен на политическую

²⁴⁸ IMF. Fiscal Sustainability in Gulf Cooperation Council Countries. – Washington: International Monetary Fund, 2022. – 72 p.

лояльность. Однако эта модель «рентного патернализма»²⁴⁹ сталкивается с двойным кризисом. С одной стороны, снижение доходов от углеводородов на фоне энергоперехода и ценовой волатильности подрывает ее финансовую основу, а с другой, демографический рост и растущие ожидания молодого населения требуют увеличения расходов на социальную сферу.

При этом прослеживается следующая зависимость: реалистичность перехода к низкоуглеродной экономике на Ближнем Востоке варьируется в зависимости от роли стран в глобальной энергосистеме, что обусловлено структурными особенностями их экономик, геополитическими интересами и уровнем технологического развития.

Для нефтеэкспортеров, таких как Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар, «зеленый» переход стал инструментом стратегической адаптации, а не радикальной трансформации. Их усилия сосредоточены на двух направлениях: сокращении внутреннего потребления углеводородов для увеличения экспортных объемов и создании новых ниш, таких как производство «зеленого» водорода²⁵⁰.

Например, Саудовская Аравия, ежедневно сжигающая около 1 млн баррелей нефти для генерации электроэнергии, по состоянию на 2023 год ввела солнечные мощности в размере 1,1 ГВт, включая проекты Sudair (400 МВт) и Al Shuaibah (700 МВт). Однако эти достижения покрывают лишь 7% текущего спроса, а для достижения заявленной цели в 50% доли ВИЭ к 2030 году требуется ввод 40 ГВт, что при нынешних темпах представляется маловероятным. Параллельно развивается водородная индустрия: проект NEOM стоимостью \$5 млрд планирует выпуск 1,2 млн тонн водорода в год к 2030 году. При этом к 2023 году реализовано лишь 10% инфраструктуры, а запуск перенесен на 2026 год из-за проблем с привлечением технологических партнеров. В то же время возрастает конкуренция с Европейским Союзом и Австралией: Германия выделила €9 млрд на водородные проекты, а Австралия в 2022 году экспортировала первую партию «зеленого»

²⁴⁹ Hertog, S. Rentier Islamism: The Role of the Muslim Brotherhood in the Gulf // Middle East Journal. – 2014. – Vol. 68, № 3. – P. 378–394.

²⁵⁰ NEOM Green Hydrogen Company. Project Update Report 2023. – Riyadh: NGHC, 2023. – 45 p.

водорода в Японию, используя готовую портовую инфраструктуру. Страны Залива отстают в создании цепочек добавленной стоимости – их проекты зависят от импорта электролизеров и криогенных технологий для транспорта.

В то же время некоторые страны-импортеры, направляющие до 20% ВВП на импорт энергоносителей, демонстрируют противоположные результаты энергетического перехода. В частности, Иордания, не имеющая запасов нефти, достигла 29% доли ВИЭ в энергобалансе в 2024 году благодаря реализации конкретных проектов:

- солнечный парк «Шамс Маан» (52 МВт, 2021) – сократил импорт нефти на \$60 млн в год.
- ветровая станция «Тафила» (117 МВт, 2019) – покрывает 5% потребностей страны²⁵¹.
- термальный комплекс Redstone (100 МВт, 2023) – первая в регионе станция с хранением энергии²⁵².

В то же время Ливан, где коррупция и политический кризис привели к дефолту 2020 года, остается в энергетической ловушке. Доля ВИЭ здесь не превышает 5%, а 90% электроэнергии генерируется дизельными генераторами, импорт которых обходится в \$2 млрд ежегодно. Отсутствие регулирования и крах банковской системы блокируют проекты, такие как солнечный парк «Захрани» (50 МВт), замороженный с 2021 года.

Такие страны, как Египет и Турция, чьи экономики зависят от транзитных доходов, сталкиваются с необходимостью перепрофилирования инфраструктуры. Египет, получающий \$7 млрд в год от Суэцкого канала, развивает СПГ-терминалы в Идку и Дамьетте, что позволило увеличить экспорт газа в ЕС на 40% в 2023 году. Однако проекты по «зеленому» водороду, такие как завод в Айн-

²⁵¹ IRENA. Renewable Energy Market Analysis: Middle East and North Africa. – Abu Dhabi: International Renewable Energy Agency, 2023. – 128 p.

²⁵² IRENA. Renewable Energy Market Analysis: Middle East and North Africa. – Abu Dhabi: International Renewable Energy Agency, 2023. – 128 p.

Сохне (совместно с Siemens, 0,5 МВт), остаются пилотными и не влияют на структуру экспорта, где доля нефти и газа выросла до 48%²⁵³.

Турция, стремящаяся стать «энергетическим мостом» между Азией и ЕС, к 2023 году ввела лишь 2 ГВт из запланированных 10 ГВт в рамках реализации проекта по созданию трансконтинентальных ВИЭ-сетей. Проекты вроде линии передачи «Турция-Европа» (1,5 ГВт) сталкиваются с технологическими барьерами – отсутствием инфраструктуры для транспортировки водорода и зависимость от китайских инвесторов.

Системные вызовы региона усугубляются инфраструктурными и социальными ограничениями. Пустынный климат, несмотря на обилие солнца, повышает стоимость обслуживания ВИЭ: песчаные бури и необходимость опреснения воды для очистки солнечных панелей увеличивают расходы на 15-20%. Отсутствие транспортных сетей для водорода, аналогичных европейской Hydrogen Backbone, ограничивает экспортный потенциал. Социальные риски также значимы: в Саудовской Аравии, где 70% населения младше 30 лет, система образования не готовит кадры для «зеленых» секторов, а сокращение субсидий на топливо в Египте на 30% в 2023 году спровоцировало рост социальной напряженности.

Переход к «зеленой» энергетике в государствах Ближнего Востока не может быть сведен исключительно к технологическому или экономическому измерению, связанному с внедрением возобновляемых источников энергии и снижением углеродной интенсивности энергобаланса. В отличие от стран, где энергетический переход опирается на диверсифицированную экономику и развитые институты регулирования, в ближневосточном регионе он разворачивается в условиях глубокой институциональной зависимости от углеводородного сектора²⁵⁴. Это придает процессу энергоперехода выраженный политический и институциональный характер, напрямую затрагивающий основы государственного управления, легитимности власти и региональной безопасности.

²⁵³ IRENA. Renewable Energy Market Analysis: Middle East and North Africa. – Abu Dhabi: International Renewable Energy Agency, 2023. – 128 p.

²⁵⁴ International Energy Agency. World Energy Outlook 2024. – Paris: IEA, 2024. – 379 p.

Ключевая особенность «зеленого» перехода в регионе заключается в том, что он инициируется преимущественно «сверху», в рамках государственных стратегий и программ модернизации. В отличие от классических моделей энергоперехода, где значительную роль играют рыночные механизмы, частные инвестиции и общественный запрос, в странах Ближнего Востока развитие возобновляемой энергетики осуществляется под жестким контролем государства²⁵⁵. Это обусловлено тем, что энергетический сектор традиционно рассматривается как стратегическая сфера, связанная с вопросами суверенитета и национальной безопасности. В результате «зеленая» энергетика встраивается в существующую институциональную архитектуру, а не становится фактором ее трансформации.

В институциональном плане это означает, что переход к возобновляемым источникам энергии не сопровождается автоматическим ослаблением рентной модели. Исследования показывают, что в странах МЕНА качество институтов напрямую влияет на скорость и глубину внедрения ВИЭ, при этом в ресурсозависимых экономиках институциональная инерция существенно замедляет трансформационные процессы²⁵⁶. Государства региона сохраняют контроль над ключевыми инвестиционными потоками, инфраструктурными проектами и распределением выгод от энергетической модернизации. «Зеленые» проекты, таким образом, становятся частью государственной стратегии управления ресурсами, а не альтернативой углеводородной экономике.

Отдельного внимания заслуживает влияние «зеленого» перехода на социальную структуру и рынок труда. В энергетически зависимых государствах значительная часть занятости и социальных гарантий связана с углеводородным сектором и государственными структурами, финансируемыми за счет нефтегазовых доходов. Как отмечается в ряде эмпирических исследований, развитие возобновляемой энергетики не компенсирует в краткосрочной

²⁵⁵ Krane J. Climate policy and energy transition in hydrocarbon-dependent economies // Oxford Institute for Energy Studies Working Paper. – 2024. – №. 124. – 36 p.

²⁵⁶ Mtiraoui A., Lazreg M., Chemli L. Institutional quality and economic growth in the energy transition of MENA countries // International Journal of Energy Economics and Policy. – 2024. – Vol. 14, №. 6. – P. 21–228.

перспективе масштаб занятости, обеспечиваемый традиционным энергетическим сектором, что формирует дополнительные социальные риски. Это усиливает сопротивление институциональным изменениям и снижает общественную поддержку структурных реформ.

С точки зрения политической устойчивости «зеленый» энергопереход создает для государств региона сложную дилемму. С одной стороны, участие в глобальной климатической повестке и инвестиции в возобновляемую энергетику повышают международную легитимность и позволяют укреплять внешнеполитические позиции²⁵⁷. С другой стороны, внутренние институциональные ограничения делают этот процесс потенциально дестабилизирующим, поскольку он затрагивает сложившийся социальный контракт и механизмы перераспределения. В результате государства вынуждены балансировать между внешними обязательствами и внутренними рисками, что сдерживает глубину энергоперехода.

Важным аспектом является и трансформация энергетической безопасности в условиях «зеленого» перехода. Развитие возобновляемых источников энергии снижает зависимость от импорта углеводородов для стран-импортеров, однако для экспортеров оно означает постепенное ослабление традиционных рычагов влияния на международные энергетические рынки. Это меняет конфигурацию региональных и внешних энергетических связей, формируя новые линии конкуренции – уже не только за доступ к ресурсам, но и за технологии, инвестиции и контроль над цепочками создания стоимости в сфере «зеленой» энергетики.

Дополнительное институциональное ограничение связано с тем, что «зеленый» переход в регионе часто носит проектный, а не системный характер. Реализация отдельных масштабных проектов в сфере солнечной и ветровой энергетики не сопровождается комплексной реформой энергетического регулирования, тарифной политики и рыночных институтов. Это приводит к тому, что возобновляемая энергетика функционирует параллельно традиционному

²⁵⁷ International Renewable Energy Agency. World Energy Transitions Outlook 2024: 1.5°C Pathway. – Abu Dhabi: IRENA, 2024. – 168 p.

сектору, не трансформируя структуру энергетического баланса и не снижая институциональную зависимость от углеводородов.

Наконец, переход к «зеленой» энергетике оказывает опосредованное влияние на параметры региональной безопасности. Изменение экономической значимости углеводородных ресурсов и энергетической инфраструктуры трансформирует стратегические приоритеты государств и негосударственных акторов. В условиях слабых институтов управления и региональной координации энергетический переход может усиливать конфликтный потенциал, а не снижать его, что подчеркивается в современных исследованиях по геополитике возобновляемой энергетики²⁵⁸.

Таким образом, переход к «зеленой» энергетике в странах Ближнего Востока представляет собой сложный институционально-политический процесс, последствия которого выходят за рамки энергетической политики в узком смысле. Он затрагивает основы социального контракта, механизмы легитимности власти и параметры региональной безопасности. В условиях сохранения институциональной зависимости от углеводородного сектора «зеленый» энергопереход не устраняет структурные источники нестабильности, а в ряде случаев лишь выявляет и усиливает их.

Данный процесс на Ближнем Востоке остается асимметричным и неоднозначным процессом. Нефтеэкспортеры, используя ВИЭ как инструмент диверсификации, рискуют заменить «нефтяную иглу» на «технологическую зависимость», тогда как страны с ограниченными ресурсами балансируют между энергобезопасностью и политической нестабильностью. Сохраняющаяся глобальная зависимость от углеводородов, технологическое отставание и внутренние дисбалансы превращают регион в заложника переходного периода. Ключевой вызов заключается не в строительстве отдельных солнечных парков, а в фундаментальном переосмыслении роли Ближнего Востока в мировой энергетической архитектуре от сырьевого придатка к создателю добавленной

²⁵⁸ Krane J. Climate policy and energy transition in hydrocarbon-dependent economies // Oxford Institute for Energy Studies Working Paper. – 2024. – №. 124. – 36 p.

стоимости. Без этого даже самые амбициозные проекты останутся фасадом, маскирующим глубокие структурные противоречия.

Таким образом, тенденции энергетической безопасности формируют противоречивую динамику: с одной стороны, сохранение зависимости мировой экономики от углеводородов до 2050 года поддерживает роль Ближнего Востока как глобального энергетического центра, с другой – фрагментация рынков и рост значения альтернативных энергоносителей ослабляют его положение. Это усиливает конкуренцию между региональными игроками за долю на сокращающемся рынке, что проявляется в противостоянии Катара, ОАЭ и Саудовской Аравии в секторе СПГ, а также в борьбе за транзитные коридоры.

Энергетические ресурсы Ближнего Востока остаются одним из важнейших факторов геополитической конкуренции, формируя сложный ландшафт региональной безопасности. Анализ событий 2000-2024 годов демонстрирует, что углеводороды не только сохраняют роль стратегического актива, но и усиливают свое значение как инструмент геополитического давления, что усугубляет конфликты и трансформирует структуру региональных альянсов. Даже в условиях глобального энергоперехода углеводороды продолжают определять экономические и политические траектории государств региона, формируя «ловушку переходного периода»: стремление максимизировать доходы от ископаемых ресурсов до 2050 года обостряет конкуренцию, подрывая долгосрочную стабильность.

Структурные энергетические кризисы в период 2003-2023 годов выявили прямую взаимосвязь между дисбалансом спроса и предложения углеводородов, геополитическими конфликтами и дестабилизацией региона. Контроль над нефтяной инфраструктурой и маршрутами транспортировки стал причиной вооруженных интервенций. Дестабилизация цепочек поставок, усиленная санкциями против Ирана и действиями негосударственных акторов, трансформировала энергетическую инфраструктуру в инструмент асимметричной войны. Экономическая зависимость от нефтегазовых доходов делает их восприимчивыми к ценовым шокам, что провоцирует внутренние кризисы. Таким

образом, энергетическая безопасность оказывается напрямую связана с внутривнутриполитической стабильностью, создавая замкнутый круг: геополитические риски подрывают экономику, а экономическая нестабильность усиливает социально-политическую напряженность.

Государства-экспортеры, сталкиваясь с такими рисками, как климатические изменения, ценовые шоки, геоэкономические разрывы, могут трансформировать кризисы в возможности, если рентные доходы направляются не на краткосрочную стабилизацию, а на создание «буферов» – инвестиции в человеческий капитал, инновации и инфраструктуру ВИЭ.

Тенденции, выражающиеся в сокращении доходов от традиционных ресурсов, становятся катализатором системных изменений: вместо сворачивания социальных программ элиты перераспределяют ренту в проекты «зеленой» энергетики, снижая зависимость от сырьевого цикла. Это разрывает порочный круг «рента-нестабильность-рента», заменяя его логикой «рента-инвестиции-устойчивость».

Энергетическая безопасность Ближнего Востока остается хрупким равновесием, балансирующим между геополитическими амбициями, экономическими ограничениями и вызовами технологической трансформации. Углеводороды, сохраняя роль стратегического ресурса, одновременно превращаются в источник системных рисков, тогда как переход к ВИЭ, вопреки ожиданиям снижения уровня конфликтности, порождает новые формы соперничества – от борьбы за критически важные минералы до конкуренции за водные ресурсы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях глобального энергоперехода, трансформации мировой энергетической архитектуры и усиления геополитической конкуренции энергетика в регионе Ближнего Востока приобретает многомерный характер, оказывая воздействие на внутреннюю устойчивость государств, конфигурацию межгосударственных взаимодействий и динамику региональной нестабильности. Рассмотрение энергетического фактора в совокупности политических, экономических и институциональных параметров позволило выйти за рамки узкоэкономической интерпретации и выявить его системное значение для региональной безопасности.

Анализ теоретических подходов к энергетической безопасности, ресурсной ренте и социальному контракту позволил переосмыслить роль энергетики в политическом развитии государств Ближнего Востока. Энергетический сектор в регионе исторически выступал основой перераспределительных механизмов и институциональных договоренностей, обеспечивавших устойчивость политических режимов. Углеродная рента была встроена в модели государственного управления и социального регулирования, формируя специфические формы взаимодействия между государством и обществом. В условиях глобального энергоперехода трансформация этих моделей не означает утрату значения энергетического фактора, а, напротив, усиливает его роль как инструмента политического управления и адаптации к новым условиям.

Рассмотрение энергетической политики в контексте трансформации социального контракта показало, что ослабление перераспределительной функции углеводородной ренты приводит к изменению механизмов легитимации власти. Государства региона вынуждены адаптировать формы взаимодействия с обществом, сочетая экономические, институциональные и символические инструменты управления. Энергетика в данном контексте выступает не только источником доходов, но и элементом стратегического планирования, через который формируются новые модели устойчивости политических режимов в условиях растущей социальной и экономической неопределенности.

Анализ региональной энергетической структуры выявил ее динамический и асимметричный характер. Энергетическое пространство Ближнего Востока формируется под воздействием совокупности факторов, включающих глобальные изменения спроса и предложения, трансформацию энергетических рынков, внутренние социально-экономические процессы и воздействие конфликтов и нестабильности субнационального уровня. В этих условиях функциональные роли государств в региональной энергетической системе не являются жестко закрепленными. Положение стран как экспортеров, импортеров или транзитных акторов подвержено изменениям, что придает региональной энергетической системе характер адаптивной и изменчивой конфигурации.

Такой характер региональной энергетической структуры оказывает непосредственное влияние на систему безопасности Ближнего Востока. Энергетическая безопасность перестает быть производной исключительно от ресурсной обеспеченности и все в большей степени определяется институциональной и стратегической гибкостью государств. Способность адаптироваться к внешним шокам, диверсифицировать энергетические маршруты и источники доходов, а также управлять внутренними социально-экономическими трансформациями становится ключевым фактором устойчивости в условиях нестабильной региональной среды.

Особое внимание в диссертации было уделено анализу энергетической зависимости и институциональных траекторий развития стран Ближнего Востока. Доминирование углеводородного сектора формирует устойчивые модели экономического и политического развития, в рамках которых приоритет краткосрочной фискальной стабильности и перераспределения рентных доходов ограничивает возможности для структурных реформ. Такая конфигурация приводит к воспроизводству институциональной инерции, при которой политико-экономические системы региона оказываются слабо восприимчивыми к глобальным технологическим и энергетическим изменениям.

Рассмотрение данных процессов показало, что энергетическая зависимость трансформируется из источника экономической устойчивости в фактор

стратегической уязвимости. Разрыв между глобальной динамикой энергоперехода и внутренними возможностями адаптации усиливает долгосрочные риски, связанные с социальной стабильностью, экономической диверсификацией и политическим управлением. В условиях снижения роли углеводородов в мировой энергетике данные ограничения приобретают системный характер и оказывают прямое влияние на безопасность государств региона.

Геополитическое измерение энергетического фактора проявляется в трансформации энергетических ресурсов, инфраструктуры и маршрутов транспортировки в инструменты политического и силового взаимодействия. Энергетика становится объектом конкуренции не только между государствами региона, но и между внешними акторами, заинтересованными в доступе к ресурсам и контроле над ключевыми энергетическими узлами. В этих условиях энергетический фактор усиливает конфликтность региональной системы безопасности, создавая дополнительные линии напряженности и конкуренции.

Анализ показал, что ориентация на краткосрочную эксплуатацию энергетических преимуществ формирует нелинейную динамику развития, при которой энергетический сектор одновременно выполняет стабилизирующую и дестабилизирующую функции. С одной стороны, энергетические доходы и контроль над потоками позволяют государствам поддерживать текущую устойчивость и усиливать внешнеполитические позиции. С другой стороны, накопление системных уязвимостей, институциональной инерции и конфликтного потенциала приводит к воспроизводству кризисных процессов, ограничивающих возможности долгосрочной стабилизации региона.

В совокупности полученные результаты позволяют рассматривать энергетический фактор как системообразующий элемент региональной безопасности Ближнего Востока, влияние которого проявляется на нескольких уровнях: внутренней политической устойчивости государств, региональных энергетических взаимодействий и геополитической конкуренции. Ограниченность институциональной трансформации и преобладание краткосрочных стратегий в

энергетической политике снижают потенциал энергетики как источника устойчивого развития и закрепляют структурную нестабильность региона.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, что дальнейшая эволюция региональной системы безопасности Ближнего Востока во многом определяется характером адаптации энергетического сектора к условиям глобального энергоперехода. Без комплексной трансформации энергетической политики, институциональных механизмов и моделей социально-экономического развития энергетический фактор будет и далее выступать источником долгосрочных рисков и нестабильности. В этом контексте энергетика остается ключевым элементом, через который формируются траектории политической устойчивости, конфликтности и безопасности региона в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:**I. Источники:***Доктринальные документы стран Ближнего Востока:*

1. Bahrain Economic Vision 2030 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.mofne.gov.bh/en/project-initiatives/bahrain-economic-vision-2030/> (дата обращения: 10.05.2025).
2. Egypt Vision 2030 [Электронный ресурс]. – Cairo: Ministry of Planning and Economic Development, 2016. – URL: <https://mped.gov.eg/EgyptVision> (дата обращения: 10.05.2025).
3. Jordan Energy Strategy Action Plan Second Edition 2020–2030 [Электронный ресурс]. – Amman: Ministry of Energy and Mineral Resources of Jordan, 2020. – URL: https://www.memr.gov.jo/EBV4.0/Root_Storage/EN/EB_Info_Page/Second_edition_-_JES_action_plan.pdf (дата обращения: 12.05.2025).
4. Kuwait Vision 2035 «New Kuwait» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mofa.gov.kw/en/pages/kuwait-vision-2035> (дата обращения: 10.05.2025).
5. Oman Vision 2040 [Электронный ресурс]. – Muscat: Oman Vision 2040 Implementation Follow-up Unit, 2021. – URL: <https://www.oman2040.om> (дата обращения: 10.05.2025).
6. Qatar National Vision 2030 [Электронный ресурс]. – Doha: General Secretariat for Development Planning, 2008. – URL: <https://www.gco.gov.qa/en/about-qatar/national-vision2030/> (дата обращения: 10.05.2025).
7. Saudi Vision 2030 [Электронный ресурс]. – Riyadh: Government of Saudi Arabia, 2016. – URL: <https://www.vision2030.gov.sa> (дата обращения: 10.05.2025).
8. Sustainable Energy Strategy 2035 [Электронный ресурс]. – Cairo: Ministry of Electricity and Renewable Energy of Egypt, 2016. – URL: <https://egyptoil-gas.com/news/egypts-sustainable-energy-strategy-2035-supported-by-eu/> (дата обращения: 12.05.2025).
9. Turkey National Energy Strategy [Электронный ресурс]. – Ankara: Ministry of Energy and Natural Resources of Turkey, 2019. – URL:

https://enerji.gov.tr/Media/Dizin/EIGM/tr/Raporlar/TUEP/T%C3%BCrkiye_National_Energy_Plan.pdf (дата обращения: 12.05.2025).

Международные и межгосударственные источники:

10. Abraham Accords Peace Agreement [Электронный ресурс]. – Washington, D.C.: U.S. Department of State, 2020. – URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/09/UAE_Israel-treaty-signed-FINAL-15-Sept-2020-508.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

11. Agreement between the Government of Turkey and the Government of National Accord of Libya on the Delimitation of Maritime Jurisdiction Areas [Электронный ресурс]. – Ankara, 2019. – URL: www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES (дата обращения: 13.05.2025).

12. Algeria–European Union Gas Agreement [Электронный ресурс]. – Brussels: European Commission, 2022. – URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/2643/download> (дата обращения: 13.05.2025).

13. Declaration of Cooperation between OPEC and Non-OPEC Countries [Электронный ресурс]. – Vienna: OPEC Secretariat. – URL: <https://www.opec.org/declaration-of-cooperation.html> (дата обращения: 11.05.2025).

14. Euro-Mediterranean Agreement establishing an Association between the European Community and its Member States, of the one part, and the People's Democratic Republic of Algeria, of the other part - Annexes - Protocols - Final Act - Declarations [Электронный ресурс]. – Access to European Union law. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/agree_international/2005/690/oj/eng (дата обращения: 13.05.2025).

15. Gulf Cooperation Council. Qatar Blockade: Official Documents [Электронный ресурс]. – Riyadh: GCC Secretariat, 2017. – URL: <https://www.gcc-sg.org> (<https://www.gcc-sg.org/>) (дата обращения: 13.05.2025).

16. Memorandum of understanding on a strategic partnership on renewable hydrogen between the European union and the Arab republic of Egypt [Электронный ресурс]. – Brussels, 2022. – URL: <https://energy.ec.europa.eu/document/download/b0912f67-b789-4ccf-955c->

f789da81fe09_en?filename=MoU_EU-

Egypt_on_renewable_hydrogen_FINAL_SIGNED_by_EU.pdf (дата обращения: 11.05.2025).

II. Официальные статистические публикации и данные:

17. BP. Energy Outlook 2023. – London: BP, 2023. – URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2023.pdf> (дата обращения: 10.05.2023).

18. Brookings Institution. Energy, Security and the Abraham Accords. – Washington, DC: Brookings Institution Press, 2022. – 74 p.

19. CNPC. DEEPENED INTERNATIONAL ENERGY COOPERATION FOR JOINT CONSTRUCTION OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE – Beijing: CNPC, 2023. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cnpc.com.cn/en/csr2023enhmsn/202409/a9ab44a7f5df4401a7afb71bd2edff9a/files/a037fc1295644abb9229862bc560411c.pdf> (дата обращения: 12.05.2023).

20. CSIS. Cyberattacks on Critical Infrastructure. – Washington, D.C.: CSIS, 2023. – URL: <https://www.csis.org/cyber-energy> (дата обращения: 10.05.2025).

21. CSIS. US Strategy in the Middle East after the Abraham Accords. – Washington, D.C., 2021. – 58 p.

22. Eurostat. Energy production and imports. – 2025. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Energy_production_and_imports (дата обращения: 13.05.2025).

23. HRW. Iran Protests 2022–2023: A Human Rights Crisis. – New York : HRW, 2023. – URL: <https://www.hrw.org/iran-protests> (дата обращения: 10.05.2025).

24. IEA. Middle East Energy Outlook 2022. – Paris: IEA, 2022. – 188 p.

25. IEA. Middle East Energy Outlook 2022. – Paris: IEA, 2022. – 188 p.

26. IMF Iran: 2023 Article IV Consultation. Washington, D.C.: International Monetary Fund. 2023. 50 с.

27. IMF. Egypt's Economic Challenges. – 2023. – URL: <https://www.imf.org> (дата обращения: 10.05.2023).

28. IMF. Egypt's Economic Challenges. – Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2023. – URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/10/27/pr-23340-imf-staff-reaches-staff-level-agreement-with-egypt-on-first-second-reviews-eff> (дата обращения: 10.05.2023).

29. IMF. Egypt's Economic Challenges. – Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2023. – URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/10/27/pr-23340-imf-staff-reaches-staff-level-agreement-with-egypt-on-first-second-reviews-eff> (дата обращения: 10.05.2023).

30. IMF. Fiscal Monitor: Middle East and North Africa. – Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2023. – 84 p.

31. IMF. Fiscal Sustainability in GCC Countries. – Washington, D.C., 2022. – 72 p.

32. IMF. Iran: Article IV Consultation 2023. – Washington, D.C., 2023. – 50 p.

33. IMF. Jordan and Lebanon: Energy Dependence Risks. – 2022. – URL: <https://www.imf.org> (дата обращения: 10.05.2025).

34. IMF. Jordan and Lebanon: Energy Dependence Risks. – Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2022. – URL: <https://www.imf.org> (дата обращения: 10.05.2025).

35. International Energy Agency (IEA). Energy Security Framework. – Paris : IEA, 2021. – URL: <https://www.iea.org/reports/energy-security> (дата обращения: 10.05.2025).

36. International Energy Agency (IEA). The Role of Gas in Clean Energy Transitions. – Paris: IEA, 2021. – 89 p.

37. International Energy Agency (IEA). World Energy Investment 2023. Paris: IEA Publications, 2023. URL: <https://www.iea.org> (дата обращения: 09.05.2025).

38. International Energy Agency. Energy Security Framework. – Paris: IEA, 2021. – URL: <https://www.iea.org/reports/energy-security> (дата обращения: 10.05.2025).

39. International Energy Agency. Middle East Energy Outlook 2022. – Paris: IEA, 2022. – 188 p.

40. International Energy Agency. The Role of Gas in Clean Energy Transitions. – Paris: IEA, 2021. – 89 p.
41. International Energy Agency. World Energy Investment 2023. – Paris: IEA, 2023. – URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2023> (дата обращения 07.05.2025).
42. International Energy Agency. World Energy Outlook 2024. – Paris: IEA, 2024. – 379 p.
43. International Renewable Energy Agency. World Energy Transitions Outlook 2024: 1.5°C Pathway. — Abu Dhabi: IRENA, 2024. — 168 p.
44. IRENA. Renewable Energy Market Analysis: MENA. – Abu Dhabi: IRENA, 2023. – 128 p.
45. IRENA. Renewable Energy Prospects: Middle East. – Abu Dhabi, 2023. – 120 p.
46. IRENA. Renewable Energy Statistics 2023. – Abu Dhabi: International Renewable Energy Agency, 2023. – 154 p.
47. Kearney. Statistical Review of World Energy 2023. – URL: <https://www.energy-transition-institute.com/article/statistical-review-of-world-energy-2023> (дата обращения: 13.05.2025).
48. OPEC Annual Report. – 2023. – URL: <https://www.opec.org> (дата обращения: 10.05.2025).
49. OPEC. Annual Report 2023. – Vienna: OPEC, 2023. – URL: <https://www.opec.org/assets/assetdb/annual-report-2023.pdf> (дата обращения 11.05.2025).
50. OPEC. Annual Statistical Bulletin 2023. – URL: <https://www.opec.org/assets/assetdb/asb-2023.pdf> (дата обращения: 12.05.2025).
51. OPEC. Annual Statistical Bulletin 2023. – URL: <https://www.opec.org> (дата обращения: 12.05.2025).
52. Public Investment Fund. Annual Report 2022. – Riyadh: PIF, 2023. – 89 p.
53. Saudi Aramco. Energy Security Strategy 2023. – Dhahran: Saudi Aramco, 2023. – 54 p.

54. Saudi Aramco. LNG and Renewable Energy Investments. – Dhahran: Saudi Aramco, 2023. – 67 p.
55. Saudi Aramco. Energy Security Strategy 2023. – Dhahran: Aramco, 2023. – 54 p.
56. Sinn H.-W. The Green Paradox: A Supply-Side Approach to Global Warming. Cambridge: MIT Press, 2012. 280 p.
57. SIPRI. Saudi Arms Imports 2015–2023. – Stockholm: SIPRI, 2023. – URL: <https://www.sipri.org/saudi-arms> (дата обращения: 10.05.2023).
58. SIPRI. Trends in International Arm Transfers, 2024. – Stockholm, 2023. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2025-03/fs_2503_at_2024_0.pdf#:~:text=of%20Russian%20arms%20exports%20remained%20at%20around%20the%20same%20level%20as%20in%202023&text=Arms%20imports%20by%20Saudi%20Arabia%20decreased%20by%2041%20per%20cent%20between%202015%E2%80%9319 (дата обращения 08.05.2025).
59. Statistics Norway (SSB). Petroleum activities and the Norwegian economy. 2023. URL: <https://www.ssb.no> (дата обращения: 10.05.2025).
60. Statistics Norway. Lower revenues and higher costs on the Norwegian Continental Shelf in 2023. – 2023. – URL: <https://www.ssb.no/en/energi-og-industri/olje-og-gass/statistikk/olje-og-gassutvinning-og-utvinningstjenester/articles/lower-revenues-and-higher-costs-on-the-norwegian-continental-shelf-in-2023> (дата обращения: 10.05.2025).
61. The World Bank. Iraq Economic Monitor: Navigating the Crisis. – 2020. – URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/223211596212795238/iraq-economic-monitor-navigating-the-crisis> (дата обращения: 08.05.2025).
62. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023. – URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2023> (дата обращения: 10.05.2025).
63. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023. – URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2023> (дата обращения: 10.05.2025).

64. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2023. <https://www.transparency.org/en/cpi/2023>
65. U.S. Department of State. Morocco-Israel Normalization Agreement. – 2020. – URL: <https://www.state.gov> (дата обращения: 13.05.2025).
66. U.S. Department of State. Morocco–Israel Normalization Agreement. – 2020. – URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/01/Joint-Declaration-US-Morocco-Israel.pdf> (дата обращения: 13.05.2025).
67. U.S. Department of State. Morocco–Israel Normalization Agreement. – 2020. – URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/01/Joint-Declaration-US-Morocco-Israel.pdf> (дата обращения: 13.05.2025).
68. U.S. Energy Information Administration (EIA). Middle East Energy Overview. – Washington, D.C.: EIA, 2023. – URL: <https://www.eia.gov/middle-east> (дата обращения: 25.11.2023).
69. U.S. Energy Information Administration. Middle East Energy Overview. – Washington, D.C.: EIA, 2023.
70. U.S. Energy Information Administration. Middle East Energy Overview. – Washington, D.C.: EIA, 2023.
71. UAE Energy Strategy 2050 [Электронный ресурс]. – Abu Dhabi: Ministry of Energy and Infrastructure, 2017. – URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/energy-strategy-2050>.
72. UN Iraq Report. Water Scarcity and Social Unrest in Basra. – Geneva: United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs, 2020. – 30 p.
73. World Bank. Iraq Economic Monitor: Navigating the Perfect Storm. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/446201588465646751/pdf/Iraq-Economic-Monitor-Navigating-the-Perfect-Storm-Redux.pdf> (дата обращения: 09.05.2025).
74. World Bank. Libya Economic Monitor. – 2020. – URL: <https://www.worldbank.org> (дата обращения: 25.05.2023)
75. World Bank. The Economic Cost of Lebanon’s Energy Crisis. – 2023. – URL: <https://documents.worldbank.org> (дата обращения: 08.05.2025).

76. World Bank. The Economic Cost of Lebanon's Energy Crisis. – Washington, D.C., 2023. – 34 p.

III. Исследования

77. Аль-Сауд, М. Saudi Aramco: от национального лидера к глобальному игроку / М. Аль-Сауд. – Dubai: Gulf Research Center, 2022. – 176 p.

78. Аль-Хамад А. Р. Государственные и негосударственные акторы в энергетике Ближнего Востока / А. Р. Аль-Хамад. – М.: Издательство «Международные отношения», 2020. – 256 с.

79. Аузан А.А. Институциональная экономика для «чайников». – М.: Экономика, 2011. – 320 с.

80. Беблavi X., Лучани Дж. Рентное государство. Лондон: Croom Helm, 1987. 280 с.

81. Бобкин Н.Н. Соперничество между США и Китаем на Ближнем Востоке: последствия для региональной и глобальной политики // США & Канада: экономика, политика, культура. - 2024. - №1. - С. 18-34.

82. Бузан Б., Вейвер О. Регионы и силы: Структура международной безопасности. – М.: РОССПЭН, 2003. – 478 с.

83. Васильев А.М. Арабский мир в конце XX – начале XXI века. – М.: Институт востоковедения РАН, 2012. – 480 с.

84. Васильев, А. М. Племена и ресурсы: социодинамика Ближнего Востока / А. М. Васильев. – М.: Наука, 2017. – 302 с.

85. Глазьев, С. Ю. Глобальный энергопереход и интересы России / С. Ю. Глазьев. – М.: Наука, 2023. – 176 с.

86. Дугин А.Г. Основы геополитики / А. Г. Дугин. – М.: Академический проект, 2015. – 576 с.

87. Звягельская И. Д. Региональные конфликты на Ближнем Востоке. - М. : Аспект Пресс, 2020. - 256 с.

88. Звягельская И.Д., Морозов В.М. Сурков Н.Ю. Тюкаева Т.И. Ближний Восток: Политика и идентичность. Коллективная монография / Под ред.

И.Д.Звягельской. ИМЭМО РАН. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 336 с.

89. Звягельская, И. Д. Конфликты на Ближнем Востоке / И. Д. Звягельская. – М. : Аспект Пресс, 2023. – 245 с.

90. Звягельская И.Д. Ближний Восток: Политика и идентичность // ИМЭМО РАН. 2024. – 316 с.

91. Иванов С. В. Транснациональные корпорации в нефтегазовом секторе / С. В. Иванов, Е. А. Петрова. – СПб.: НефтегазПресс, 2018. – 312 с.

92. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – М.: Нестор-История, 2014. – 469 с.

93. Коротаев А.В., Исаев Л.М. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном контексте. Ежегодник / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. – Волгоград: Учитель, 2016. – 408 с.

94. КОРТУНОВ А.В. Ирано-иракская война: Энергетика и геополитика. – М.: Международные отношения, 2015. – 288 с.

95. Кудрявцев А.В. Исламское государство: эволюция террористической угрозы. – М.: ИСАА МГУ, 2020. – 200 с.

96. Кудряшов А.В. Современный Ближний Восток: войны без победителей. – М.: ИВ РАН, 2020. – 216 с.

97. Кузнецов, А. С. Сирия: последствия интервенций / А. С. Кузнецов. – М.: РСМД, 2023. – 145 с.

98. Листер Ч. Гибридные войны и энергетическая безопасность. – М.: Международные отношения, 2021. – 304 с.

99. Лукин А. В. Китайская стратегия «Пояс и путь» / А. В. Лукин. – Москва: Международные отношения, 2020. – 254 с.

100. Мелкумян Е.С. Экономика стран Ближнего Востока: вызовы современности. М.: ИВ РАН, 2022.

101. Мельянцев, В. А. Экономический кризис в Ливане: причины и последствия / В. А. Мельянцев. – Москва : МГИМО-Университет, 2022. – 132 с.

102. Наумкин В. В. Ближний Восток в мировой политике и культуре: (избранные статьи, лекции, доклады 2009–2011 гг.). – М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – 375 с.
103. Наумкин В. В., Барановский В. Г. Ближний Восток в поисках политического будущего / под ред. В. В. Наумкина. – М.: Институт востоковедения РАН, 2019. – 484 с.
104. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
105. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. — New York : Crown Publishers, 2012. — 544 p.
106. Al-Rasheed M. A History of Saudi Arabia / M. Al-Rasheed. – Cambridge: Cambridge UP, 2023. – 320 p.
107. Ansari A. Iran's Asymmetric Diplomacy. – London: Chatham House, 2020. – 45 p.
108. Ansari, A. Iran's Counter-Sanctions Strategy / A. Ansari. – London : IISS, 2023. – 67 p.
109. Auty R.M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. – London: Routledge, 1993. – 272 p.
110. Buzan B., Gonzalez-Pelaez A. International Society and the Middle East. – L.: Palgrave, 2009. – 320 p.
111. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 592 p.
112. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. – Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 239 p.
113. Chaziza M. China's Middle East Diplomacy: The Belt and Road Strategic Partnership: // Liverpool University Press. – 2020. – 246 p.
114. Chubin S. Iran and Iraq at War. – L.: I.B. Tauris, 1988. – 210 p.

115. Cordesman A. H. *The Middle East and the Transition to a Multipolar World: The Issues, the Actors, and the Uncertain Future*. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2023. — 88 p.
116. Cordesman A.H. *The Gulf and the Struggle for Hegemony: Arabs, Iranians, and the West*. – Washington: CSIS, 2018. – 294 p.
117. Creer C. *Rentier Islamism: The Role of the Muslim Brotherhood in the Gulf* // Middle East Centre. 2015. – 24 p.
118. Cordesman A.H., Obaid N.E. *National Security in Saudi Arabia: Threats, Responses, and Challenges* / A.H. Cordesma, N.E. Obaid. - Greenwood, 2005. - 320 p.
119. Freire C. *International Relations of the Middle East* // – 3th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 424 p.
120. Fukuyama F. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment* / F. Fukuyama. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018. – 240 p.
121. Gause F. G. *The International Relations of the Persian Gulf*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 258 p.
122. Gause F.G. *Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War*. – Washington, D.C.: The Brookings Institution, 2014. – 22 p.
123. Giannakopoulos A. *Energy Cooperation and Security in the Eastern Mediterranean: A Seismic Shift towards Peace or Conflict?* – Tel Aviv, 2016. - 132 p.
124. Gunter M. *The Kurdish Question in Perspective*. – *World Affairs*, vol. 166, no. 4, 2004, pp. 197–205.
125. Hansen L. *Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War*. – London: Routledge, 2006. – 256 p.
126. Harvey D. *The New Imperialism*. – Oxford: OUP, 2003. – 256 p.
127. Hertog S. *Princes, Brokers, and Bureaucrats: Oil and the State in Saudi Arabia* / S. Hertog. – Ithaca: Cornell University Press, 2010. – 312 p.
128. Hillman J.E. *The Emperor's New Road: China and the Project of the Century*. – New Haven: Yale University Press, 2020. – 352 p.
129. Karl T.L. *The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States*. – Berkeley: University of California Press, 1997. – 342 p.

130. Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence. – N.Y.: Pearson, 2012. – 368 p.
131. Khalidi, R. Sowing Crisis: The Cold War and American Dominance in the Middle East. Boston: Beacon Press [Электронный ресурс]. – URL: https://www.academia.edu/36276736/Sowing_Crisis_The_Cold_War_and_American_Dominance_in_the_Middle_East
132. Klare M. Resource Wars: The New Landscape of Global Conflict. – N.Y.: Metropolitan Books, 2001. – 304 c.
133. Litsas S. N., Tziampiris A. The New Eastern Mediterranean: Theory, Politics and States in a Volatile Er. – Springer, 2019. – 193 p.
134. Luomi M. The Energy Transition in Small States: Sovereignty vs. Sustainability // Energy Policy. 2020. Vol. 145.
135. Luttwak E.N. The Rise of China vs. the Logic of Strategy. – Cambridge: Harvard University Press, 2012. – 320 p.
136. Lynch M. (ed.) The Political Science of the Middle East: Theory and Research Since the Arab Uprisings. – Oxford : Oxford University Press, 2022. – 392 p.
137. Lynch M. What Is the Middle East? The Theory and Practice of Regions. – Cambridge : Cambridge University Press, 2025. – 78 p.
138. Lynch, M. The Arab Uprisings: The Unfinished Revolutions / M. Lynch. – New York : PublicAffairs, 2023. – 210 p
139. Mills R., Alhashemi F. Resource Regionalism in the Middle East and North Africa: Rich Lands, Neglected People. – Washington, DC: Brookings Doha Center, 2018. – 180 p.
140. Mitchell, J. Eastern Mediterranean Gas: Geopolitical Challenges / J. Mitchell. – Oxford : OIES, 2023. – 89 p.
141. NEOM Green Hydrogen Company. Project Update Report 2023. – Riyadh: NGHC, 2023. – 45 p.
142. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 152 p.

143. Painter D.S. Oil and the American Century. – Baltimore: JHU Press, 1986. – 310 p.
144. Perthes V. America's «Greater Middle East» and Europe: Key Issues for Dialogue / V. Perthes // Middle East Policy. - 2004. - № 3. - 324 p.;
145. Roberts D. Energy Geopolitics in the Middle East: Actors and Dynamics // D. Roberts. – London: Routledge, 2019. – 198 p.
146. Rolland N. China's Belt and Road at Ten: A Recalibration? – Seattle: National Bureau of Asian Research, 2023. – 150 p.
147. Rolland N. China's Eurasian Century? Political and Strategic Implications of the Belt and Road Initiative. – Seattle: National Bureau of Asian Research, 2017. – 320 p.
148. Ross M. The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations. — Princeton : Princeton University Press, 2012. — 312 p.
149. Sharma A. The Qatar Crisis: Politics of Coercion. – CAPS in Focus, 2017. – URL:https://www.academia.edu/33453518/THE_QATAR_CRISIS_POLITICS_OF_COERCION (дата обращения: 12.05.2025).
150. Stulberg A. N. Geopolitics of Energy Transition in the Middle East // Stanford University Working Papers. – Stanford, 2022. – 42 p.
151. Stulberg, A. Hybrid Energy Wars / A. Stulberg. – Stanford : Stanford UP, 2023. – 198 p.
152. Stulberg, A. N. Geopolitics of Energy in the Middle East / A. N. Stulberg. – Stanford : Stanford UP, 2023. – 176 с.
153. Tagliapietra S. The Eastern Mediterranean as a New Energy Hub. - Brussels: Bruegel, 2019. - 41 p.
154. Tagliapietra, S. Eastern Mediterranean Gas: Conflict and Cooperation / S. Tagliapietra. – Brussels: Bruegel, 2023. – 89 p.
155. Ulrichsen, K. C. Qatar and the Gulf Crisis / K. C. Ulrichsen. – London : Hurst, 2020. – 190 p.
156. Vitalis R. America's Kingdom: Mythmaking on the Saudi Oil Frontier. – Stanford: Stanford University Press, 2006. – 280 p.

157. Woertz E. Food Security in the Arabian Peninsula. – Washington, D.C.: Carnegie Middle East Center, 2013. – 58 p.
158. Yergin D. The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations. — New York : Penguin Press, 2020. — 512 p.
159. Yergin D. The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations. - New York : Penguin Press, 2020. - 512 p.
160. Yergin D. The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations. – L.: Penguin, 2020. – 320 p.
161. Yergin D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power. – New York: Simon & Schuster, 1991. – 912 p.
162. Yergin D. The Quest: Energy, Security, and the Remaking of the Modern World. – N. Y.: Penguin Press, 2011. – 816 p.

IV. Статьи

163. Аватков В. А., Сбитнева А. И. Между Западом и Незападом: Турция перед лицом геостратегического выбора// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 1. – С. 131–142.
164. Ахмед А.Ю. خريطة التفاعلات الإقليمية ومستقبل النظام العربي [Карта региональных взаимодействий и будущее арабской системы]. – مركز الأهرام للدراسات 2023 السياسية والاستراتيجية، [Электронный ресурс] – URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/20996.aspx> (дата обращения: 24.02.2026).
165. Ахмедов В. М. Невоенные методы в политике Ирана на Ближнем Востоке: предпосылки, практика, последствия / В. М. Ахмедов // Восточная аналитика. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 81–90.
166. Ахмедов В.М. Сирийско-иранский альянс в контексте политики Ирана на Ближнем Востоке // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 2 (6). – С. 7-34.
167. Белов В. И. (Юртаев В. И.) Энергетическая дипломатия и формирование «экономики сопротивления» в Иране // Вестник РУДН. – 2025. – № 3. – С. 522-537.

168. Дергачев В. А. Геоэкономика и региональные конфликты Ближнего Востока // Век глобализации. – 2025. – № 1. – С. 92-106.
169. Долгов Б. В. Сирийский конфликт в контексте обострения военно-политической ситуации на Ближнем Востоке (2023–2024) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 5. С. 187-198.
170. Звягельская И. Д. Новый регионализм и старые проблемы Ближнего Востока // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 6. – С. 55–66.
171. Иванов А.А. Энергетическая стратегия Саудовской Аравии в условиях глобального энергоперехода // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 5. С. 34-42.
172. Кандиль А. *مصر وسوريا ومستقبل التعاون في قطاع الطاقة* [Египет и Сирия: перспективы сотрудничества в энергетическом секторе]. – *مركز الأهرام للدراسات السياسية*. 2025. *والاستراتيجية*. [Электронный ресурс] – URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/21342.aspx> (дата обращения: 24.02.2026).
173. Корнилов А.А. Стратегическая азбука Израиля. Концепции, институты и эксперты в процессе формирования политики национальной безопасности // Н.Новгород: 2024. 368 с.
174. Корнилов А.А., Кашенина Г.В. Основные направления торгово-экономического сотрудничества Сирийской Арабской Республики и Исламской Республики Иран (2011-2023 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 3. 2024. С. 25-34.
175. Косач Г. Г. Саудовская Аравия и Израиль: палестинский контекст // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 1. – С. 61–69.
176. Косач Г.Г. Саудовская Аравия между США и Китаем в XXI в.: успешное балансирование // Мировая экономика и международные отношения. - 2024. - Т. 68. - №5. - С. 61-71.
177. Кузнецов А. С. Восточное Средиземноморье как новый энергетический узел мировой политики // Вестник МГИМО-Университета. - 2022. - Т. 15, № 4. - С. 89–104.

178. Кузнецов А.А. Добыча природного газа на ливанском шельфе (политические и международно-правовые аспекты).// «Геоэкономика энергетики» 2018, №1, сс.142-154

179. Лукьянов Ф.А. Переосмысление многополярности: уроки украинского кризиса // Россия в глобальной политике. – 2023. – № 3. – С. 45–60.

180. Макареня Т.А., Убайди Ахмед Ибрагим Хусейн Национальная энергетическая стратегия Ирака по добыче нефти и газа (анализ вызовов). [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iraqi-national-energy-strategy-for-oil-and-gas-production-analysis-of-challenges> (дата обращения: 11.05.2025).

181. Мелкумян Е.С. Ближневосточная политика арабских государств Залива в свете обострения региональной ситуации // ВОСТОК (ORIENT). Афро-азиатские общества: история и современность. – 2024. – № 5. – С. 95-107.

182. Мелкумян Е.С. Корректировка образа королевства: официальный саудовский нарратив // Восточная аналитика. – 2025. – Т.16, №2. – С. 96-106.

183. Мелкумян Е.С. Эволюция гражданского общества в Кувейте (1961–2020) // Новая и новейшая история. - 2023. - №1. - С. 141-150.

184. Милиджи А., Камаль Н. كمال نيفين.سياسات تحقيق أمن الطاقة في مصر مليجي أسماء، كمال نيفين.سياسات تحقيق أمن الطاقة في مصر [Политика обеспечения энергетической безопасности Египта в условиях российско-украинского конфликта] // المجلة المصرية للتنمية والتخطيط // المجلة المصرية للتنمية والتخطيط // URL: https://journals.ekb.eg/article_399941.html (дата обращения: 24.02.2026).

185. Наумкин В. В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития / В. В. Наумкин // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 3. – С. 5–17.

186. Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство / В. В. Наумкин // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2015. – Т. 7, № 1. – С. 66–96

187. Наумкин В. В. Кризис государств-наций на Ближнем Востоке / В. В. Наумкин // Международные процессы. – 2017. – Т. 15, № 2. – С. 27–43.
188. Приписнова Е.С., Старкин С.В., Кривов С.В. Энергетический фактор современной геополитики: попытка когнитивного подхода // Мирская политика. № 3. 2022. С. 54-63.
189. Рыжов И. В., Бородин М. Ю., Савичева Е. М. Ближний Восток: поиск новой архитектуры безопасности в меняющемся мире// Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. Вып. 2. С. 418–435.
190. Сабер Ш. شروق صابر.
هل يدفع تراجع النفوذ الإقليمي إيران إلى تعزيز حضورها في آسيا الوسطى؟ [Приведёт ли снижение регионального влияния Ирана к усилению его присутствия в Центральной Азии?] – 2024. مركز الأهرام للدراسات السياسية والاستراتيجية، [Электронный ресурс] – URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/21372.aspx> (дата обращения: 24.02.2026).
191. Субботин М.А. Санкции в режиме нон-стоп / М.А. Субботин // Профиль. – 2016. – № 19 (953). – С. 17.
192. Филоник А.О., Исаев В.А., Морозов В.М. Возобновляемые источники энергии в развитии арабского востока (на примере становления гелиоэнергетики). Вестник МГИМО-Университета. 2017;(6(57)):143-160.
193. Фролова О. А. Йемен: война без победителей / О. А. Фролова. – Москва: ИВ РАН, 2021. – 175 с.
194. Хохлышева О. О., Колобов О. А., Бородин М. Ю., Комаха А. А. Формирование палестинского вопроса в ближневосточной дипломатии «великих держав» периода 1911–1919 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2022. – № 6. – С. 24–33.
195. Шмат В.В. Ресурсный национализм: уроки третьего мира // Мирская экономика и международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 28–39.

196. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // American Economic Review. – 2001. – Vol. 91, No. 5. – P. 1369–1401.

197. Al Jazeera. Lebanon's Collapse: Energy and Politics. – 2023. – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.aljazeera.com> (дата обращения: 10.05.2023).

198. Al-Ahram Center for Political & Strategic Studies السياسية للدراسات الأهرام مركز الأوساط الشرق في الإقليمي الأمن مستقبل. والاستراتيجية Ближнем Востоке]. – القاهرة، 2025. [Электронный ресурс] – URL: <https://acpss.ahram.org.eg/media/News/2025/12/31/2025-639027794292245126-224.pdf> (дата обращения: 24.02.2026).

199. Al-Ahram Center for Political & Strategic Studies السياسية للدراسات الأهرام مركز الأورومتوسطية؟ للشراكة تحدي أم فرصة: المتوسط شرق في الغاز حقول. والاستراتيجية [Газовые месторождения Восточного Средиземноморья: возможность или вызов евро-средиземноморскому сотрудничеству?] – 2021. [Электронный ресурс] – URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/17075.aspx> (дата обращения: 24.02.2026).

200. Al-Ahram Center for Political & Strategic Studies السياسية للدراسات الأهرام مركز المتوسط وشرق الأحمر البحر حوض تجاه الإسرائيلية العسكرية السياسة في البحري الأمن متغير. والاستراتيجية [Фактор морской безопасности в военной политике Израиля в Красном море и Восточном Средиземноморье]. – 2023. – URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/20930.aspx> [Электронный ресурс] (дата обращения: 24.02.2026).

201. 201. Al-Ahram Center for Political & Strategic Studies للدراسات الأهرام مركز المتحدة الولايات مع المواجهة وسيناريوهات الأحمر البحر في الحوثي التصعيد. والاستراتيجية السياسية [Эскалация хуситов в Красном море и сценарии конфликта с США]. – 2024. [Электронный ресурс] – URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/21150.aspx> (дата обращения: 24.02.2026).

202. Al Jazeera. UAE-Israel Normalization: Economic Gains vs. Political Costs. – Doha : Al Jazeera, 2021. – URL: <https://www.aljazeera.com/uae-israel> (дата обращения: 10.05.2025).

203. Al-Hawari H. Energy Security in Jordan: Challenges and Opportunities // Middle East Policy. 2022. Vol. 29. No. 3. P. 45–60.
204. Al-Monitor. Protests Against Chinese Oil Companies in Iraq. – 2021. – URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2021/07/chinese-oil-companies-fill-void-iraq> (дата обращения: 13.05.2025).
205. Are the Middle East and the Near East the Same Thing? // www.britannica.com URL: <https://www.britannica.com/story/are-the-middleeast-and-the-near-east-the-same-thing>
206. Areiqat, R. 2021. Energy Crisis in Lebanon: Institutional Paralysis and Corruption. Middle East Policy Journal, vol. 28, no. 3, pp. 45–60.
207. Ashraf Mishrif The Challenges of Economic Diversification in the Gulf. 2018. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/322335700_Challenges_of_Economic_Diversification_in_the_GCC_Countries#:~:text=2,the%20dynamics%20of%20regional%20inte gra%2D (дата обращения: 10.05.2023).
208. Erdős K. Eastern Mediterranean Gas Conflicts: Geopolitics and Law. Energy Policy Review, 55(1), 45–60.
209. Fearon J.D., Laitin D.D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War // American Political Science Review. – 2003. – Vol. 97. – № 1. – P. 75–90.
210. Filkins D. Iran's Proxy Networks / D. Filkins // The New Yorker. – 2023. – № 15. – P. 34–47.
211. Fulton J. Yemen's War and the Energy Security Dilemma // Middle East Institute. – 2023.
212. Gavrilov V. L. IRAN'S OIL AND GAS SECTOR: CURRENT STATE, CHALLENGES AND PROSPECTS // Russian Journal of Management. 2025. no. 5. pp. 296-307.
213. Krane J. Climate policy and energy transition in hydrocarbon-dependent economies // Oxford Institute for Energy Studies Working Paper. – 2024. – №. 124. – 36 p.

214. Kanellopoulos A. N., Galanis K. Turkey's Energy Strategy in the Eastern Mediterranean: Business Planning – Challenges – Adjustments// HAPSc Policy Briefs Series, 3(1), 95–104.
215. Katz M. N. Putin's Grand Strategy Toward the Middle East // Grand Strategy in the Contemporary Middle East: The Concepts and Debates / eds. T. T. Petersen, C. Jones. – Berlin: Gerlach Press, 2025. – Pp. 55–68.
216. Luciani G. From Consumerism to Development Rent: The Evolution of Gulf Sovereign Wealth Funds // Middle East Policy. 2022. Vol. 29. № 3. P. 45–61.
217. Luciani G. The Political Economy of Energy Reform: The Clean Energy-Fossil Fuel Balance in the Gulf // Gulf Research Center. – 2020. – № 45. – P. 12-34.
218. Lynch M. The New Arab Order: Power and Violence in Today's Middle East / M. Lynch // Foreign Affairs. – 2020. – Vol. 99, № 5. – P. 116–126
219. Memorandum of Understanding between Egypt and the European Union on Strategic Partnership in Energy [Электронный ресурс]. – Brussels, 2022. – URL: <https://energy.ec.europa.eu> (дата обращения 25.03.2023)
220. Mtiraoui A., Lazreg M., Chemli L. Institutional quality and economic growth in the energy transition of MENA countries // International Journal of Energy Economics and Policy. – 2024. – Vol. 14, №. 6. – P. 21–228.
221. Osman N. Ö. Where is the Middle East? The Definition and Classification Problem of the Middle East as a Regional Subsystem in International Relations/ N. Ö. Osman // Turkish Journal of Politics. – Turkey, 2011. - №2. - С. 15.
222. Perthes V. The Middle East Order after 2023: Fragmentation and Realignment // International Politics. – 2024. – Vol. 61, № 6. – P. 1021-1038.
223. Rouhani, H. Iran's Position on the JCPOA: Statements and Interviews (2015–2023). – Tehran: Ministry of Foreign Affairs of Iran, 2023. – URL: <https://en.mfa.ir/jcproa> (дата обращения: 13.05.2025).
224. Salah A. A., Shalby M. M., Basim Ismail, F. The status and potential of renewable energy development in Jordan: exploring challenges and opportunities. Sustainability: Science, Practice and Policy, 19(1). <https://doi.org/10.1080/15487733.2023.2212517>

225. Wendt A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. – 1992. – Vol. 46, No. 2. – P. 391–425.

Диссертации и авторефераты

226. Баранов Д. А. Современные кризисы политических режимов государств Ближнего Востока и Северной Африки: автореф. дис. канд. наук: 23.00.02 / Финансовый университет при Правительстве РФ. – 2021. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/sovremennye-krizisy-politicheskikh-rezhimov-gosudarstv-blizhnego-vostoka-i-severnoi-afriki>

227. Бребдани А. Политика КНР в отношении арабских стран Ближнего Востока (2004–2022 гг.): автореф. дис. канд. наук / Российский университет дружбы народов. – М., 2023. – 209 с.

228. Дирани Ф. Промышленная политика при формировании нефтегазового комплекса Ливана в условиях устойчивого развития: автореф. дис.... канд. наук – Санкт-Петербургский горный университет им. Екатерины II, 2025. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/promyshlennaya-politika-pri-formirovanii-neftegazovogo-kompleksa-livana-v-usloviyakh-ustoich> (дата обращения: 04.11.2025)

229. Ханалиев Н. У. «Расширенный Ближний Восток» в системе современного миропорядка: основные акторы, стратегии, политические приоритеты России: автореф. дис.... – МГУ им. М. В. Ломоносова, 2022. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/rasshirenniy-blizhnii-vostok-v-sisteme-sovremennogo-miroporyadka-osnovnye-aktory-strategii> (дата обращения: 13.06.2024)